

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2011

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
[http: //www.msp.su](http://www.msp.su)

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (HESP), Фонда Карнеги(Нью-Йорк),
Фонда Ч.С.Мотта, Шведского агентства международного сотрудничества для
развития(SIDA), группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 4 (57) 2011

К читателю 5

Семинар

Уличные беспорядки и долг полицейского
Сэр Крис Фокс, Кит Хэмпсон 7
Дискуссия 12

Экономика России: пределы оптимизма
Сергей Алексашенко 18
Дискуссия 23

Тема номера

Россия в глобальном экономическом пространстве
Торбьерн Беккер 29

Вызовы и угрозы

Интернет и общество
Михаэль Мертес 35

СМИ и общество

Журналист в трудные времена
Квентин Пил 41

Точка зрения

Эволюция российской журналистики
Андрей Колесников 46

Выборы

Выборы-2011
Нодар Хананашвили 53

Государство и общество

Общественный контроль – чувствительная зона современного государства
Михаил Федотов 59

Право и политика

Противодействие коррупции: пределы возможного 71
Елена Панфилова

Право и власть или право на власть? 75
Светлана Неретина

Гражданское общество

Гражданское образование в истории западной философии 86
Александр Согомонов

Уличные беспорядки и риторика 97
Леон Конрад

Горизонты понимания

Мы уже не бандерлоги 101
Александр Волков

Наш анонс

Вашингтонская U-стрит. Биография 107
Блэр Рубл

Книги

Биография эксперта Школы 111
Александр Согомонов

Региональное книжное обозрение 114
Юлия Лебедева

Контрапункт 117
Владимир Рыжков

Nota bene

Мера вещей 122
Марина Скорикова

В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов из Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польши, США, Франции, Швейцарии.

К читателю

Человеческие достоинства и пороки присущи любому обществу, людям любой национальности и любой страны. Но их несоразмерное соотношение может разрушить само государство, как это произошло с Советским Союзом и вступлением России на путь буржуазного развития.

Способен ли после эпохи глобального противостояния социализма и капитализма наш сегодняшний капитализм обрести иную, нежели агрессивнo-бюрократическая, государственную устойчивость? Чем закончится продолжающаяся в России буржуазно-демократическая революция, учитывая, что первые две — 1905–1907 годов и Февральская 1917-го закончились контрреволюцией: захватом власти большевиками и победой социализма? А после провала коммунистического эксперимента пришла другая беда — сращивание власти с бизнесом, ее авторитаризация, которая парализовала участие общества в государственных делах. И страна фактически снова оказалась в историческом пространстве начала XX века, и перед нами те же нерешенные проблемы — **собственности и права; демократии и свободы; реального обновления страны.**

Решать эти задачи способно, как показывает европейская история, только гражданское общество, когда оно становится влиятельной силой и полноправным участником жизни страны. Поэтому мы «исторически обречены» заниматься гражданским просвещением и образованием и учиться объединяться в ассоциации, эффективно действующие в интересах общества, чтобы ясно понимать, на каких принципах и ценностях оно может быть основано и каковы наши права и обязанности как граждан.

Общественная жизнь не стоит на месте. Об этом свидетельствует история. Но всегда ли знание о прошлом помогает нам понять настоящее? Под прошлым я имею в виду нашу отечественную языковую традицию, где термин «государство» имеет по меньшей мере три значения, каждое из которых подразумевает специфическую форму организации общества.

*Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»*

Первое, государство — это «Господа дар», этимологически связано с его религиозным смыслом, когда в результате церковного обряда «помазания на царство» российский самодержец получал верховную власть над своими подданными, просуществовавшую до 1917 года.

Затем появилось его квазирелигиозное определение, в соответствии с которым социалистическое государство было превращено в «машину, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»*. При этом идеологический образ этой машины вначале большевики, а потом коммунисты стремились навязать всему миру.

Однако уже в начале XX века существовало в России и другое, либеральное представление о государстве, сторонниками которого были конституционные демократы, считавшие, что государство — это прежде всего народ, живущий на определенной территории, объединенный той или иной степенью солидарности и обладающий организованной властью. То есть имеющий возможность благодаря демократическим процедурам избирать своих представителей в органы власти и контролировать их.

Из трех приведенных значений именно последнее приближает нас к пониманию того, что представляет собой современное государство и гражданское общество. Однако возродить традицию такого понимания, когда люди по-прежнему видят в государстве некую «темную», неподконтрольную силу, разумеется, не просто. Поэтому вернусь к сказанному выше и напомним, когда в русском языке появились слова «государство», «общество» и «гражданин».

Слово «государство» появилось в письменных документах XV века. А слова «общество» и «гражданин», исконнорусское *горожанин*, вошли в русскую культуру в XVI веке.

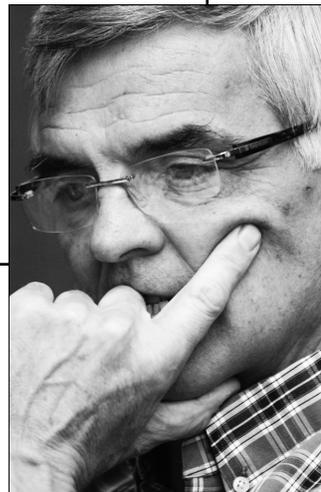
В европейских же языках в это время входит в культурный оборот появившееся ранее нейтральное слово *statī*, имеющее отношение к политическим образованиям (*état*, *estado*, *Staat*, *state*), которые могут создаваться на «постоянном месте» (*station*) — в границах национальной территории. А затем — в начале XVIII века — во Франции издается «Трактат о гражданском обществе» (Claude Buffier. *Traité de la société civile*, 1726), в котором это понятие было впервые вынесено в заглавие книги.

Что из этого следует? Изменилось ли с тех пор представление европейцев о государстве и гражданине? Изменилось, так как изменилось само общество, став гражданским. По мере того, как в контексте формировавшейся идеологии либерализма третье сословие (купцы, ремесленники, буржуазия) начало бороться в XVIII веке за *гражданские права*, затем в XIX веке — за *политические права*, а во второй половине XIX века рабочие, создавая свои партии, начали классовую борьбу за *социальные права*. Именно эта совокупность прав характеризует современное гражданское общество, столкнувшееся с проблемами глобального характера.

Буржуазно-демократическая революция в России продолжается, и очень важно, чтобы все институты нашего общества — государства, бизнес-сообщества, гражданских организаций — понимали необходимость взаимодействия. Лишь в этом случае общество свободно группирующихся людей по социальным, творческим, профессиональным и любым другим интересам сможет противостоять бюрократии и перестанет быть заложником ее коррупционных решений.

* В.И. Ленин. ПСС, т. 39. — С. 75.

*Уличные беспорядки и долг полицейского**

*Сэр Крис Фокс,
президент Ассоциации
руководителей
полицейских служб Британии
(2003-2006)*

Меня попросили сосредоточиться на одном аспекте, а именно на беспорядках, которые случились в Лондоне, а также в других городах Великобритании в августе этого года. Я полагаю,

вы видели, как эти события освещались по телевидению, но было бы интересно обсудить, в какой мере ваши взгляды на эти события совпадают с моими.

Я неслучайно именно так сформулировал тему выступления: «Уличные беспорядки и долг полицейского».

Уличные беспорядки исключительно сложное явление, которое в первую очередь обусловлено, конечно, рядом экономических обстоятельств. Именно экономика создает некую среду, в которой люди ощущают несправедливость, или агрессию, или давление режима. Однако в Британии беспорядки произошли в иных обстоятельствах. В полной мере разобраться в них пока сложно. Но, по крайней мере, мы вынесли некоторые уроки из этой истории, которые, возможно, позволят нам справляться с подобными ситуациями в будущем.

Каждая культура, каждая страна по-своему реагирует на разного рода манифестации, связанные с ощущением несправедливости или низким уровнем удовлетворенности населения. Что же произошло в Лондоне, Нортгемптонте, Манчестере и Бирмингеме в августе 2011 года, в результате чего ряд людей были привлечены к уголовной ответственности? Попытаюсь рассмотреть этот вопрос вначале с точки зрения уголовного права, а затем в историческом контексте.

В британской политике действует принцип, согласно которому подлинная демократия не исключает феномен протеста. Он позволяет власти улавливать чаяния, желания и недовольство народа и реагировать

** Выступление на встрече выпускников МШПИ в Голицыно 4.11.2011.*

Франсуа Рюд. Выступление добровольцев в 1792 году (Марсельеза). 1836–1838

соответствующим образом, поддерживая тем самым равновесие в общественно-политической жизни. Кроме этого, протест как форма общественной жизни рассматривается в контексте прав на свободу слова и выражения. Однако британская полиция как инструмент власти и государственной машины обязана реагировать на беспорядки, стремясь не переступить границу избыточной реакции. Эта демаркационная линия необычайно зыбка, потому что люди, которые подстрекают к беспорядкам, очень быстро меняют тактику. Коро-

че говоря, один из уроков, который мы извлекли из событий этого года, это использование коммуникационных сетей, которые позволили участникам беспорядков проводить акции флешмоба и фактически нарушать работу государственной машины.

И добавлю, прежде чем обратиться к истории беспорядков: телевидение — очень интересная часть общего уравнения. Круглосуточное освещение событий в информационных программах могло создать впечатление, что Лондон в августе 2011 года был объят огнем. Однако площадь беспорядков была на самом деле ограничена фактически двумя улицами. Когда же вы смотрите новости по телевидению, у вас создается совершенно иное впечатление, потому что, показывая наиболее эффектные эпизоды общей картины, оно не достигает верного отражения всего процесса.

Уличные беспорядки в Великобритании XVIII—XIX веков — совершенно привычная картина. Например, людей на улицы выводил дефицит джина. Или они восставали потому, что у католиков были отняты какие-то привиле-

гии; потом они выходили на улицы потому, что католикам эти привилегии вернули; выходили они на улицы и во время войн и революций в других государствах.

В эпоху промышленной революции британцы выходили на улицы, потому что считали, что фабричные машины

*Феномен протеста позволяет власти
улавливать чаяния, желания и
недовольство народа и реагировать
соответствующим образом, поддерживая
тем самым равновесие в общественно-
политической жизни*

отнимали у них работу. Интересно, что в период Великой депрессии 20—30-х годов XX века в Великобритании произошел только один случай уличных беспорядков, и то он был спровоцирован «чернорубашечниками», которые хотели провести марш в квартале, населенном евреями, и они восстали, их поддержала Коммунистическая партия Великобритании. Полиция была вынуждена вмешаться. Была ли здесь причина в экономике или в политике, в правах человека? Не могу ответить на этот вопрос однозначно, но очевидно, что движение «чернорубашечников» использовало плохое экономическое положение молодых людей, которые вливались в нацистские группы.

Во второй половине XX века, в частности в 80—90-е годы, в Великобритании наблюдалось много случаев уличных беспорядков. Фактически все они были связаны с конфликтами представителей афро-карибских общин с полицией. В ряде случаев происходило это из-за действительно избыточной реакции полиции, в других — по при-

чине провокаций. Можно вспомнить еще уличные беспорядки 1984 года, когда правительство пыталось сломить профсоюз горняков. Однако нельзя сказать, что все беспорядки были напрямую связаны с проблемами экономических ограничений.

Суждение о том, что уличные беспорядки в августе 2011 года были вызваны расовыми причинами, основывалось на сплетнях и слухах, распространявшихся намеренно или случайно и ведших к разжиганию страстей. Например, в Бирмингеме возник слух, что девочку-азиатку изнасиловала банда темнокожих. Потом оказалось, что этого в действительности не было. Однако скорость распространения этого слуха была фактически молниеносной благодаря уже упомянутым социальным сетям и рассылке СМС-сообщений. В общем, всем беспорядкам, так или иначе, присущи характерные черты.

Что же касается августовских волнений, то их картина выглядит так. Они начались после того как молодого темнокожего застрелили полицейские, которые расследовали дело о наркоманах. Этот молодой человек оказался в их компании и, будучи остановлен на улице, якобы достал оружие, полицейский выстрелил, и молодой человек был убит. Началось расследование действий полицейских, но уже пошли слухи... Какой бы ни была правда, произошло то, чего не должно было произойти. Поначалу возник мирный протест. Семья жертвы собралась 4 августа у полицейского участка на севере Лондона, чтобы выразить протест, почтить память о сыне и т. д. Так продолжалось два дня. Но в субботу 6 августа у полицейского участка был организован мирный марш, который проходил по двум улицам в районе полицейского участка. Однако вдруг

толпа принялась грабить и поджигать магазины, машины, автобусы. Полиция была к этому совершенно не готова, потому что манифестация была поначалу мирной. Бесчинства были организованы группами молодых мужчин, которые появились там с явным намерением превратить мирный протест в нечто другое.

Затем, в течение следующих трех вечеров подобное произошло в Бирмингеме, в Нортгемптонте и в Манчестере. События имели косвенное отношение к смерти молодого человека, фактически о нем уже забыли. Зато громили магазины, похищали дорогую одежду, электронику, причем в бесчинствах и кражах участвовали молодые преподаватели, адвокаты, врачи, медсестры. Они даже не знали, почему они это делают, многие на следующий день возвращали похищенное. Про них нельзя сказать, что это были безработные, обездоленные, что они были лишены каких-то прав.

В результате этих событий были арестованы четыре тысячи человек, две тысячи из них были обвинены. Это были выходцы из 44 стран. 367 человек депортировали без обвинения, 90% нарушителей были мужчины, в основном молодежь до 20 лет. Три четверти из арестованных имели преступное прошлое, то есть приводы за какие-то правонарушения, воровство и т. д.

Каковы главные выводы? Во-первых, есть некая категория молодых людей, которую легко использовать для разрушения чего бы то ни было, для организации беспорядков. Во-вторых, расследование показало, что среди участников беспорядков было много «активистов», то есть людей, которые организуют преступную деятельность и которых, говорю как полицейский, ни один раз занимавшийся этим, труднее всего найти. Арестовывают,

как правило, рядовых, а не генералов. Так и здесь организаторы арестованы не были, хотя у нас есть основания предполагать, что в данном случае имела место и политическая манипуляция. В-третьих, к беспорядкам имели отношение иностранцы, эмигранты. Тут нечему удивляться, ведь события происходили в тех городах, где много иммигрантов, которые ищут работу. Возможно, они просто оказались там. Но может быть, кто-то из них считал, что в Великобритании не очень дружелюбно к ним относятся. Так или иначе, все они должны нести ответственность за то, что сделали.

Трудно сейчас говорить о конкретных выводах из всей этой ситуации. Однако

ясно, что среди причин можно назвать и такие, как экономическая нестабильность, материальные ограничения. Рецессия означает сокращение рабочих мест, госрасходов. Многих людей беспокоит будущее, особенно молодых мужчин и тех, кто приехал в страну в надежде на лучшую участь.

Иными словами, у части общества возникло ощущение социальной несправедливости, которое было использовано маргинальными политическими группировками, фактически связанными с преступными сообществами. Но тут нет полной ясности даже у нас. Расследование продолжается, продолжают аресты. Мы ищем организаторов, мы должны понять, кто они и какие цели преследуют.

*Кит Хэмпсон,
консультант «Демокраси
Интернэшнл»,
член Парламента
Великобритании, палата
общин (1974–1997)*

Дискуссия

Мне кажется, нужно продолжить рассказ Криса. Не потому что я хочу подвергнуть сомнению его версию событий, а потому что на их причины есть разные точки зрения. Во время манифестаций в центре Лондона мы видели плакаты с лозунгами: «Демократия сейчас!» «Долой капитализм!» «Наказывают многих — привилегии немногим!» Не только в Великобритании, но и по всей Европе к капитализму возникает много вопросов. Что это? Критика капитализма? И что нужно делать? Может быть, мы, политики, в чем-то виновны? Надо во всем разбираться и делать выводы. Однако на улицах Лондона и других городов было бессмысленное насилие. Поджигали автомобили, били окна, грабили магазины. Когда спрашивали молодых людей, участвовавших в манифестациях, что они здесь делают, они отвечали: «Это здорово! Круто! Клево!» Что же это говорит нам о нашем обществе?

Дело не только в том, что преступники увидели, что полицейские не могут с ними справиться и тут можно поживиться. Дело еще в том, что во время беспорядков возникает некая культура толпы. Нужно нанести удар и почувствовать себя сильным. Так бывает на футбольных матчах, когда бесчинствуют болельщики, друг от друга подзаряжаясь и устраивая потом погромы. На чем это все-таки основано? Только ли на преступном поведении или на чем-то другом?

Наш премьер-министр сказал, что в некоторых частях страны общество неблагополучно, огромное количество безработных, их цифра скоро перекроет миллион. У нас есть выпускники университетов, которые уже задолжали обществу, но не могут найти работу, чтобы расплатиться с долгами. Соответственно, настроение в таком обществе меняется. Вместо того чтобы видеть перспективу в жизни, люди испытывают фрустрацию.

Опросы общественного мнения показывают, что у нас возник некий подкласс молодых людей, которые лишены цели в жизни. Примерно 40% из тех, кто участвовал в беспорядках, живут на социальное пособие. У них нет работы, в их семьях есть дети, они живут на грани бедности. И все это в таком богатом обществе, как британское.

С подобных событий началась «арабская весна». И дальше возник принцип домино. Настроения, которые потрясли арабские страны, отмечаются и в США. Сотни человек были арестованы несколько дней назад в Бруклине, где они заблокировали мост, потом парализовали Уолл-стрит. Лозунги были приблизительно те же, которые я назвал. Люди верили в капитализм, а тут вдруг сталкиваются с несправедливостью этого самого капитализма. Конечно, власти должны нести ответственность и понять, что с этим делать. Я не хочу даже намекать на то, что у меня есть какие-то решения.

Считаю, однако, чрезвычайно значимым вопрос образования, особенно для темнокожих представителей общества. В начале 80-х годов я помогал Майклу Хезелтайну, когда он был в правительстве Маргарет Тэтчер, разобраться в причинах беспорядков в населенном темнокожими иммигрантами районе Брикстон в Лондоне и в Ливерпуле. У жителей Ливерпуля, например, было сильное ощущение, что никто во власти о них не думает. Это большой промышленный город, испытывавший спад. 20 процентов безработных. Бытовые условия ужасные, школы скверные. Грамотность учеников, то есть умение просто читать и писать, оставляла желать лучшего. Эти молодые люди знали, что с таким образованием у них нет будущего, нет перспектив получить приличную работу. Возникают криминальные шайки, банды, которые дают хоть какую-то возможность для самоутверждения, жизнь кажется осмысленной. Это наблюдается и у нас, и в Америке, и в странах Европы. В какой-то момент люди решают, что они устали, что они больше не могут терпеть. Спусковым крючком протестных событий всегда является молодежь, которая в последнее время стала винить во всех проблемах капитализм, особенно банковскую систему. Вернее, не столько банки, сколько банкиров.

Люди ищут мишень, на которую можно направить свой гнев. В свое время это были евреи, масоны... Сегодня это банкиры. В Лондоне, сердце современной банковской системы, откуда управляется 40% финансового рынка Европейского союза, где работают миллионы людей, где платятся огромные налоги, тысячи людей выходят на демонстрации против этой системы. Что-то говорит им, что движущей силой капитализма может быть алчность.

У меня нет ощущения, что ведется какая-то информационная кампания, направленная на внушение людям протестного настроения. Однако на прошлой неделе британские газеты пестрили информацией о том, что за 2002–2011 годы зарплаты высших должностных лиц крупнейших компаний выросли на 63%, а так называемые компенсационные пакеты — на 700%, что совершенно не соответствует рентабельности компаний и росту стоимости их активов. В то же время в Британии

растут инфляция, долги, люди еле сводят концы с концами. Есть ли какие-либо сомнения в том, что это может вызывать в обществе протестные настроения? На мой взгляд, нет.

Люди не понимают, за что банкиры, высшие корпоративные лица получают миллионные зарплаты и бонусы, тогда как общее положение в экономике требует аскетизма и суровой бюджетной дисциплины. Нас, европейцев, тревожит прежде всего положение еврозоны, в частности Греции, которая стоит на краю бездны. Коллапс ее финансовой системы может привести к краху всей еврозоны. Следует попытаться понять, как Германия, да и Франция, которые положили все силы на создание европейского валютного союза, не могли осознавать, что вместе с плюсами, которые получит их экономика, возникнут и весьма обременительные обязательства. В монетаристском союзе у сильных экономик неизбежно возникают обязательства перед более слабыми экономиками. Как говорит госпожа Меркель: «Зачастую мы видим, что немцы крайне недовольны тем, что им приходится оплачивать счета людей в Южной Европе, что, по их мнению, ведет к инфляции и вредит немецкой экономике». Иными словами мы можем оказаться в весьма сложной ситуации. Если бы этой ситуацией должным образом занялись несколько месяцев назад, то, может быть, можно было бы ограничиться сокращением греческого бюджета не на пятьдесят, а на двадцать процентов, и еврозоне не пришлось бы входить в столь опасные проливы. В результате сегодня речь идет уже не только о еврозоне, но, может быть, и о судьбе Европейского союза. Я ни в коем случае не хочу пророчествовать, но все же надеюсь на успешность рыночной экономики с низким уровнем государственного регулирования. Но есть сценарии, которыми мы не можем пренебрегать. Госпожа Меркель говорила, что не следует думать, что пятьдесят лет мира Европе гарантированы. Иными словами, призраки прошлой истории восстают. Куда нас может завести подобное мышление? Если наша институциональная структура — политическая и экономическая — не находится под прямой угрозой, то она, бесспорно, нуждается в серьезном переосмыслении.

Роман Хабаров, заместитель директора по правовому обеспечению компании «М-холдинг», г. Воронеж:

— Вы сказали, что полиция оказалась не готова к событиям. Возникают ли идеи изменения правового статуса полицейского, его вооруженности? Нет ли повода говорить о том, что все эти беспорядки в какой-то степени были инициированы и самой полицией, с целью усилить свое влияние? После известных событий во Франции тогдашнего министра внутренних дел Саркози почти обвиняли в том, что он каким-то образом тоже к ним причастен.

Сэр Крис Фокс:

— Нужно ли полиции оружие? Большинство полицейских Великобритании, наверно, скажут, что они не хотят носить оружие,

потому что это может повысить риск неоправданного его применения. Когда после терактов в Лондоне в 2005 году впервые вооруженные офицеры патрулировали британские вокзалы, опрос общественного мнения показал, что граждане в это время чувствуют себя менее защищенными.

Может ли полиция получить политическую выгоду от беспорядков? Действительно, в результате рецессии бюджет полиции был сокращен. И в настоящее время у нас меньше полицейских, меньше ресурсов и в каком-то смысле высшие полицейские чины получили возможность говорить, что преступность растет и мы не можем справиться с этим. Думаю, что это не совсем так. Ясно, что существующие полицейские подразделения пройдут переподготовку и, возможно, получат новые квалификационные навыки. Но мне не кажется, что беспорядки в Великобритании должны вести к росту численности полиции. Я полагаю, что полиция просто была недостаточно мобильной и среагировала недостаточно быстро. Если бы подобная ситуация повторилась, уверен, мы увидели бы иную картину.

Кит Хэмпсон:

— Не хочу вступать в дискуссию по каждому вопросу, но мне хотелось бы дополнить Криса.

У нас было много критики, направленной в адрес полиции. Почему полиция не стала применять более жесткие методы подавления беспо-

рядков? В том числе и потому, что она не подчиняется напрямую правительству. К тому же, когда полиция ведет к быстрому и оперативному подавлению массовых беспорядков, пресса и другие СМИ выступают с жесткой критикой чрезмерных действий.

Дмитрий Виноградов, *главный библиотекарь зональной научной библиотеки ТвеГТУ, г. Тверь:*

— Кит, скажите, может быть, эти события обусловлены слишком большой социальной защитой? Высокими социальными пособиями, которые выплачиваются в европейских странах?

Кит Хэмпсон:

— Действительно, у нас хорошая структура социальных пособий, которая, кстати, пересматривается, как и везде. Например, в Америке государство уже не может быть щедрым. Если государство хочет решить проблему национального долга, какие-то расходы надо сокращать. Население стареет, пожилым людям надо помогать. В Англии формируется культура зависимости. Слишком много людей из бедных кварталов зависят от государственных денег. И лучше брать эти деньги, чем идти и искать работу. У нас в последние 12 лет был экономический подъем. Но эти люди не стали искать работу, они живут на пособие, и это их устраивает. Но если ты участвуешь в каких-то уличных беспорядках или этим занимаешься твои дети, тогда можно потерять эти блага, в том числе право на жилище. Но культура зависимости от пособий приводит к стойкому мнению, что ты как бы имеешь на это право. Школьные учителя говорят, что они не могут призвать учеников к дисциплине, не могут заставить их учиться. Это ребята из бедных районов, у них такой семейный и бытовой фон, что с ними фактически ничего нельзя поделать. Конечно же, школа должна решать как раз эти проблемы. Особенно это относится к сообществу темнокожих. Их родители, их отцы и деды тоже не хотели учиться и работать. Может быть, они пропивали пособия на глазах у детей. Это такая ролевая модель, и она воспроизводится в следующих поколениях.

Вячеслава Иванова, *руководитель пресс-службы Федерации независимых профсоюзов республики, Кабардино-Балкария:*

— Борьба с социальным напряжением — это одна из задач, которой должны заниматься профсоюзы, имеющие в Европе большее влияние, чем в России. Какие попытки предпринимают профсоюзы в Англии, чтобы уменьшить социальное напряжение и стабилизировать ситуацию?

Кит Хэмпсон:

— Это очень хороший вопрос. Профсоюзы должны бы показать людям, что они осознают серьезность экономических проблем и готовы участвовать в их решении. Но вместо этого они выводят

людей на улицу в связи с программой экономического аскетизма, говорят, что сокращаются доходы, что люди теряют работу. Они не хотят признать, что так они не создадут рабочие места. Профсоюзы должны защищать интересы и улучшать условия тех, кто сейчас работает. Во времена госпожи Тэтчер были сильные профсоюзы на угольных шахтах. Они шантажировали правительство, требовали повысить зарплату на 50%. В итоге они проиграли и вынуждены были вернуться на работу. Потом их позиция стала более конструктивной. Хотя так обстоит дело не везде.

Магомед Абдиев, преподаватель Ингушского государственного университета, Республика Ингушетия:

У нас недавно завершилась реформа МВД, милиция стала полицией. Хотелось бы ваших комментариев по этому поводу. Какими качествами, по вашему мнению, должны обладать наши новые полицейские?

Сэр Крис Фокс:

— Прежде всего полицейский должен понимать сообщество, где он следит за порядком, знать, как живут эти люди, что для них важно, сохраняя независимость. Это очень важный момент. Нужны молодые образованные люди. Они должны уметь хорошо говорить, вести дискуссию. Именно говорить, а не демонстрировать мускулы. Именно так можно завоевывать доверие людей. На реальные преобразования уйдет много времени. Но в итоге, я думаю, вы окажетесь в выигрыше.

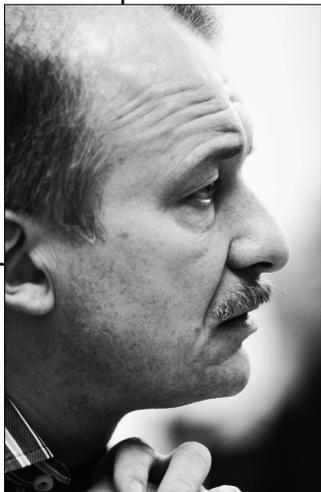
Кирилл Рубанков, корреспондент «Костромской народной газеты», г. Ко-строма:

— Наверняка есть какие-то замеры доверия общественности к британской полиции. Интересно, степень доверия изменилась после августа? Если судить по литературе, то британская полиция только и думает о том, как понравиться общественности. Это так и есть?

Сэр Крис Фокс:

— Если бы лет 30 назад у людей спросили, кому они доверяют больше всех, то врачи и полицейские были бы на первых двух местах. Журналисты и политики были бы на последних местах. Еще там были бы агенты, которые торгуют недвижимостью, их никто не любит. Сейчас в связи с событиями, которые происходили в последние три десятка лет, доверие к полиции опустилось до седьмого места, доверие к политикам упало еще ниже. То же относится к журналистам.

Полиция хочет нравиться людям, но прежде всего она хочет, чтобы ей доверяли. Все хотят, чтобы полицейские поступали правильно, хотя они могут быть и не очень удобны. При этом полицейские понимают, что они инструмент государства. С одной стороны, у тебя власть, а с другой — ты должен быть в контакте с людьми, которых обязан защищать, поскольку таков долг полицейского.

*Сергей Алексахенко,
директор по
макроэкономическим
исследованиям
НИИУ — Высшая школа
экономики,
член научного совета
Московского центра Карнеги*

Экономика России: пределы оптимизма*

Состояние дел в мировой экономике содержит все симптомы ее движения к новому кризису. С другой стороны, для экономики кризис — состояние нормальное. Это момент, когда устраняются накопившиеся дисбалансы, вызвавшие кризис, что позволяет вернуться экономике к равновесному состоянию.

Сегодня, примерно так же как и в 2008 году, мы наблюдаем сочетание двух параллельных процессов в мировой экономике, у каждого из которых своя логика и которые, в принципе, не очень зависят друг от друга. Однако, развиваясь независимо, в определенной фазе они могут таким образом сойтись в одной точке, что это вызовет серьезные потрясения в глобальной экономической системе, как это было в 2008 году, так как речь идет о замедлении темпов роста экономики в основных мировых центрах. Например, мы видим, что экономика США растет все медленнее и медленнее. Если год назад считали, что она вырастет на 3%, то сейчас уже очевидно, что ее рост не превысит 2,5%, а по прогнозу Федеральной резервной системы, объявленному буквально два дня назад, темпы роста американской экономики могут оказаться даже ниже 2%. Это очень мало для экономики, которая традиционно растет быстрее европейской. В европейской же экономике роста практически не наблюдается. В целом последний доклад МВФ, который выходит раз в полгода, показывает, что восстановление после кризиса 2008 года во всех крупнейших, в том числе западных, экономиках мира идет медленнее, чем когда бы то ни было.

Понятно, что это замедление европейской и американской экономик ведет к снижению спроса на товары из других стран. Особенно от этого страдает Китай, который является крупным экспортером мно-

** Выступление на встрече выпускников МШПИ в Голицыно 4.11.2011.*

гих видов промышленной и потребительской продукции в Западную Европу и в США. Соответственно, темпы роста будут замедляться и в Китае, что может привести к снижению спроса на сырьевые товары.

Параллельно с этим развивается и другой кризисный процесс, гораздо более очевидный и наглядный. А именно — финансовый кризис в еврозоне. Почему-то многие считают, что он связан с Грецией, хотя на самом деле он уже вышел за ее пределы. На октябрьском саммите ЕС канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила: «Конечно, мы хотим спасти Грецию, но в итоге мы спасаем евро». Первая программа по спасению экономики Греции была принята, как известно, полтора года назад, в мае 2010 года. С тех пор она пересматривалась три раза. Для меня это лучший индикатор того, что европейские политики еще не до конца понимают ни масштаб кризиса, ни его механизм, ни угрозы, которые он несет для всей еврозоны. Мне кажется, что политикам уже все равно, что будет с Грецией. На повестке дня стоит более серьезный вопрос — целостность еврозоны, выживаемость евро как единой европейской валюты. И ключевое звено здесь, на мой взгляд, это Италия.

Италия — третья экономика еврозоны после Германии и Франции. Почему я считаю Италию ключевым звеном финансового кризиса еврозоны? У нее огромный долг в 120% от ВВП, а ставка доходности по гособлигациям составляет 6,4% по состоянию на вчерашний день. По мнению аналитиков, после критической величины 6,5% долг начнет расти с такой скоростью, что сократить его станет практически невозможно. Государственный долг страны при-

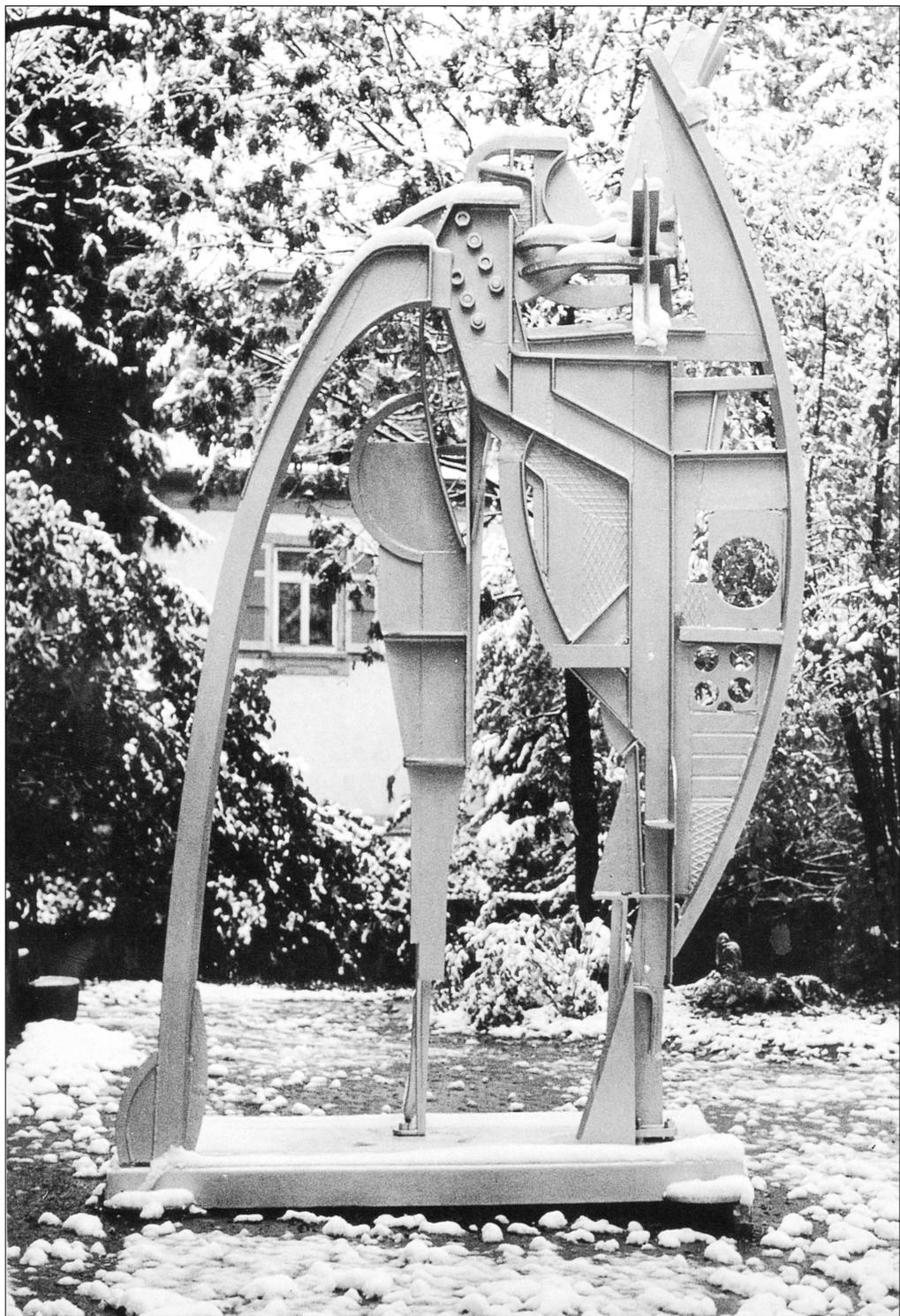
ближается к двум триллионам евро. Это четвертый по величине госдолг в мире после США, Японии, Германии. И самое печальное, что в Италии, как и в Греции, нет политической стабильности, а политическая неопределенность не способствует преодолению кризиса. Сегодня все понимают, что от нынешнего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони тоже нечего ожидать: его потенциал политика исчерпан.

Если все это наложить на то, что в апреле следующего года во Франции будут президентские выборы, а в 2013 году пройдут выборы в парламенты Италии и Германии, понятно, что роль внутривнутриполитических факторов будет усиливаться. В результате европейские экономические саммиты, в конечном счете, упрутся в защиту национальных интересов, в личностные отношения и амбиции политиков, что еще больше затрудняет выход из кризиса. Так что шансов на принятие рациональных решений, чтобы этот кризис остановить, не очень много.

Главную причину я вижу в том, что европейские политики принимают решения с опозданием на два-три месяца. На последнем саммите еврозоны было объявлено, например, что для спасения еврозоны нужен стабилизационный фонд объемом в один триллион евро*, а для рекапитализации крупнейших европейских банков необходимо минимум сто миллиардов евро. В принципе, это огромные деньги. Но долги только Португалии, Италии, Греции и Испании таковы, что до конца 2012 года для их рефинансирования требуется как раз триллион евро.

Процентные ставки по европейским долгам будут расти и дальше. Реальная

* При этом до сих пор не понятно, откуда возьмется этот триллион. Пока ЕФФС располагает 440 миллиардами евро, еще 200 миллиардов будут выделены европейскими центральными банками по каналам Международного валютного фонда, но оставшаяся часть остается проблемой.

Бернхард Люгенбюль. Себряный призрак. 1929

проблема для еврозоны состоит в том, что привлечь такие огромные средства с рынка очень тяжело. Даже Европейский фонд финансовой стабильности (ЕФФС), созданный для борьбы с долговым кризисом в еврозоне, не может разместить свои облигации в том объеме, который необходим для привлечения средств на кредитование стран, попавших в долговую яму. Даже разовый выпуск облигаций на пять миллиардов евро является для этого фонда огромной проблемой. К тому же процентные ставки оказываются выше, чем рассчитывают европейские власти. Эта ситуация, на мой взгляд, европейскими политиками недостаточно учитывается.

Не менее критична проблема рекапитализации европейской банковской системы, на которую предполагается выделить 100 миллиардов евро. Однако три недели назад обанкротился бельгийский банк Dexia, не самый крупный из европейских банков. Только на его спасение акционерами было выделено 45 миллиардов евро. Но если одному банку понадобилась такая сумма, то как могут помочь 100 миллиардов евро десяткам других? Думаю, что реальное увеличение банковских активов в этих обстоятельствах весьма проблематично, а сжатие банковской системы Европы, несомненно, скажется на российской экономике, которая сегодня критически зависит от притока внешнего долгового капитала.

И вот, соединяясь, бюджетный и долговой кризисы стран еврозоны снижают стоимость долговых обязательств банков, они теряют капитал. Соответственно, чтобы компенсировать их потери, снова нужны государственные деньги. Для этого придется увеличивать расходы бюджетов, осуществлять новые займы на рынках, что вызовет рост государственного долга. Эта про-

блема замкнутого круга для Европы является сегодня ключевой, и еврозона пока далека от всеобъемлющего решения.

В этой связи опасность для России и других стран состоит в том, что кризис европейской банковской системы может вызвать глобальный кризис доверия. В экономике, в банковском бизнесе безумно много зависит именно от доверия. Особенно это касается банков, которые выдают друг другу краткосрочные кредиты, дневные, недельные, иногда без всякого обеспечения. Когда банки перестают друг другу доверять, они перестают друг друга кредитовать и, соответственно, прекращают кредитовать клиентов.

Вся торговля в мире, и мировая торговля сырьем в частности, держится на банковских кредитах. Например, падение нефтяных цен в 2008 году со 140 долларов за баррель в середине года до 35 долларов к концу было связано не с тем, что в мире нефть перестали потреблять. Просто сократилось банковское кредитование, и резко снизились объемы мировой торговли в целом. По данным ВТО, объем мировой торговли в 2009 году упал примерно на 12% по сравнению с 2008-м. Такого мировая экономика не испытывала с времен Второй мировой войны. Не только Россия, но и другие страны мира в этой ситуации находятся в зависимом положении, потому что реально в такой ситуации сделать ничего нельзя. Ни Россия, ни Индия, ни Китай, ни Бразилия не могут за еврозону решить ее проблемы. Им остается лишь ждать и надеяться, что ситуация изменится к лучшему.

В России сегодня, после кризиса 2008–2009 годов, можно говорить об относительной стабильности экономики. Особенных проблем, которые могли бы спровоцировать экономиче-

ский кризис, при условии сохранения нынешнего состояния дел в мире, я не вижу. Если цены на нефть останутся на текущем уровне, если финансовые рынки будут работать хотя бы так, как они работают сегодня, я не могу нарисовать сценарий автономного экономического кризиса в России в ближайшие 2–3 года. Все же какая-то устойчивость существует, хотя экономика растет медленно. Если до кризиса она росла на 7% в год, то сейчас рост составляет порядка 3,5–4% в год. Причем если до кризиса экономика росла более-менее равномерно, то сейчас рост явно неустойчивый: показатели колеблются от квартала к кварталу. С бюджетом у нас более или менее в порядке. Планировалось, что в этом году дефицит бюджета будет около 3% от ВВП, но цены на нефть подросли, и бюджет стал профицитным. Рубль не очень сильно колеблется, и хотя он ослаб в августе — сентябре на 10%, население, вопреки рациональным ожиданиям, не побежало покупать валюту, а стало менять деньги на товары. Случился маленький потребительский бум.

Примерно с середины прошлого года реальные доходы населения, с поправкой на инфляцию, не росли. Чтобы случился этот всплеск потребления, население стало брать в долг. По нашим оценкам, приблизительно 50% прироста расходов населения в летние месяцы профинансировано за счет кредитов. Это означает, что наше население не очень верит в новый кризис, оно берет в долг, считая, что хорошие времена вернуться, что в нашей экономике все не так плохо, а то, что происходит в мире, нас не очень касается. Но эта текущая стабильность российской экономики опирается на один-

единственный фактор — цены на нефть. У нас сохраняется и даже усиливается та самая унизирующая сырьевая зависимость, о которой говорят и президент, и премьер. К сожалению, сегодня в федеральном бюджете почти 50% доходов — это доходы от экспорта нефти и газа; примерно 15% — от импорта товаров за счет обложения их таможенными пошлинами. А импорт прямо зависит от объема валюты, которая приходит от экспорта. То есть, чем больше мы продаем сырья, тем больше валюты в стране, тем больше импорт. Если цены на нефть будут расти хотя бы на 10 долларов за баррель каждый год в ближайшие 10 лет, то с российской экономикой и в ближайшие 10 лет ничего плохого не случится. Если же они будут расти на 5 долларов за баррель в год, то бюджетная ситуация станет гораздо хуже.

Дело в том, что в последние годы российские власти приняли ряд колоссальных расходных решений, которые принципиально меняют ситуацию в федеральном бюджете. Это не только повышение пенсий, но и колоссальная программа вооружений, резкое повышение расходов на правоохранительные органы. По оценке института Гайдара, если все эти обещания будут выполнены, а налоговая нагрузка не будет меняться, то через 10 лет дефицит федерального бюджета составит приблизительно 10% ВВП. Для России это означает финансовую катастрофу. Пока ситуацию с бюджетом удавалось держать под контролем, но ценой роста зависимости от состояния внешних факторов. Можно, конечно, строить планы на будущее, рассчитывая и впредь только на удачу, но мне кажется, что ситуация в мире сегодня не дает оснований для такого оптимизма.

Дискуссия

Анастасия Степанова, выпускающий редактор РАМИ РИА «Новости», Москва:

— Скажите, кризис в Греции как-то может повлиять на Россию? Некоторые российские эксперты говорят о том, что вся эта ситуация сильно опустошает кошельки не только европейцев, но и россиян.

Сергей Алексащенко:

— Я считаю, что греческая ситуация вряд ли сильно влияет на кошельки россиян. Объем нашей торговли с Грецией минимальный. Более того, экономика этой страны составляет всего 2% ВВП еврозоны. Нехорошо так говорить, но если греческая экономика перестанет существовать, то мир это не сильно почувствует. В Греции нет крупных финансовых институтов, она не является поставщиком каких-то уникальных товаров на мировой рынок. Возможно, даже ужасный конец лучше, чем ужас без конца. Если предположить, что Греция выйдет из еврозоны, то это будет катастрофой для Греции, но оздоровит еврозону.

Как я уже сказал, в экономике очень многое зависит от доверия. Манипуляции в Греции с бюджетной статистикой и огромный государственный долг породили у инвесторов впечатление, что страна не может справиться со своими обязательствами, и ей перестали давать в долг.

Если ничего не делать, то это недоверие инвесторов к экономикам слабых стран будет только нарастать. Если бы в мае 2010 года были приняты радикальные решения, хотя бы то, что предлагается сейчас (списание 50% долга Греции), то, может быть, это остановило бы распространение кризиса на другие страны. Но болезнь запустили. В похожем положении оказались Ирландия, Португалия, Испания, Италия. Проблема Греции в том, что если даже сейчас спишут ее долги, то, по оценкам экспертов, к 2020 году долг страны все равно составит 120% ВВП. Обслужить такой долг можно только при очень низких процентных ставках и при условии, что экономика будет расти темпами более высокими, чем уровень процентных ставок. Я не верю, что это возможно.

Зубайру Зубайруев, и.о. начальника Управления информационной политики и пресс-службы администрации президента Республики Дагестан:

— Вопрос о ситуации в России. Вы говорили, что, скорее всего, придется поднимать налоги, чтобы пополнить бюджет. Может быть, все-таки понижение налогов, как ни странно, будет более эффективным

для увеличения сборов? Мне кажется, что возможности повышения налогов уже исчерпаны.

Сергей Алексащенко:

— Неизбежность повышения налогов это не моя позиция, а позиция правительства. У нас уже принято несколько законов, в соответствии с которыми налоги будут повышаться. В 2012–2014 годах будут повышаться акцизы на бензин, алкоголь, табак. Будет повышен единый социальный налог на зарплаты людей с высоким уровнем доходов. Вероятно, в 2013 или 2014 году будет введен налог на недвижимость, который будет выше по сравнению с нынешним налогом на имущество. К повышению налогов может привести в ближайшие два-три года и очередная реформа пенсионной системы. Сбалансировать бюджет и существенно улучшить состояние пенсионного фонда невозможно без увеличения налогов в той или иной форме или уменьшения расходов бюджета. Я уверен, что правительство в течение следующего президентского срока будет повышать какие-то налоги.

Константин Долинин, председатель Госэкоконтроля Ульяновской области:

— Сейчас очень много споров вокруг такой отрасли, как банковская сфера. На Wall Street требуют линчевать банкиров, потому что они слишком много зарабатывают, а отрасль в кризисе. Каста чиновников наживается за счет налогоплательщиков. Есть ли механизмы, позволяющие контролировать эти две отрасли? Потому что очевидно, что кредиты в сегодняшней российской сфере банковских услуг очень дороги, дороже, чем на Западе. А чиновничество неэффективно и затратно. И второе: каков главный критерий эффективности власти?

Сергей Алексащенко:

— Я не знаю ни одной страны, где не было бы банкиров и чиновников. Я знаю страны без армий. Может быть, есть страны без полиции. А вот государств, где нет банков или нет чиновников, не бывает. Можно считать их злом, но с ними придется мириться.

Мне кажется, что есть причина, а есть следствие. Вам не нравятся дорогие кредиты в России. Мне они тоже не нравятся. Но проблема не в том, что банкиры жадные, что они устанавливают высокие ставки, чтобы больше зарабатывать. Проблема в том, что в России высокая инфляция. Она существенно выше, чем в других странах. В этом году она будет около 7%, хотя в Америке — 2%, в Китае до последнего времени она была ниже 3%. Чтобы банки давали вам кредиты, они должны у вкладчиков брать депозиты. А население у нас умеет считать. Если ставка по депозиту выше, чем инфляция, люди готовы нести деньги в банки, если ставка ниже, то население деньги придерживает, и банки испытывают дефицит средств для кредитования. Кроме этого у банков есть свои расходы, желание получить прибыль, создать резервы. Все это учитывается в ставке по кредитам. Соответственно,

если инфляция 2% и к этому добавить еще 3-процентную маржу, то получится 5%. А если инфляция 8% и к этому добавить 3%, то будет 11%. Стало быть, дело не в том, что у нас банкиры жадные, а в том, что инфляция высокая. Так может, нам не с банкирами бороться?

Как контролировать чиновников и как измерить их эффективность? Мне кажется, что лучшего способа, чем выборы, не существует. Если население считает, что чиновники работают эффективно, то партия власти получает доверие на выборах и управляет страной следующие пять лет. Если население считает, что бюрократия работает неэффективно, то оно голосует за другие партии. Что делать в ситуации, когда нет партии, которая выражает ваши интересы, а власть сделает все, чтобы новые партии не регистрировались вообще? Я, честно говоря, знаю лишь один выход — выход на улицу со своими требованиями.

Андрей Круглашов, аспирант Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича, Украина:

— Есть проблема долгов: практически все страны повязаны взаимными долговыми обязательствами. Можно ли эти долги вообще списать? Реально ли это?

И второй вопрос: как вы относитесь к инициативам социального бизнеса, в котором деньги отсутствуют как товар? Существуют, например, банки времени, когда люди бесплатно обмениваются услугами. Если даже случится серьезный финансовый кризис, он не отразится губительно на обществе.

Сергей Алексашенко:

— Чувствуется, что вы хотите сразу и всех сделать счастливыми. Списывать долги, например. Понимаете, Греция должна не Германии, не Франции, Греция должна конкретным французским банкам, немецким банкам, тем же греческим банкам и еще каким-то. Банки взяли в долг у населения. Французское правительство тоже берет в долг. Берет у французских, итальянских, немецких, греческих банков. А те, в свою очередь, берут деньги у населения. Вот вы, например, как вкладчик какого-то банка готовы навсегда проститься со своими деньгами? Списывать долги всем можно, только отобрав у кого-то сбережения. Вот вам и ответ. Думаю, такой схемы не может быть.

Когда я учился в университете, прочитал «Утопию» Томаса Мора и «Скотный двор» Оруэлла. Желание построить некое утопическое общество всегда присутствовало. Мысль красивая, можно даже рисовать разные схемы: глобальную или для одной деревни. Но даже в Советском Союзе коммунизм хотя бы в одной отдельно взятой деревне так и не построили. Это лучший ответ относительно всех экосистем, социальных предприятий и прочего. Нельзя на таком предприятии производить вообще все, что вам нужно. Значит, нужно общаться с внешним миром, а для этого нужен какой-то универсальный эквивалент стоимости труда и товара, то есть денежные отношения. Это как демократия — не самый справедливый способ организации человеческой жизни, но ничего луч-

шего не придумано. То же самое и с товарно-денежными отношениями. Отвратительный способ: кто-то богаче, кто-то беднее, вы попадаете в зависимость от банков. Все это плохо, но другое не работает.

Элина Печенова, редактор журнала «Свет», г. Нальчик:

— Как вы оцениваете экономический потенциал предложенного Путиным Евразийского союза?

Сергей Алексащенко:

— Евразийский союз это не просто экономическое, но и политическое образование. Экономическое объединение по сути уже состоялось. Таможенный союз между Россией, Казахстаном и Белоруссией, к которому присоединилась Киргизия, это и есть то, с чего начинался когда-то Евросоюз, — экономическая интеграция, создание единого экономического пространства. У нас исчезли таможенные границы, разрешено свободное движение товаров между нашими странами. Не позднее середины будущего года предприятия одной страны Союза будут пользоваться всеми правами предприятий в другой стране. С января следующего года начнет работу многонациональный орган управления — Евразийская экономическая комиссия, решения которой будут обязательными для стран — участниц Союза. Это наднациональный орган с гораздо более широкими полномочиями, чем просто регулирование таможенных тарифов. Но Евразийский союз это не только экономическое образование, но и политическое, и пока трудно сказать, какие политические полномочия российские или казахские власти готовы ему отдать.

Магомед Абадиев, преподаватель Ингушского государственного университета, Республика Ингушетия:

— Как вы думаете, вступление России в ВТО в нынешней ситуации выгодно или нет?

Сергей Алексащенко:

— Думаю, что вступление в ВТО выгодно населению в первую очередь потому, что снизятся таможенные ставки, будет конкуренция и, следовательно, ниже цены. Я не говорю, что назавтра после вступления все цены упадут на 20%. Но по разным товарным позициям есть график введения в силу соглашений, достигнутых на переговорах о вступлении в ВТО, в том числе и снижения импортных тарифов. Сегодня в России уровень таможенных пошлин приблизительно в два раза выше, чем в целом в мире. Средняя ставка импортных пошлин снизится в течение 8 лет с нынешних примерно 10% до 7,8%, что скажется на цене ввозимых товаров и производимых в стране. Для российского бизнеса, как мне кажется, эффект, как положительный, так и отрицательный, будет не очень серьезный. Потому что торговля сырьем не подпадает под ограничения ВТО. Чуть легче станет металлургам и химикам торговать отдельными товарами с более высокой добавленной стоимостью.

У нас очень своеобразная структура экономики. Мы проанализировали зависимость от внешнего рынка 200 отраслей промышленности, это максимальная разбивка Росстата. Выяснилось, что не больше чем у 20% этих отраслей доля экспорта или импорта превышает 30% от объема производства. Такие отрасли реально зависят от внешней конкуренции. А вот подавляющая часть нашей экономики слабо конкурирует с внешним миром.

Аскер Тешев, *помощник депутата Государственной думы РФ, Кабардино-Балкарская Республика:*

— Недавно Центробанк опубликовал прогноз: отток частного капитала в этом году составит 70 миллиардов долларов, то есть больше двух триллионов рублей. А весь бюджет страны — чуть больше 9 триллионов. Что такое отток капитала? Почему он происходит и каковы его последствия?

Сергей Алексащенко:

— Сумма, названная Центробанком, взята им из его прогноза состояния платежного баланса. В самом процессе оттока капитала нет ничего плохого. Это не нарушение закона, это не преступление. Это взаимоотношение экономики России со всем остальным миром.

Например, оттоком капитала считается то, что вы пойдете в обменный пункт и купите себе 100 долларов. Это отток капитала, потому что вы вложились в американский доллар, и это учитывается статистикой. Или, например, вы завели в банке долларовый депозит. Значит, банк, в свою очередь, должен купить какие-то долларовые активы. Если банк купил какие-то немецкие облигации, это тоже отток капитала. Или, например, какая-то российская компания, допустим ЛУКОЙЛ, осваивает месторождение в Ираке и направила миллиард долларов в

уставной капитал иракской компании, чтобы купить оборудование, — это тоже отток капитала.

Словом, отток капитала — это естественный процесс, отражаемый в расходной части платежного баланса. Этот баланс учитывает все внешнеэкономические операции страны — экспорт и импорт товаров и услуг, прямые инвестиции в страну или из страны, продажу или покупку ценных бумаг, доходы от туризма или расходы на него за рубежом и т. д. Большинство стран мира живут с отрицательным сальдо текущих операций платежного баланса: уход валюты из этих стран на оплату товаров и услуг больше, чем ее поступление. Если есть такой дефицит, нужно найти способы его финансировать, привлечь инвестиции, чтобы уравновесить баланс.

Экспорт России существенно больше импорта, и сальдо текущих операций платежного баланса положительное. Поэтому образуется избыток валютных средств, который может размещаться за границей. Часть валюты при этом покупает Центробанк, например для пополнения валютного резерва, для регулирования курса рубля. Но, к сожалению, немало денег уходит на покупку вилл, яхт и т. д.

Плохо то, что эти деньги могли бы инвестироваться в России. Но у людей есть право на другое их применение. ЛУКОЙЛ, например, на основе глубокого анализа осознанно принял решение, что работа в Ираке будет более эффективна, чем работа в России. Потому что в Ираке они могут получить доступ к крупным месторождениям, а в России так называемые стратегические, а проще говоря, средние и крупные месторождения достаются только государственным компаниям. Поэтому доля международных проектов ЛУКОЙЛа стабильно растет высокими темпами.

Илья Савченко, *доцент Государственного университета управления, Москва:*

— Вы говорили о сырьевой зависимости России, о том, что сырьевой экспорт доминирует в нашей экономике. Какие секторы российской экономики могли бы при определенных условиях стать локомотивом ее развития?

Сергей Алексахенко:

— Честно говорю, что в отличие от нашего президента или премьер-министра, я не знаю. И даже не пытаюсь на этот вопрос ответить. Если бы я знал, какая российская отрасль станет локомотивом, то вложил бы в нее все свои средства и сидел бы, ждал прибыли.

Задача правительства состоит в том, чтобы создавать благоприятный инвестиционный климат, то есть совокупность экономических, социально-политических, правовых условий для внутренних и внешних инвестиций, без которых бизнес не состоится, тем более инновационный. А уж где вырастет травка, а где дубы, мы увидим. Надо, чтобы почва была плодородной и чтобы по посевам катки не ездили и не закатывали все, что растет, в асфальт.

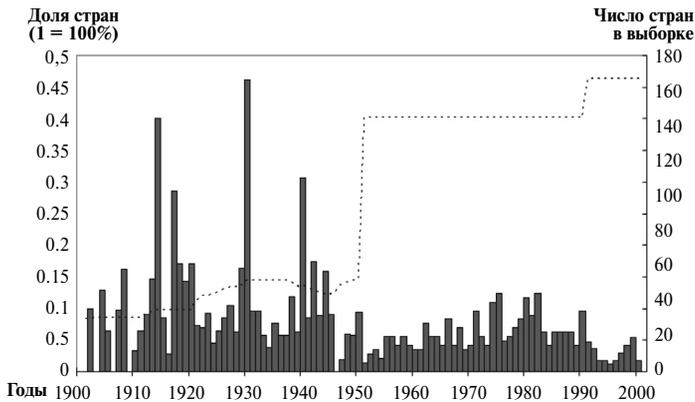
Россия в глобальном экономическом пространстве

Торбьерн Беккер,
директор Стокгольмского
института переходной
экономики
при Стокгольмской школе
экономики

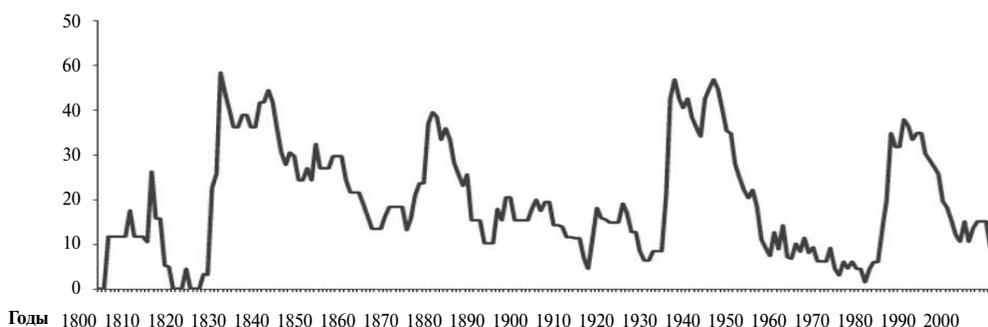
В чем я вижу основные проблемы России и как это связано с глобальной экономикой в условиях кризиса? Начну с истории экономических кризисов. На приведенном ниже рисунке 1 представлено состояние экономики многих стран мира, о которых имеется соответствующая информация, за 100 лет. Чем выше колонка, тем больше стран испытывали экономические трудности, отраженные в падении ВВП и доходов населения.

Рис. 1. Состояние мировой экономики в 1900–2000 гг.

Как видно, самые высокие колонки относятся к периоду до Первой мировой войной и между двумя мировыми войнами, а наивысший показатель обусловлен Великой депрессией 1930-х годов, когда почти половина стран мира испытывала трудности. После Второй мировой картина гораздо менее драматична, но и в этот период каждый год примерно одна из десяти стран переживала экономический кризис. Современный кризис весьма серьезный, но не следует забывать, что и в прошлом тоже бывали кризисы. Что же касается дефолта, когда страна оказывается неспособной вернуть свои долги, то и в этом феномене тоже нет ничего нового.

Рис. 2. Доля стран, объявивших дефолт или реструктуризацию внешней задолженности в 1800–2006 гг. (в % от общего числа)

На рисунке 2 показано, сколько стран объявляли дефолт или реструктурировали свои долги на протяжении последних 200 лет. Россия, как известно, в конце 1990-х годов тоже была вынуждена реструктурировать свои долги и с этой точки зрения не отличается от многих других стран, которые оказывались в таком же положении.

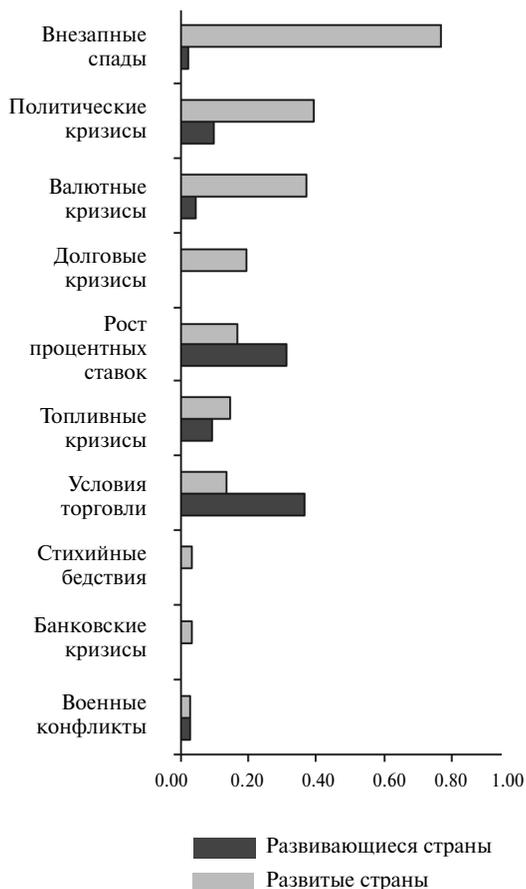
Таким образом, хотя людям, переживающим сравнительно короткие периоды спада, приходится нелегко, странам всегда удавалось преодолевать кризис и добиваться роста экономики. Анализируя кризисы, произошедшие за более чем 100 лет, и пытаясь понять, какие факторы приводят к возникновению экономических проблем, мы с Паоло Мауро, моим бывшим коллегой по МВФ, где я проработал 9 лет, провели ряд исследований. Мы попытались выявить факторы, связанные с падением ВВП и доходов населения (см. рис. 3), которые вызвали наибольшие потрясения в странах с развивающейся экономикой.

Россия по некоторым показателям является более развитой страной, чем Швеция и другие развитые экономики, но по показателям ВВП на душу населения она по-прежнему входит в категорию развивающихся стран, которые особенно чувствительны к резкому сокращению притока капита-

ла и к воздействию внешних факторов. Кроме этого, такие страны чаще других подвержены политическим и валютным кризисам.

В частности, в графе «Условия торговли» отмечены актуальные для России

Рис. 3. Факторы, вызывающие экономический спад

факторы, связанные с тем, сколько страна получает от экспорта товаров и услуг, по отношению к затратам на импорт. Поскольку в экспорте России и в ее экономике в целом доминируют нефть и газ, это означает повышенную чувствительность к мировым ценам на эти товары, и, если цена на них упадет, это может серьезно сказаться на экономическом развитии страны. Подчеркну, что несомненная роль группы факторов, связанных с соотношением импортных и экспортных цен, приведенных в исследовании, доказана на примере около 140 стран.

В прошлом экономические кризисы обычно охватывали лишь несколько стран или один регион, которые страдали от одного типа факторов. Сегодня в результате резкого снижения оборота капитала начались банковские и валютные кризисы, значительно сократился объем международной торговли, упали цены на товары. То есть особенность кризиса в том, что все эти проблемы возникли одновременно и охватили множество стран, включая государства с развитой экономикой, на

которые приходится большая часть глобального ВВП.

Современный кризис вызвал значительно больше экономических проблем в сравнении с прошлыми кризисами, прежде всего из-за резкого снижения потоков капитала. Но главная проблема — безработица. Многие другие экономические показатели, как показывает опыт, восстанавливаются сравнительно быстро. А вот с безработицей придется бороться долгие годы, что, на мой взгляд, является серьезным вызовом для политиков не только в развивающихся, но и в развитых странах. Безработица вызывает обострение националистических настроений и используется политиками-популистами, что не сулит ничего хорошего ни для общества, ни для международного сотрудничества.

Сравнивая развитые страны и страны с развивающейся экономикой, можно отметить, что в половине развивающихся стран произошло снижение доходов. Но поскольку на развитые страны приходится большая часть мирового ВВП, это означает, что для

Рис. 4. Цены на нефть и торговый баланс России

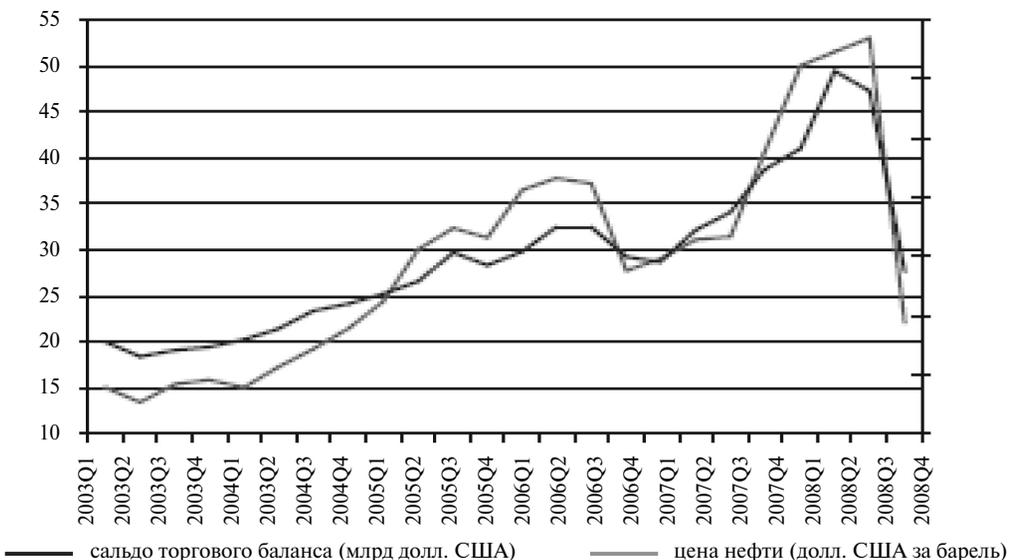
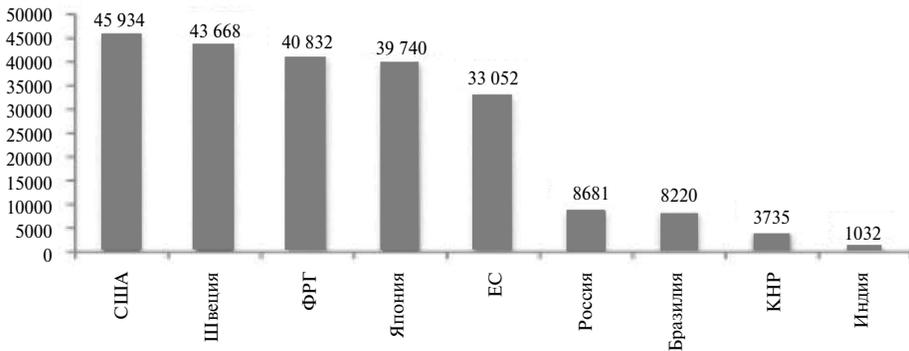

Рис. 5. ВВП на душу населения (долл. США)

всей мировой экономики кризис стал очень серьезным.

Рисунок 4 показывает поквартальную с 2003 по 2008 год динамику цен на нефть и торговый баланс России. В пик кризиса мировые цены на нефть снизились и вызвали значительное ухудшение торгового баланса. Одновременно Россия испытала резкое снижение притока капитала. В результате произошло заметное снижение ВВП и доходов бюджета.

В настоящее время широко обсуждаются краткосрочные последствия кризиса для всего мира и для России. Однако в долгосрочной перспективе гораздо важнее, удастся ли России повысить темпы экономического роста, чтобы поднять уровень душевого дохода и догнать Швецию, Евросоюз и другие страны по этому показателю.

Для сравнения уровня благосостояния населения в 2009 году в разных странах на рисунке 5 приведены цифры ВВП на душу населения в долларах США (без учета паритета покупательной способности валют).

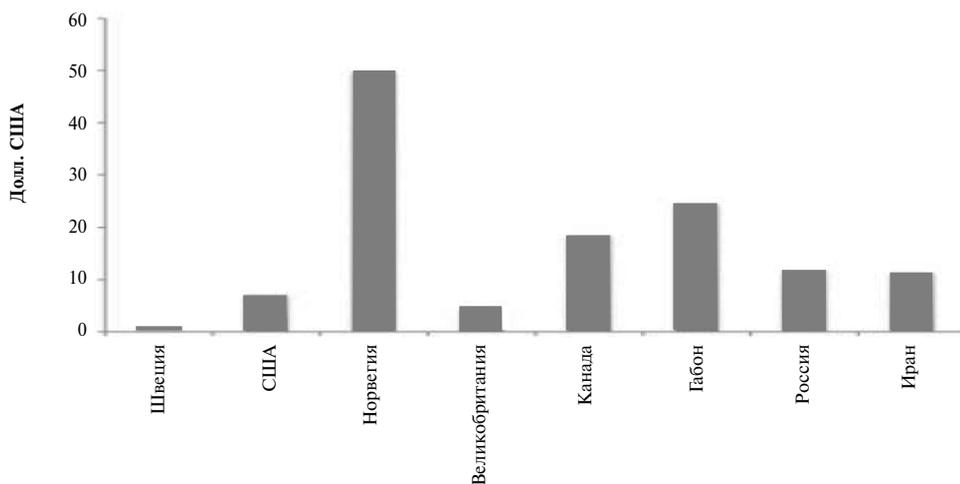
Годовой доход на душу населения в России составлял 8 681 доллар. Этот показатель можно сравнить со средним по Евросоюзу — более 33 000 долларов, 43 000 долларов для Швеции и 46 000 для США.

Возникает вопрос: что должна сделать Россия, чтобы по этому показателю догнать Запад? На рисунке 6 показано, как соотносились размер ВВП на душу населения и цены на нефть, в том числе за десятилетие, когда темпы роста в стране были достаточно высокими. Корреляция между ценами на нефть и доходами населения впечат-

Рис. 6. ВВП России и цены на нефть

Рис. 7. Стоимость добытых природных ископаемых на душу населения (тыс. долл. США)

ляет, что, повторяю, делает страну крайне уязвимой.

Способна ли Россия создать модель развития, которая позволит ей догнать Запад только за счет использования природных ресурсов? Некоторые специалисты говорят, что поскольку Россия — страна, чрезвычайно богатая природными ресурсами, то это не проблема; действительно, на Россию приходится около 6% мировых запасов нефти и около 24% — газа. Чтобы выяснить, из чего складывается богатство стран, Всемирный банк обобщил данные по всем видам ресурсов, имеющих важное значение для экономического развития, опубликовав их в отчете «Богатство наций».

На первом месте в этом отчете находятся национальные природные ресурсы — нефть, газ и другие полезные ископаемые. На душу населения в России на эти источники приходится до 10 000 долларов (см. рис. 7). В Норвегии, в отличие от Швеции, ситуация просто фантастическая, так как в стране очень много полезных ископаемых, а население, среди которого это богатство можно разделить, небольшое.

Однако, если сложить природный и производственный капитал, то есть

оборудование, заводы и т. д., Швеция оказывается на одном уровне с Россией. А если добавить к этому нематериальный капитал — человеческий капитал, знания, качество институтов, законов и пр., Швеция оказывается одной из богатейших стран мира. По расчетам Всемирного банка, при незначительном объеме природных ресурсов совокупный капитал Швеции составляет около 500 000 долларов на душу населения именно за счет нематериальных источников.

К сожалению, Россия пока остается далеко позади развитых стран, если суммировать все источники богатства. Чтобы догнать Запад, ей необходимо развивать компоненты нематериального капитала, которые бывает трудно измерить: верховенство права, образование, научные исследования, право собственности и др., лежащие в основе развитого общества. Согласно исследованиям Всемирного банка, наиболее важным инструментом является при этом верховенство права. В России, судя по международным рейтингам, дела в этом отношении обстоят не слишком хорошо даже по сравнению с бывшими советскими республиками и странами Восточной

Европы, не говоря уже об уровне коррупции.

Следующий вопрос: использует ли Россия свои ресурсы в расчете на будущее, то есть проедает ли она свое богатство сегодня или же накапливает и инвестирует его? Отчет Всемирного банка показывает, что благодаря доходам от экспорта нефти и других природных ископаемых в России хорошо обстоят дела с «чистыми накоплениями». Если же говорить об инвестициях в человеческий капитал, например в форме образования, то Швеция выглядит намного лучше. В итоге истощение запасов полезных ископаемых и энергетических ресурсов может отрицательно сказаться на экономике в целом, поскольку Россия экспортирует минеральное сырье и природные богатства, не являющиеся возобновляемыми. И это становится серьезной политической проблемой.

Следует отметить также такой важный экономический фактор, как затраты на ведение бизнеса в стране. По данным Всемирного банка, по этому показателю Россия занимает 123-е место среди 183 стран мира.

Нынешний кризис пробудил политическое руководство западных стран; началось широкое обсуждение серьезных реформ, которые необходимы для модернизации экономики и развития нематериального капитала. В связи с президентской программой модернизации России здесь тоже идут дискуссии о совершенствовании правоприменительной практики, о более эффективной борьбе с коррупцией и об институциональных реформах, цель которых — создание более диверсифицированной модели национальной экономики, наращивание нематериального капитала.

Проведение реформ всегда трудное дело, однако многим странам удавалось при этом опереться на иностранных партнеров и создание демократических институтов. Соглашения о партнерстве с ВТО, Организацией европейского сотрудничества и развития и Евросоюзом также могли бы использоваться Россией для реализации реформ.

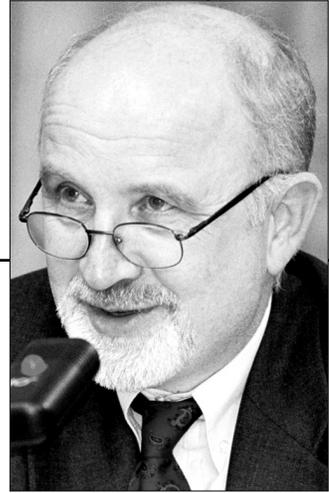
В краткосрочной перспективе во всем мире темпы роста экономики после падения постепенно восстанавливаются, хотя в связи с нынешним кризисом пока перспектива остается достаточно неопределенной. Темпы роста России тоже выросли после пика кризиса, однако они остаются на уровне ниже докризисных.

Главная проблема, с которой предстоит справиться России, — достижение устойчивого экономического роста в условиях резких колебаний цен на нефть. Именно уровень этих цен определяет пространство маневра в пределах бюджета и то, на какие цели будут потрачены правительством средства для поддержания темпов роста и благосостояния населения.

Самые серьезные последствия для потребления нефти эксперты связывают с долговым кризисом в Европе, который может отрицательно повлиять на показатели роста во всем мире и соответственно вызвать падение спроса и цен на нефть, что может сказаться на бюджете России, темпах роста и уровне занятости.

По сравнению с многими странами в России дела обстоят хорошо по многим показателям, однако вероятное падение цен на нефть представляет серьезную опасность для страны с точки зрения макроэкономической перспективы.

Интернет и общество

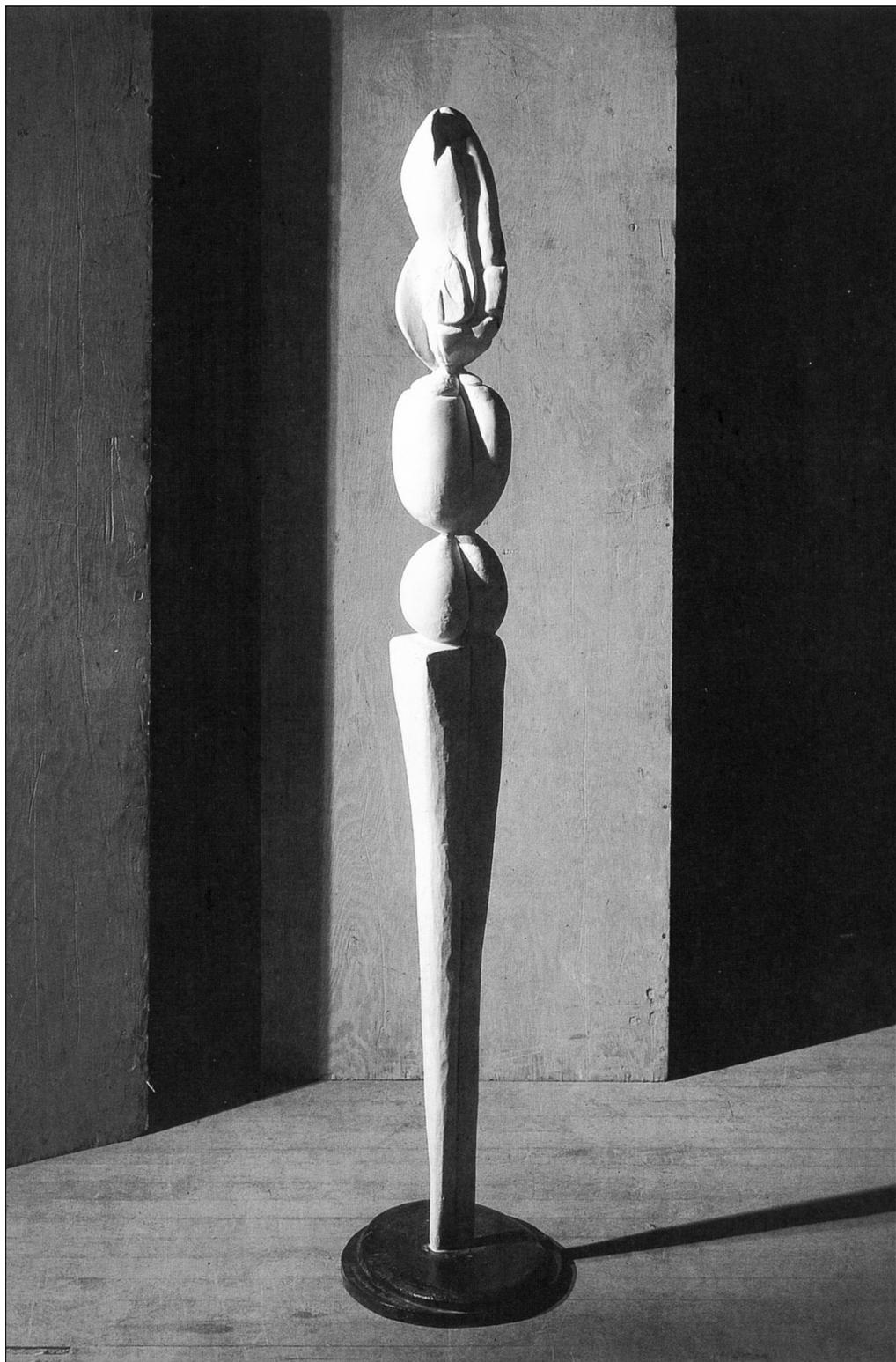
*Михаэль Мертес,
немецкий публицист и
общественный деятель,
советник федерального
канцлера Г. Коля
(1987—1998)*

Вопрос о том, каким образом новые информационные технологии — Интернет и такие его производные, как Facebook, Twitter или YouTube, способствуют развитию демократии, в последнее время становится все более актуальным. Особенно после событий осени 2010 года, связанных с WikiLeaks, а затем — восстания в Тунисе и массовых волнений в других странах арабского мира.

Нет сомнения, что коммуникационные технологии оказывают воздействие на международную политику, как и в том, что после их появления мир уже не будет прежним. Между тем в относительно короткой истории Интернета можно найти огромное количество похороненных надежд. Оказалось, что высокомерие, гордыня, агрессия, ложь встречаются в нем не реже, чем в обычной жизни.

Двенадцать лет назад, когда я выступал в Школе с докладом о новых информационных технологиях*, как и многие пользователи Интернета, я оптимистически смотрел на его будущее. Хотя и был более осторожен в своих оценках, чем бывший вице-президент США Альберт Гор, который предсказывал в связи с его появлением наступление нового века «афинской демократии». Гор утверждал тогда, что глобальная информационная инфраструктура создаст коммуникативные магистрали, по которым люди будут виртуально путешествовать, делиться информацией, общаться друг с другом, что она будет способствовать развитию экономики, решению местных и глобальных экологических проблем. Увы, технологический прогресс отнюдь не привел к моральному прогрессу человечества. И вера в техно-

* См.: Михаэль Мертес. *Интернет и политическая культура // Немецкие вопросы — европейские ответы.* — М.: Московская школа политических исследований, 2001. — Прим. ред.

Луиза Буржуа. Весна. 1946–1948

логический детерминизм не означает, что между ними есть прямая зависимость.

Сегодня мы стали значительно умнее в отношении интернетовских вызовов и угроз и должны учиться регулировать и управлять рисками виртуального мира, чтобы он не вышел из-под контроля. Об этом, в частности, убедительно пишет белорусский блогер Евгений Морозов, живущий в настоящее время в США, в своей книге «Сетевой обман:

темная сторона интернет-свободы» (The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom), изданной в начале 2011 года.

Глобальная информационная индустрия действительно ставит множество вопросов о том, каким образом отбирает-

ся, обрабатывается и контролируется информация. Несколько лет назад известный американский публицист Томас Фридман написал книгу «Плоский мир»*, в которой рассказывается о процессе, выражаясь его словами, «уплощения», сглаживания географических, политических и культурных границ в условиях глобализации. Я же в этой связи хочу остановиться на побочных эффектах этого процесса, проявляющихся в области журналистики и политической дискуссии.

Разумеется, новые технологии и «контенты» меняют нас — как отдельных членов общества, так и общество в целом, наше восприятие мира без особого сопротивления с нашей стороны. Интернет создает культуру поверхностного понимания проблем. Происходит сдвиг в сторону эмоциональной составляющей идей-картинок, а не их существа и содержания. Современные люди становятся скорее специалистами в области сканирования и отражения реальностей. Мы рассчитываем на компьютеры и с их помощью на понимание мира, но при этом наш разум превращается в разум искусственный. Техноутопия в сфере образования сегодня представляет особый соблазн. Хотя существуют механические способы обучения, но пока эти способы не приводили к успеху.

Возвращаясь к журналистике, сошлюсь на замечательную книгу Ника Дэвиса, более тридцати лет проработавшего в ведущих британских газетах, «Новости с плоской земли» («Flat Earth News»), опубликованную в 2008 году**. Речь в ней идет о «миксерной журналистике», или как называет ее автор, вводя специальный термин, — «чурналистика» (churnalism), утратившая умение рассказывать читателям, что же в действительности происходит в мире. Суть ее, по словам Дэвиса, и я с ним согласен, так как сам несколько лет был журналистом и был часто

Интернет создает культуру поверхностного понимания проблем. Происходит сдвиг в сторону эмоциональной составляющей идей-картинок, а не их существа и содержания

* См.: Томас Фридман. Плоский мир. Краткая история XXI века. Пер. с англ. М. Колопотина. — М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

** См.: Ю. Батурин. Новости с плоской Земли. Почему пресса все больше напоминает деревенского дурачка // Новая газета, 8 декабря 2010. — Прим. ред.

свидетелем того, что сейчас говорю, в переработке вторичных непроверенных материалов, большинство из которых пресс-релизы, продиктованные чьими-то политическими или коммерческими интересами. Их «сбивают» перед публикацией, как в миксере, будь они важными или тривиальными, истинными или фальшивыми. Расследования, разговоры с людьми, наблюдения очевидцев, проверка и перепроверка информации — все эти методы традиционной качественной журналистики сегодня убыточны в том смысле, что на это необходимо время, а время — это деньги. Гораздо проще получить информацию через Интернет, ничего не проверяя самому.

Лет двадцать лет назад мы читали утром ежедневную газету и узнавали, что происходит в мире. Сейчас все новости мы узнаем по телевидению, либо заглядываем в Интернет, между тем потребность в авторитетных экспертах, которые объясняли бы на страницах ежедневной газеты, что важно и почему, все равно остается. Вопрос в том, как подобная информация будет распространяться — на бумаге или через Интернет? Я убежден, что серьезные газеты со временем расширят свое интернет-присутствие и появится журналистика высокого качества. Как за это будут платить? Это очень важный вопрос для нас как для граждан и потребителей новостей. Направить журналиста в Африку или Азию, чтобы получить информацию из первых рук, «за бесплатно» невозможно. Это нужно понимать и быть готовыми к тому, что за информацию высокого качества в Интернете мы должны платить.

Года два назад я следил за влиянием политических блогов на новостные репортажи в прессе. Единственный случай на моей памяти, когда через блог оказывалось косвенное воздействие на выборную кампанию, был экспертный блог для журналистов, из которого они брали надежную информацию и использовали в своих публикациях. Таким образом, можно сказать, что был прецедент, когда блог оказал воздействие на политическую жизнь Германии.

Социальные сети являются важным инструментом в демократических государствах, но могут ли они способствовать появлению серьезных политических сил вместо спонтанных коллективных действий? Потеря фокуса — чрезвычайно важная проблема, с которой мы сталкиваемся в социальной среде. Высокая децентрализация общения благодаря Интернету имеет свои преимущества, но есть тут и отрицательная сторона. Как пишет упомянутый Евгений Морозов: «Вопреки утопической риторике энтузиастов социальных сетей, Интернет часто делает переход от выражения мнений к участию граждан в реальной политике еще более сложным». И ссылается при этом на попытки демократизации власти через Интернет в Иране и Китае, в которых режимы остаются тем не менее стабильными. Вы можете мобилизовать людей, чтобы они вышли на митинг или демонстрацию один, два или три раза, но в результате едва ли появится устойчивая организация, способная привести к изменению существующей политической системы в стране.

Кроме того, возникает ряд вопросов, которые связаны с реальным миром и миром в режиме онлайн. Сторонники киберутопии и интер-

нетоголики проповедуют радикальную форму либертарианизма. Они считают, что мир онлайн автономен и его невозможно контролировать. Но Интернет не является неким «легальным вакуумом», это продукт цивилизации, а не природы. И его существование гарантировано национальными или международными законами. Свобода слова в Интернете не означает, что некто может распространять детскую порнографию, инструкции по изготовлению бомб или рассказывать о чьей-то частной жизни, потому что это нарушает фундаментальные права реальных людей в реальном мире. Но, я думаю, пройдет много времени, прежде чем появится международный консенсус по поводу того, что такое киберпреступление и как

Я не считаю, что нужно проводить различия между реальным миром и миром виртуальным с точки зрения юриспруденции. Преступник в реальном мире должен считаться таковым и в киберпространстве

с ним бороться, поскольку у разных государств свой подход к этой проблеме. Советом Европы, в частности, уже принята конвенция о преступности в сфере компьютерной информации. И это правильный ответ на то, что происходит. Я не считаю, что нужно проводить различия между реальным миром и миром виртуальным с точки зрения юриспруденции. Преступник в реальном мире должен считаться таковым и в киберпространстве. Можно сказать, что само существование онлайн-реальности зависит от существования реального мира, а не наоборот. Поэтому я полностью согласен с Евгением Морозовым в том, что недостаточно бороться с цензурой в Интернете путем разработки новой технологии, которая позволяет ее обойти, как это происходит в США.

Киберпространство никогда не заменит реальность. Сошлюсь на пример электронного голосования. 10 или 15 лет назад, «киберутописты» говорили, что приближается время электронной демократии, когда граждане просто будут сидеть перед своими компьютерами и голосовать с помощью мышки. Но когда человек идет на выборы, он живет в настоящем мире, чувствует себя частью общества, демонстрируя тем самым, что он гражданин и выполняет свой долг, распоряжается собственными правами и принимает на себя определенную ответственность по отношению к своим соотечественникам. Представительная демократия основана на том, что любое демократическое решение, даже решение, основанное на плебисците, должно быть репрезентативно. Она является наиболее эффективным инструментом защиты меньшинства от тирании большинства, поскольку при этом принимаются во внимание интересы будущих поколений, которые пока не могут участвовать в демократическом процессе принятия решения. Сказать же, насколько представительное интернет-сообщество, трудно. Я думаю, что интернет-сообщество

ство само по себе — это политически релевантные группы. Хотя не могу отрицать, что в Германии, например, появилась не так давно новая политическая партия, которая называется «Пиратская партия». Она выступает за полную свободу в Интернете, но на выборах ее представители пока не прошли ни в федеральный, ни в региональные парламенты, получив, однако, одно место в парламенте Берлина.

Как новые средства массовой коммуникации повлияют на реальный мир в вопросах, которые касаются секретности и невмешательства в личную жизнь? Мне кажется, что люди станут более осторожными. Мы будем больше задумываться о том, как себя ведем, что публикуем. Я лично считаю, что нужно быть осторожным в отношении информации, которую мы доверяем Интернету, например, когда открываем свою страничку в Facebook. Интернет никогда ничего не забывает. Цифрового ластика не существует; если в Интернете появляется ложная информация о человеке, она там остается. После WikiLeaks заговорили о наступлении века прозрачности правительств. Но государственные власти найдут новые способы, чтобы государственные тайны оставались тайнами. Те, кто нарушает государственную тайну, понесут, на мой взгляд, более жесткое наказание.

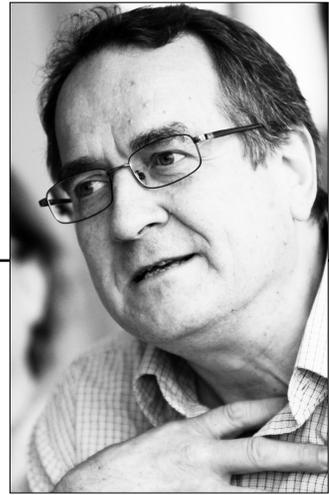
Итак, свобода в Интернете не гарантирует реальной свободы, тогда как реальная свобода гарантирует свободу Интернета. Технология никогда не заменит политику, а политика всегда будет пользоваться технологическими достижениями. Но, к сожалению, эта истина верна не только для демократии. Ведь авторитарные режимы тоже эффективно используют Интернет в своих целях: для подавления свободы слова, совершенствования методов наблюдения за собственными гражданами, для умиротворения населения с помощью цифровых развлечений. После выхода романа «1984» все цитировали Оруэлла: «Большой брат смотрит за тобой». Спустя годы начали возражать: нет, это я наблюдаю за «большим братом». Но теперь мы знаем, что «большой брат» наблюдает за тобой, наблюдающим за ним. И «большой брат» — это уже не только характеристика государства, она относится к любым сборщикам информации, например к Google.

Использование Интернета для политических целей, в политической сфере только в начале пути. Возможно, в будущем появятся новые формы интернет-охвата и Интернет будет инструментом более надежным, чем он является в наши дни. Но я хочу еще раз подчеркнуть, что информационные и коммуникационные технологии являются всего лишь средством для достижения политических целей, и нельзя допускать, чтобы технология отвлекала нас от дискуссий об этих целях в реальном мире.

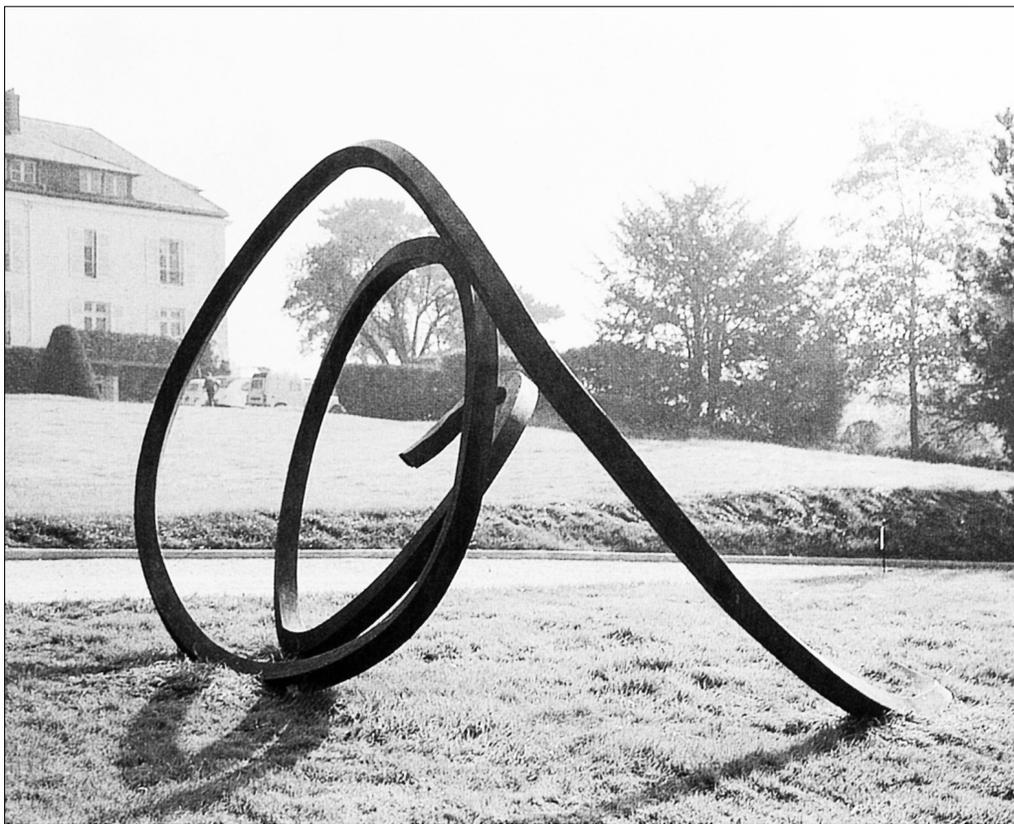
Журналист в трудные времена

Я начинал работать для «Financial Times» в Южной Африке. Ездил по странам Южной Африки и однажды попал в Замбию, где познакомился с послом Китая. Это было очень давно. Китайский посол сказал мне, что они всегда читают «Financial Times», потому что капиталисты никогда не лгут. И это, конечно, было интересное замечание со стороны китайского посла, поскольку он был не прав. Ведь капиталисты иногда лгут, как мы знаем. Но я хочу сказать, что журналистика очень интересная дисциплина. Кто-то здесь в одной из последних дискуссий сказал, что люди не будут вас читать, если вы будете неправильно писать. Особенно если вы работаете в бизнес-журналистике. И это действительно так, потому что эти люди хотят зарабатывать деньги или хотя бы их не потерять. И они зависят от того, что вы там напишете. Поэтому действительно, журналистика очень интересная дисциплина, где нужно писать правильно. Если вы будете писать всякую чепуху, люди не будут вас читать.

Я считаю, что люди читают мою газету по двум причинам. Первая — они читают ее из-за страха. Они не хотят потерять деньги. Вторая — из-за жадности и алчности. Они хотят заработать много денег. Это две основные причины. Неприятные причины, но, как бы то ни было, если по этим причинам газета продается, я готов с этим жить. А вот чего я не делаю — не пишу для развлечения. Конечно, нужно привлекать читателей, но в конце концов мы пишем про бизнес. И это очень интересная дисциплина. Я оказался в удивительно привилегированном положении, поскольку я могу быть иностранным корреспондентом именно этой газеты. Но это очень утомительно, я уже 40 лет работаю журналистом. Я начал работать, когда вы еще не родились. Поэтому я хочу сказать так, чтобы вы поняли, откуда же я пришел.

*Квентин Пил,
редактор международного
отдела
«Файненшл Таймс»*

Вене. Неопределенная линия. 1985

Так что же такое иностранный корреспондент? В отличие от многих из вас, которые, так или иначе, живут в своих сообществах и работают в социальном мире, к которому принадлежат, я в известном смысле стою снаружи. Я наблюдаю происходящее в иностранных государствах. И это обуславливает своего рода отчужденность. Это не бог весть какое привилегированное положение, если подумать, что я делал, например, не так давно. Я сидел в огромном по размерам здании в Брюсселе, где располагалось 27 пресскцентров из 27 государств — членов ЕС. Было от 20 до 40 журналистов от каждой страны, там были американские, японские, российские и другие журналисты. И все мы пытались услышать что-то

интересное из того, что говорилось в зале. Мы пытались понять, что же там вообще происходит. Естественно, что информация не может контролироваться полностью. И то, что мы слышим в кулуарах, может быть не вполне достоверным. Разобраться в этой мозаичной картине не так просто. Что они, собственно, пытаются там решить? Кто с кем поссорился?

Что мы, в частности, смогли узнать о вечере в Брюсселе, так это то, что была длительная дискуссия о роли Франции и Германии, и то, какова будет схема предложений, исходящих от этих стран. И затем в три утра господин Кэмерон сказал, что все это невозможно, если только Великобритания не получит особой роли для

защиты британских банков. И в три утра британская делегация фактически уходит. Пусть она не уходит физически, но личные отношения, которые так или иначе соотносятся со всем этим, и то, как люди досаждают друг на друга, — все это составляет ту политическую мозаику, с которой нам приходится иметь дело в своей ежедневной работе.

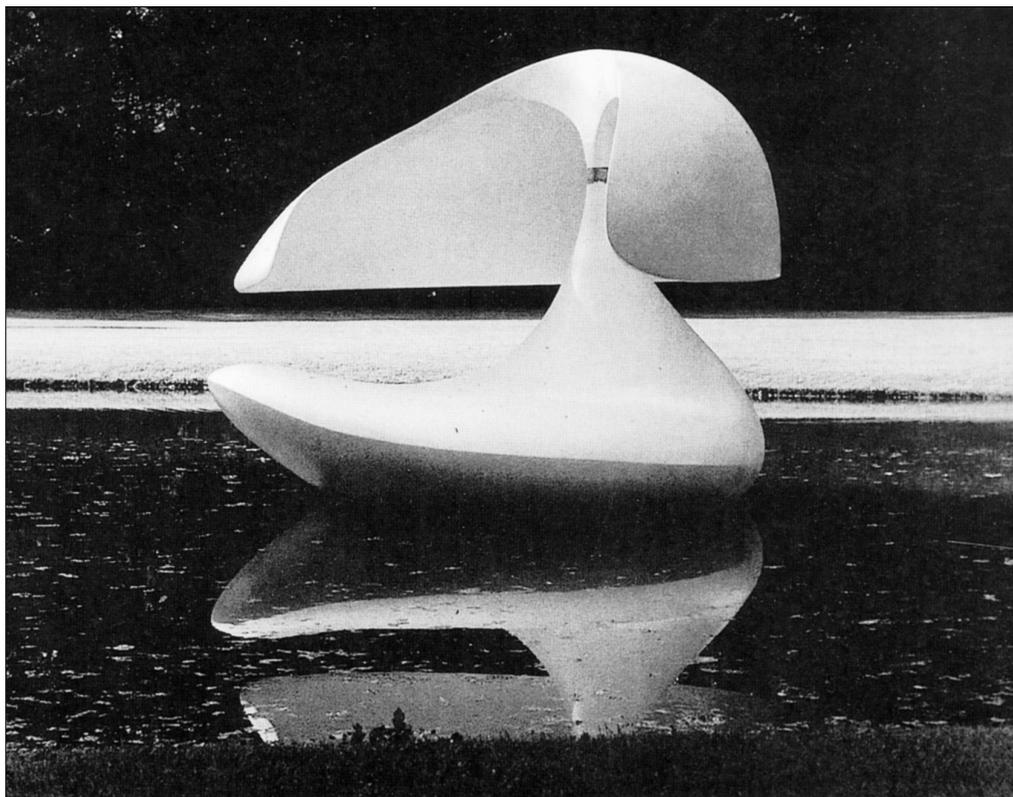
У многих сегодня создается впечатление, что традиционная журналистика, к которой я отношу себя, умирает. Мол, Интернет убивает нашу специальность. У меня в Лондоне есть друзья, которые не понимают, зачем нам нужны иностранные корреспонденты, когда можно получать сведения из сети в режиме реального времени. Но вот что я хочу сказать по этому поводу: нет ничего, чем можно было бы нас вытеснить. Иностранные корреспонденты это люди, которые держат в своем сознании два измерения — страны пребывания и родной страны. В случае, если вы доверяете своим источникам, пытаетесь понять разные стороны, вы сможете адекватно рассказать свою историю. Но мы действительно живем в мире, который буквально прогибается под огромной информационной нагрузкой. Объем информации, особенно в Интернете, сегодня таков, что мы, в сущности, не способны просеять ее через свое сознание. Поэтому нам нужны надежные переводчики или проводники информации. Именно в этом роль журналистов.

Не так давно холодная война фактически была доминирующим фактором в работе СМИ, это был идеологически замерзший мир. Тем не менее мир этот был исключительно предсказуем: в нем действовал принцип — вот ваш враг, вот друг, враг вашего врага — ваш

друг. После распада Советского Союза, социалистической системы, восхождения Китая и развития сети Интернет мы пребываем в гораздо менее предсказуемом мире. По этой причине нам, журналистам, досталось очень много работы именно сегодня. Причем дело не только в развивающейся сети Интернет и других телекоммуникационных технологий, но и в изменившейся природе правительств и общественных отношений.

Сейчас, в пору существования Европейского союза, границы между европейскими странами фактически упразднены. Вы переезжаете из страны в страну с одним и тем же паспортом. И национальное государство совсем не похоже на державу XX столетия. А правительствам это не слишком нравится, потому что они хотят сохранить полный контроль над своими странами. Нельзя также забывать о восхождении на мировую арену негосударственных акторов, таких как транснациональные корпорации, международные организации, организованная преступность и т. д. Усиливается влияние неправительственных организаций и общественных движений, которые можно назвать планетарным гражданским обществом. Естественно, что правительства не получают от этого большого удовольствия. Наконец, происходит возвращение религии в качестве политического фактора в самых разных регионах мира, например фундаментализма в исламском мире. В ряде арабских стран недовольное местными режимами население вышло на улицу, в том числе и под лозунгами восстановления ценностей «истинного» ислама. Так или иначе, правительства вынуждены защищаться.

Может быть, в России правительство в полной мере контролирует ситуацию. Но в целом, повторяю, все правительства испытывают гораздо более замет-

Марта Пан. Плавающий лебедь. 1961

ное давление общества и внешних факторов, чем прежде.

Роль журналистов в отношении государства состоит в том, чтобы «сделать публикацию и стать проклятым». Мы должны обладать генетической предрасположенностью к критике власти. Мы обязаны вскрывать правду и делать ее публичной.

Надо признать, что Интернет стал серьезным ресурсом, который, как я уже сказал, принципиально изменил информационный ландшафт. Он создает гигантский информационный массив, который многие считают альтернативой традиционным СМИ. Но это могущественное средство буквально вываливает на пользователей поток непроверенной, часто просто ложной информации, которая может исказить действитель-

ность. Поэтому роль журналиста состоит и в том, чтобы фильтровать, а затем интерпретировать достоверную информацию. Но при этом не нужно забывать, что Интернет — это и не менее могущественный инструмент властной пропаганды.

Я говорю это к тому, что, как и большая часть всего в мире, Всемирная паутина — явление неоднозначное. Я очень старомоден, консервативен, у меня нет страницы в Фейсбуке или Твиттере, мне это неинтересно. Но мои дети активно участвуют в этих социальных сетях. Так что я очень хорошо себе представляю, что в них происходит. Это замечательный инструмент коммуникации, я это не оспариваю. Но меня беспокоит судьба современной журналистики, потому что в блогинге домини-

нируют поверхностные, некомпетентные суждения, основанные на эмоциях, а не на здравом смысле. Я вижу, как многие работающие в разных СМИ молодые журналисты не стремятся ни к чему иному, как просто к высказыванию своего мнения, ничуть не заботясь о форме и достоверности фактов и об ответственности перед аудиторией. Думаю, что публикация хороша, если она вызывает желание задуматься над предрассудками и стереотипами, что помогает изменить отношение к тем или иным событиям.

Итак, важно публиковать то, что отрицает ленивое мышление и стимулирует умственную работу наших читателей. К этому мы должны стремиться, когда оцениваем действия власти, пишем о корпоративном мире, мире организованной преступности, в конце концов — о махинациях в правительственных структурах. Это может быть опасно, не говоря о том, что это очень дорогостоящая работа.

Отсюда моя мысль, что качественная журналистика требует независимости, в том числе финансовой. Если средство массовой информации не может оплачивать свои счета, оно всегда будет не более чем пешкой в руках владельца. Одна из проблем российской журналистики состоит в зависимости от местной администрации, центральной власти, от олигархов и иных владельцев. Нужна экономическая модель, которая позволяет журналистам быть независимыми. Эта проблема актуальна для всех журналистов мира. Существует рекламная модель, которая позволяет финансировать СМИ. 80% доходов «Financial Times» составляет реклама, и только 20% поступает от продажи тиража. Соревнование за рекламу становится все ожесточеннее. Издания, которые не сумели добыть рекламу в нужном

объеме, закрываются во все мире. «Financial Times» — специализированная газета и она может позволить себе роскошь предоставлять консультационные услуги, публиковать аналитические статьи, за которые наши читатели платят. А что говорить об изданиях общеинформационных, которые испытывают больше других конкуренцию сетевых информационных ресурсов, где каждый создает свои новости? Им остается погоня за сенсацией. Они вынуждены публиковать истории, которые, в сущности, мало значительны, но представляют некоторый интерес с точки зрения новизны. Например, некоторые издания в Британии публиковали сенсационные статьи о знаменитостях на основе незаконного прослушивания мобильных телефонов, перлюстрации СМС-сообщений. Это ужасный мир, и этот локомотив движется из-за чудовищной конкуренции в СМИ. Однако журналисты не могут работать вне строгих правил поведения, игнорируя нравственные, этические границы. Профессия требует от каждого из нас очень высокого уровня ответственности. Мы толкуем слова и дела правительств, при этом мы не политики, не избираемся на выборные должности и не несем ответственности перед избирателями. Мы, журналисты, живем благодаря нашим газетам, радиостанциям, телевизионным каналам и заинтересованы в их благополучии и процветании. Однако это не освобождает нас от ответственности — моральной, гражданской, правовой. Читатель оценит критический, компетентный взгляд журналиста на любые события и явления общественно-политической жизни, но осудит нарушение норм нравственной культуры, которыми журналист пренебрег ради личной или корпоративной выгоды.

*Андрей Колесников,
редактор раздела
«Мнения & Комментарии»,
«Новая газета»*

Эволюция российской журналистики

Политическая самоцензура, которая стала мейнстримом в поведении журналистов и редакторов, пожалуй, в последние лет десять, сегодня в одночасье стала этически не очень приемлемой и не модной. И я предвижу целую волну их перехода «на сторону народа», хотя до этого они исправно выполняли любые приказы своего начальства; имею в виду прежде всего молодых журналистов, которые пришли в профессию в путинские годы и легко воспринимали навязываемые правила игры. Это было «этической» нормой, слабо соотносимой с профессиональными стандартами. Один из таких стандартов — честность, то, что Александр Твардовский обозначал банальным словосочетанием «писать правду». При этом те же самые журналисты успешно использовали в работе современные технические стандарты, имеющие отношение к построению текста. Но в данном случае вопрос не в форме, а в содержании. Сошлюсь в этой связи на обращение Станислава Кучера, в прошлом известного тележурналиста, а ныне работника радио «Коммерсант-FM», к своим бывшим коллегам-телевизионщикам, в котором говорилось, что скрывать правду о проходивших в декабре митингах непрофессионально. Это очень правильный, на мой взгляд, подход. Потому что поднявшаяся волна гражданского активизма просто так не пройдет для профессии. И якобы устаревшее ее понимание начнет постепенно возвращаться и выдавливать политическую самоцензуру, что и стало происходить, когда даже федеральные каналы с оговорками, но стали освещать события, связанные с возрождением демократического движения в стране. Недавно в Международном университете в Москве состоялось мероприятие, посвященное двадцатилетию отмены государственной цензуры. Я там тоже говорил о феномене политической самоцензуры,

которая лично для меня даже страшнее государственной цензуры. Олег Попцов, многолетний редактор «Сельской молодежи» в советское время, меня поправил, сказав, что самоцензура нужна. В том смысле, что должна быть этическая самоцензура. И здесь мы с ним друг друга вначале не поняли, потому что я тоже считаю, что этическая самоцензура, безусловно, нужна. Если ты готовишь к печати материал, который может затронуть семью человека, о котором пишешь, то лучше такие тексты не публиковать.

У нас в «Новой газете» был такой случай. Еще до снятия Лужкова мы получили очень хороший, гомерически смешной материал политолога Станислава Белковского. Мы сутки сидели и думали, печатать его или нет.

Не напечатать было жалко, потому что текст был уж очень хороший. А печатать было нельзя, и не потому, что мы боялись тронуть Лужкова. Жен, семью и детей нельзя трогать. Есть такая этическая самоцензура. Мы этот материал не поставили в номер, вернули автору, который его тут же напечатал в каком-то издании, где таких этических сомнений не существовало. Вот такая самоцензура, безусловно, нужна, она является частью профессии.

Facebook-революция, которая происходит на наших глазах, уже изменила среду медиа. Все тренды, о которых говорили в последние годы — Интернет поглощает прессу, пресса сопротивляется, Интернет соперничает с телевидением, социальные сети побеждают ЖЖ и т. д., — весь этот бульон, который варился, выплеснулся во время недавних событий. Становится понятно, что новая медиасреда не уничтожает разные носители информации, они помогают друг другу. В каком смысле? В том, что Интернет усиливает информацию, которую дает традиционная пресса. Традиционная пресса (печатные и сетевые версии газет и журналов, а также классические интернет-издания) усиливает и дополняет ту информацию, которая приходит из блогов и социальных сетей. На выходе получается мощнейший информационный эффект, когда практически никакую информацию нельзя скрыть от людей. По крайней мере от тех, кто пользуется не только телевизором.

Итак, все средства доставки информации, на мой взгляд, будут усиливать друг друга. И если сегодня есть противоречия в медиасреде, то это противоречия между официальной цензурируемой информацией, в основном телевизионной и отчасти интернетовской, и медиаресурсами, которые совершенно свободны. К ним мы можем относить социальные сети и блоги, интернет-издания, традиционную печатную прессу и веб-сайты этой традиционной печатной прессы. Все смешивается в критический момент истории.

Если сегодня есть противоречия в медиасреде, то это противоречия между официальной цензурируемой информацией, в основном телевизионной и отчасти интернетовской, и медиаресурсами, которые совершенно свободны

Магдалена Абаканович. Катарсис. 1985

Когда-то все говорили о СМИ как о четвертой власти. Говорили о том, что в последнее десятилетие четвертая власть перестала быть таковой, она стала либо институтом, обслуживающим начальство, либо институтом, который утрачивает влияние на общественное мнение, на гражданское общество, не слишком адекватно способным поддерживать с ним обратную связь. Сейчас, на мой взгляд, происходят события, возвращающие четвертую власть как власть. И она приходит не просто как власть одних только традиционных СМИ, а как консолидированная власть медиасреды в широком смысле этого слова. Неслучайно, например, в Высшей школе экономики еще год назад было отделение политической и деловой журналистики, а сейчас появился факультет медиакоммуникаций. Очень адекватное отражение в этом названии совершенно оформившейся тенденции, так как четвертой властью становится некая новая институция и инструменты медиакоммуникации.

Из арсенала этой власти, правда, уходят некоторые очень важные традиции, присущие традиционной прессе: иерархия новостей, выстраиваемая редакторами, проверка фактов, редактура и корректура текстов. Эти довольно важные для медиасреды понятия размываются и исчезают. С одной стороны, это плохо, а с другой, видимо, неизбежно, поскольку скорость и разнообразие информации становятся в последнее время важнее отточенности языка и ясности смысла.

До сих пор в американской журналистике и документальной прозе работает классик нон-фикшн Гэй Тализ. У него еще во второй половине 1960-х вышла книга о феномене «The New York Times», который он определял как «институт, который повлиял на мир». (Он, кстати, некоторое время работал в этой газете.) Тализ писал, что в медиасреде невозможно понять — новости делают людей или люди делают новости. Это наблюдение актуально и сегодня. Я бы взял самый простой пример с блогером Навальным. Это человек, который сделал новости, или новости сделали его? Думаю, что здесь происходит процесс взаимопроникновения, и это тоже характерная черта нашего времени, мы неоднократно еще увидим подобные примеры.

Если попытаться исторически посмотреть на движение от цензуры к свободе слова, от свободы слова к самоцензуре и еще не до конца оформившемуся нынешнему состоянию, когда самоцензура постепенно будет отмирать и возвращаться свобода слова, то нам стоило бы возвращаться к СМИ не столько эпохи 90-х, сколько советского времени. Тогда свобода слова была спрятана за эзоповым языком, между строк, присутствовала словно в невидимых чернилах. Но когда сегодня читаешь и перечитываешь тексты той эпохи, начиная с 60-х годов, видишь, насколько это качественные тексты, насколько умело были закомуфлированы в них крамольные мысли.

Как-то я достал с книжной полки том Валентина Распутина, которого не люблю как носителя консервативного ультраправого сознания, и, прочитав несколько страниц, не понял, как их пропустила цензура. Например, «Прощание с Матерой» — это такой наезд на совет-

скую власть, на ее индустриальные основы, но не с позиций либерализма, а с позиций традиционного сознания. Не думаю, что свое письмо он специально адаптировал к цензуре. Мне кажется, что это просто традиционное, очень качественное, своеобразное литературное обращение, отчасти этнографическое, которое как раз и позволяло ставить очень серьезные проблемы в условиях государственной цензуры. А насколько была тяжела такая цензура, мы можем видеть хотя бы по недавно изданному двухтомнику дневников Твардовского, главного редактора «Нового мира», а также дневникам Владимира Лакшина, сотрудника журнала.

Я уже упоминал о выступлении Олега Попцова на конференции по цензуре. Он очень интересно рассказывал, как много лет подряд, возглавляя журнал «Сельская молодежь», боролся с Главлитом. Очень интересное было время — с точки зрения работы со словом и с информацией. Но фактически нецензурируемые издания появились еще в советское время. К первому такому феномену я бы отнес появление «Независимой газеты» — это образец совершенно новой прессы.

Про перестроечные годы принято говорить, что тогда появились «Аргументы и факты» как образец именно новой прессы. А между тем это была советская пресса, развивавшаяся на волне общественного подъема. Когда поднимается волна, она поднимает и все лодки. Она подняла «Огонек», «Московские новости», толстые журналы и даже издания типа «Вопросы философии». Потом эта волна спала, и постепенно стали терять читателя названные издания, а на смену им пришли новые. И одним из таких изданий стала «Независимая газета».

Характерный образец эволюции прессы уже постперестроечной — газета «Сегодня» образца 1993 года. Она была насыщена в кадровом смысле журналистами «Независимой газеты». Очень многие, ушедшие из нее, составили тогда костяк редакции газеты «Сегодня». И именно с этого момента, я думаю, можно говорить уже о феномене качественной прессы. Но параллельно развивался также издательский дом «Коммерсант», мелькнувшая и быстро исчезнувшая газета «Русский телеграф», потом слившаяся с газетой «Известия», газета «Ведомости», образовавшая сегодняшнюю дуополию в сфере качественной прессы с газетой «Коммерсант».

Все это уже феномены современной российской прессы, которая стала работать по более или менее западным стандартам. Причем как с точки зрения контента, так и профессиональных стандартов написания статей, отделения фактов от комментариев и газетно-журнального дизайна. Это была революция форматов, которая началась в начале 90-х. Она продолжается и до сих пор не закончена, потому что наша медиасреда очень сильно отличается от классической западной, и, думаю, даже от азиатской, которая в газетном деле больше похожа на западную. У нас же до сих пор, например, отдел комментариев, характерный для всех крупных мировых газет, существует только в газете «Ведомости» (если не считать интернет-издание Gazeta.Ru). И в «Новой газете», где я веду раздел комментариев, факты и мнения в

сильной степени смешаны. Сейчас вообще стало модно заводить отдел мнений и комментариев. Он есть, например, и в новом проекте газеты «Московские новости». Существует ряд сетевых проектов, где есть мнения. Это такой, я бы сказал, тренд сезона. В этом смысле мы продолжаем двигаться в общецивилизационном русле. Но погоду на этом рынке делают «Ведомости» и Gazeta.Ru.

Конечно, революция дизайна, революция содержания, революция форматов очень важна.

Но не менее важной оказалась и технологическая революция, о которой я говорил выше, вызывающая жесткую конкуренцию Интернета и традиционных СМИ, изменение культуры чтения и медиакommunikаций.

Среди тех людей, с кото-

рыми я общаюсь, трудно найти человека, в течение последнего года державшего в руках бумажную газету. Если только из-за пробки этот человек не спускается в метро и там ему не дают в руки газету «Метро». А я езжу в метро, читаю бумажные газеты и вижу, каковы предпочтения метрочитателей. В основном они читают бесплатную газету «Метро». Очень редко можно увидеть в подземке остатки технической интеллигенции, которая упорно читает газету «Известия», которая много раз трансформировалась и не очень понятно, что из себя представляет. Но человек продолжает цепляться за понятный ему якорь. Иногда читают «Новую газету», бумажный тираж которой держится на высоком уровне благодаря социокультурным, возрастным, политическим и прочим причинам. Зачем нам в таком случае отказываться от бумажной версии? Наоборот, ее надо совершенствовать. С другой стороны, у нас много молодой фэйсбуковской аудитории, которая, естественно, видит газету на экране разных электронных носителей. Для них информация доставляется в другом виде и на других носителях. Значит, и эту составляющую надо совершенствовать — не отставать от читателя.

На мой взгляд, разговоры о конкуренции печатных СМИ и интернет-СМИ постепенно будут сходиться на нет, потому слухи о смерти бумажной газеты несколько преждевременны. Все будет происходить гораздо медленнее, чем мы думали даже пару лет назад. Я недавно обсуждал этот вопрос с коллегами из «Российской газеты», у них тоже большая посещаемость сайта. И они со мной согласны. Просто бумага — это всего лишь способ доставки информации. Кто-то предпочитает одно, а кто-то другое. Здесь трудно прогнозировать. Любые технологические прогнозы проваливаются. Но я полагаю, что пара десятилетий у бумажной прессы в том или ином виде еще есть.

С отказом от бумажной прессы, на мой взгляд, задержится Азия, а также, возможно, Скандинавия. Там тоже особая ситуация с бумаж-

Как бы мы ни опасались, что власть начнет «закручивать гайки», мультимедийность, конвергентность и разнообразие источников и средств доставки информации начнут обесмысливать политическую самоцензуру

ной прессой. Великобритания, может быть, в этом смысле ближе к континентальной Европе, но и там тиражи очень большие. Ни у одной из наших газет нет таких тиражей, как у любой из ведущих европейских газет. Наши тиражи до ста тысяч редко доходят, да и то это заявленные тиражи.

Интернет-«тиражи» сильно зависят от роста всего Интернета в целом и от политической ситуации. Политические события, например нетривиальные нынешние, поднимают интернет-«тираж», причем в случае «Новой газеты» иногда в 2–3 раза. Но он не стабилизируется на этой отметке и затем падает. Однако и у бумажного тиража вдруг начинается рост на 2–3 тысячи экземпляров. Это довольно серьезные позитивные показатели. Поэтому на рынке проиграли те, кто отказался от бумажной версии. В США, уйдя целиком в Интернет, многие медиахолдинги проиграли. Понятно, что из-за экономии средств. Понятно, что бумага и типография съедают очень много денег. Но иногда дальновиднее все же сохранить бумажную версию. Собственно, поэтому до сих пор держатся и «The New York Times», и «Washington Post»: представить эти уже не просто газеты, а институты демократии без бумажной версии невозможно.

Была в России такая газета «Газета». Она выходила в бумажной версии, и был сайт Gzt.ru. Потом ее хозяин, один из наших крупных олигархов Лесин отказался от бумажной версии и оставил только интернет-версию, вложил очень большие деньги, в том числе в поддержку и в покупку трафика. А кончилось тем, что интернет-версию он закрыл. Почему-то оказалось, что поддерживать только интернет-версию неинтересно. Хотя я думаю, что он фиксировал свои политические убытки и уходил в профильную деятельность. У олигархов это бывает. Возвращаясь к основной теме, повторю: как бы мы сейчас ни опасались того, что власть начнет «закручивать гайки», мультимедийность, конвергентность и разнообразие источников и средств доставки информации постепенно начнут обесмысливать политическую самоцензуру. Хотя какие-то репрессии в сфере средств массовой информации, как и в сфере Интернета, возможны. Об этом свидетельствует, в частности, отказ министра иностранных дел Лаврова на очередном заседании ОБСЕ подписывать то, что называется хартией о цифровой демократии. Но это движение против потока: развитие медиасреды и медиакоммуникаций объективно ведет к свободе информации. Если политическая самоцензура была мейнстримом и циничной модой среди столичных журналистов, то эта мода будет постепенно уходить. Модным станет быть свободным, судя по тому, что все чаще в Фэйсбуке и ЖЖ появляются либертарианские мысли, идеи, контекст и молодые люди активно занимаются реттвитом или перепостингом интересных новостей из Интернета или офлайн-СМИ. Это станет мейнстримом, что, в свою очередь, будет развивать политическую свободу в стране. Трудно прогнозировать, как это будет происходить, но то, что это тренд, я осмелюсь констатировать.

Выборы–2011

*Нодар Хананашвили,
член Общественного совета
г. Москвы,
кандидат юридических наук*

Выборы в Госдуму, прошедшие 4 декабря, сопровождавшиеся принуждением работников учреждений и предприятий голосовать за «Единую Россию», продемонстрировали в очередной раз отлаженную систему разделения ролей. Накануне выборов их администраторы планировали разнообразные противоправные действия с использованием соответствующих технологий для реализации якобы избирательного законодательства. В день выборов исполнители занимались вбросом бюллетеней, а те, кто осуществлял «операцию прикрытия», уверяли после выборов, что сотни видеозаписей о нарушениях неубедительны, заявления о них не имеют под собой фактической почвы, а их собственное поведение — безупречно.

Эти мои утверждения можно назвать жесткими и нуждающимися в обосновании. Поэтому приведу вначале несколько примеров.

Досуговый центр «Орион»

Выборы 2011 года уже вошли в историю, судя по сочетанию обычных предвыборных приготовлений «партии власти», связанных с инструктивными заседаниями в бюджетных учреждениях, чьи сотрудники, «по доброй традиции» являются членами участковых избирательных комиссий (УИК). На это обстоятельство (привлечение сотрудников бюджетных учреждений к работе в УИК) я обращаю особое внимание, поскольку сегодня это один из самых «эффективных» инструментов, применяемых властью для противоправных действий в ходе выборов. И полагаю, что прекращение практики использования структур, зависимых от власти, должно стать главным требованием граждан, рассчитывающих на справедливые и честные выборы.

Свою работу в той или иной роли на выборах в течение уже многих лет я рассматриваю скорее как хобби наря-

ду с выполнением, пусть это звучит и пафосно, гражданского долга. Однако «гражданская работа» в одиночку (точнее, в паре с собственным сыном, в частности во время выборов 2009 года), хотя и была для меня интересной, насыщенной новым знанием об устройстве выборов при нынешней власти*, конечно, не может быть эффективной, если она не включена в систему более широких, скоординированных действий.

Поэтому сошлюсь на опыт работы в том же 2009 году, проделанной Дмитрием Орешкиным, которая способствовала организации людей, решивших обеспечить соблюдение законности на выборах в Государственную думу ФС РФ 4 декабря. Как известно, по его инициативе за несколько месяцев до выборов сформировалось движение «Гражданин наблюдатель», но при этом его участники отнюдь не были уверены, что им удастся, согласно замыслу, обеспечить примерно 5% избирательных участков системным наблюдением. Однако выполнить эту задачу движению удалось, хотя распределение участников оказалось не очень равномерным: на участке, где я выполнял роль члена УИК (№ 2050), было два члена комиссии с решающим голосом, один — с совещательным, один представитель СМИ и два наблюдателя — от КПРФ и «Яблока». Этого хватило даже с избытком, тогда как там, где присутствовал лишь один наблюдатель, его удаление практически с неизбежностью приводило к потере гражданского контроля. Участок мне попался достаточно простой: всего немногим более 850 избирателей — досуговый центр «Орион». Председатель комиссии на участке (А.Н. Сидоренко) в этой роли выступал впервые,

и, забегая чуть вперед, скажу, что инструкции у него, видимо, были, но применять их он поостерегся. Так что, по факту, можно лишь поблагодарить его и отдельно — молодежный коллектив клуба «Орион», который выполнил свою ответственную задачу без нарушений.

При внешне простой ситуации на этом участке почти сразу стало известно, что, помимо «стационарных» избирателей, нашлись еще избиратели, проживающие в Москве временно, — студенты одного из соседних общежитий, статус которых оставался довольно долго непроясненным. И к тому же при установке урн для голосования председателем УИК была предпринята попытка поставить их так, чтобы был незаметен сам момент опускания бюллетеней. А когда по окончании голосования начался подсчет бюллетеней и наблюдатели приблизились к столу, чтобы видеть процесс подсчета, это привело председателя в состояние повышенной нервозности. И он даже предложил проголосовать за удаление наблюдателей, «мешающих» подсчету. Однако ссылка на нормы ФЗ-67 «Об основных гарантиях избирательных прав...» разрядила напряженность.

Приведу цифры честного голосования (добавлю, что студенты из общежития были явно не организованными извне и потому голосовали так, как считали нужным**): проголосовавших было 495 человек (из 862) — 57,42%. Несколько более высокий процент по сравнению со средним честным показателем по Москве (примерно 50%) объясняется просто: это те самые студенты, которые голосовали, но вносились в список избирателей по их собственному заявлению. Если бы они были включены в списки

* См.: <http://www.nasbor.ru/Vuistuplenija/Nodar/SocPolitics/Socpolitics.html>

** По заверенной копии протокола данные совпадают с вывешенными на сайте ЦИК: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=true&root=772000019&tvd=2772000306496&vrn=100100028713299&prver=0&pronetvd=null®ion=77&sub_region=77&type=233&vivid=2772000306496

избирателей заранее общим списком на основании временной регистрации, явка оказалась бы значительно ниже.

Итоги распределения голосов:

Справедливая Россия	— 94 голоса (18,99%);
ЛДПР	— 84 голоса (16,97%);
Патриоты России	— 10 голосов (2,02%);
КПРФ	— 120 голосов (24,24%);
Партия «Яблоко»	— 85 голосов (17,17%);
Единая Россия	— 89 голосов (17,98%);
Партия «Правое дело»	— 7 голосов (1,41%).

Оставшиеся примерно 1,21% (6 бюллетеней) оказались недействительными. Как видим, жители района именно так оценили популярность партий, претендовавших на места в Госдуме. Говорю это ответственно и утверждаю, что более 30% (максимум 35%) голосов партия «Единая Россия» не могла набрать в Москве. Все результаты, превышающие данные примерные показатели, можно считать преступной фальсификацией, или государственным преступлением. Для доказательства сказанного приведу результаты соседних честных участков и одного — нечестного. Голосуют жители значительной части района «Академический», проживающие рядом.

Преступления «элиты» и «мужество» рядовых

В качестве наглядной иллюстрации реальной картины выборов предлагаю посмотреть на несколько любопытных цифр, а именно на результаты голосования на нескольких соседних участках (№ 2050—2055). Живу в этом микрорайоне более 10 лет, и мне было интересно, что же происходит у нас. Участки располагаются:

- в досуговом центре «ОРИОН» (где я был);
- в школе № 102 (участки 2051 и 2055);
- в школе № 625 (участок 2052);
- в общежитии МГУ «Дом аспиранта и стажера» (ДАС МГУ) — участок 2053;
- в школе (гимназии) № 45 (участок 2054).

Школа (гимназия) № 45 — одна из так называемых элитных школ города («мильграмовская»). Находится она в нескольких минутах ходьбы от других перечисленных участков. А теперь — сравним.

Для удобства и наглядности привожу данные в виде таблицы 1 (они взяты с сайта Центральной избирательной комиссии (сводная таблица по Академическому району г. Москвы)*.

Не правда ли, впечатляющая провластная активность голосовавших на УИК

Таблица 1

Наименование партии	Номера участков, учреждения — количество % (и голосов)					
	2050 (клуб «ОРИОН»)	2051 школа 102	2052 школа 625	2053 общежитие ДАСМГУ	2054 гимназия № 45	2055 школа 102
СР	18,99% (94 голоса)	18,21% (244 голоса)	19,24% (238 голосов)	14,54% (234 голоса)	6,17% (111 голосов)	18,09% (214 голосов)
ЛДПР	16,97% (84)	10,60% (142)	12,13% (150)	9,94% (160)	2,17% (39)	12,51% (148)
Патриоты России	2,02% (10)	1,94% (26)	1,86% (23)	1,99% (32)	1,11% (20)	1,44% (17)
КПРФ	24,24% (120)	22,24% (298)	24,98% (309)	26,10% (420)	7,28% (131)	26,20% (310)
«Яблоко»	17,17% (85)	23,66% (317)	19,16% (237)	20,32% (327)	6,11% (110)	17,16% (203)
Единая Россия	17,98% (89)	19,10% (256)	18,51% (229)	23,56% (379)	75,00% (1350)	20,63% (244)
Правое дело	1,41% (7)	1,72% (23)	1,78% (22)	1,68% (27)	1,00% (18)	1,01% (12)

* См.: http://www.moscow_city.vyborny избирком.ru/region/region/moscow_city?action=show&root=772000019&tvd=2772000306496&vrn=100100028713299®ion=77&global=true&sub_region=77&prver=0&pronetvd=null&vibi d=2772000306496&type=233

Таблица 2

Наименование партии	Участок 2054 (нынешние данные)	Участок 2054 (данные с учетом «переброса»)	Участок 2050 («ОРИОН»)
СР	6,17% (111 голосов)	20,36% (361 голос)	18,99% (94 голоса)
ЛДПР	2,17% (39)	16,30% (289)	16,97% (84)
Патриоты России	1,11% (20)	1,11% (20)	2,02% (10)
КПРФ	7,28% (131)	21,49% (381)	24,24% (120)
«Яблоко»	6,11% (110)	20,30% (360)	17,17% (85)
Единая Россия	75,00% (1350)	19,74% (350)	17,98% (89)
Правое дело	1,00% (18)	1,00% (18)	1,41% (7)

№ 2054 избирателей небольшой части квартала, в целом вовсе не отличающегося подобными предпочтениями. А теперь сделаем несложную манипуляцию с цифрами. Перенесем из графы «ЕР» в графы СР, ЛДПР, КПРФ и «Яблока» «тупо», как принято выражаться в нынешней молодежной среде, 250 голосов в новую таблицу. И для наглядности 2-й столбец с данными по участку № 2050, за точность которых я полностью отвечаю. При этом помечу, что больший объем переноса, а точнее, «переброса» голосов не даст соответствия результатам остальных участков. Хотя при проверке бюллетеней их соотношение может оказаться несколько иным. Но я в данном случае утверждаю, что был сам факт переброса, который явно исказил результаты голосования. Как видим, процентные результаты из столбцов 2 и 3 почти совпадают! Вот

вам и ответ на вопрос о том, что же сделали «элитные волшебники».

Эта, или подобная ей, манипуляция — только в противоположном направлении не только с цифрами, но и с бюллетенями — как раз и была проделана избирательной комиссией на **участке № 2054**.

Ради любопытства я ознакомился с данными по двум другим «элитным» школам и обнаружил: гимназия № 1535 и математическая школа № 57 явили миру столь же чудный перевес в политических предпочтениях избирателей в пользу «Партии жуликов и воров». В связи с чем возникает еще одно «смутное подозрение»: уж не являются ли те самые московские гранты — 15 млн и 5 млн рублей соответственно, выданные этим школам в преддверии выборов, таким бонусом за «правильное» голосование?

Таблица 3

Наименование партии	Участок 2054 (гимназия № 45)	Участок 190 (гимназия № 1535)	Участок 175 (школа № 57, математическая)
СР	6,17% (111 голосов)	2,31% (34 голоса)	3,12% (37 голосов)
ЛДПР	2,17% (39)	0,81% (12)	2,45% (29)
Патриоты России	1,11% (20)	0,27% (4)	0,84% (10)
КПРФ	7,28% (131)	3,87% (57)	7,17% (85)
«Яблоко»	6,11% (110)	2,78% (41)	0,42% (5)
Единая Россия	75,00% (1350)	86,22% (1270)	85,92% (1019)
Правое дело	1,00% (18)	0,27% (4)	0,08% (1)

А теперь сравните данные по гимназии № 1535 (первая в рейтинге московских школ), школе № 57 (вторая в этом же рейтинге) и гимназии № 45. И оцените результат!

Потрясающее единство не только результатов, но и, судя по всему, методов, с помощью которых были обворованы «соседи» по списку — СР, ЛДПР, КПРФ и «Яблоко». В третьем случае, правда, политические противники были ограблены, очевидно, на несколько меньшее количество бюллетеней, полагаю, «всего-то» на 800 штук (по 200 с каждой). С миру по нитке, ЕдРу — большинство в Госдуме.

Обращаю внимание на цифру проголосовавших за партию «Яблоко» (0,42%) на участке № 175: уверен, что не составит большого труда найти на этом участке людей, проголосовавших за эту партию. Не сомневаюсь, что их наберется заметно больше, чем указано в протоколе. Для ловких деятелей, в частности из «математической» школы, полагаю, открытый и справедливый судебный процесс мог бы стать неплохим уроком не только математики, но и уголовного права.

В этой связи, помимо уже высказанного предположения про «бонус», возникает и ряд других, вполне закономерных вопросов:

Можно ли доверять наших детей таким учителям?

Кого они могут воспитать, если педагогическому коллективу не хватает элементарной совести для обеспечения справедливых, а не преступных выборов?

В отличие от тех школ, которые, несмотря на жесткий диктат и угрозу применения финансовых или административных санкций, не стали заниматься махинациями и нарушением избирательного и уголовного законодательства и заслуживают высокого зва-

ния **гражданственных**. Всего-то — не стали нарушать закон, но в наше время и для этого необходимо гражданское мужество.

Технологии фальсификации

Знакомясь с многочисленными сообщениями о нарушениях в день выборов, я попытался условно свести нарушения в три группы.

1. «Вброс». В урну для голосования, в тот или иной удобный момент (до начала голосования, во время, после окончания) вбрасываются бюллетени, заранее заготовленные членами (руководителем) УИК. Это наиболее рискованный способ нарушения, поскольку он может быть зафиксирован и сразу вызывает скандал. Сюда же входят и «карусельщики», которые, по сути, осуществляют ту же функцию. Основной вторичный признак таких нарушений — повышенное количество голосовавших по сравнению с общегородским уровнем.

2. «Переброс». Во время подсчета голосов из одной стопки бюллетени перекладываются в другую, в помощь «нужной» партии. Такое действие может быть произведено в том случае, если при подсчете голосов нет реального контроля или имеется «дружественный контроль» от нужной партии. Однако в такой ситуации заметно возрастает вероятность обнаружить цифровые искажения на основе научных методов (например, кривая распределения Гаусса, то есть нормального распределения статистических величин), что делает результат неправдоподобным.

3. «Перекося». Название скорее шуточное, поскольку речь идет о «перекосях» в мозгах. Нужно иметь невероятную наглость, чтобы уже подписанные протоколы поменять на другие, содержащие измененные цифры. Нынешняя «наперсточная» власть использует при этом

псевдоюридические приемы, либо вообще отказывая под различными предлогами наблюдателям в получении заверенных копий, либо предлагая «настырным» наблюдателям от других партий «не очень легитимные» копии протоколов с «недостающими» отметками. Однако с точки зрения юриспруденции (а не подхода ангажированных судов) копией вполне может считаться документ, заверенный просто печатью и подписью: главное, чтобы заверяемые подписи были подлинными. Тогда как их подделка — сложная штука.

Кстати, на этой махинации власть и попадаетея; посмотрите на один из интернет-ресурсов, содержащих сравнительные данные — официальные и реальные: <https://ruelect.com/ru/>. Согласно им, воровство голосов на выборах в пользу ЕР составляет более 18%.

Многообразие способов совершения преступлений на выборах велико. Но среди этого нескончаемого потока мерзостей были и в своем роде перлы — такие, как описанные в статье в «Новой газете» от 09.12.2011 «Я участник фальсификации выборов 2011»: <http://www.novayagazeta.ru/inquests/49943.html>.

Некоторые выводы

1) Нынешняя власть в России теряет свою легитимность. Правда, относится это в основном только к «продвинутым» территориям — прежде всего к большим городам с развитой системой внетелевизионного, интернет-общения. Теряет настолько, что первые лица становятся либо объектами освидетельствования, либо ернических и все более жестких насмешек.

Волна насмешек над главой дуумвирата свидетельствует, что народ считает еще недавнего кумира тем, кем он является: неплохим пиарщиком,

общающимся по телевизору в режиме вопрос — ответ или пресс-конференции. Ясна теперь и причина, по которой ему не близки дебаты с оппонентами: любой диалог требует не хлестких ответов, а развернутой аргументации и более длительного диалога, в котором нынешняя система управления тут же окажется в роли оправдывающейся стороны. А значит — проигравшей, поскольку не то что оправдания, но просто разумного объяснения всем безобразиям в России (если не считать очевидного наличия группового интереса) за последние годы попросту нет.

2) Чем более нынешние правители будут пытаться «рулить» и по привычке давить на граждан, тем быстрее возникающие и крепнущие сообщества граждан («пожарные дружины-2010», «синие ведерки», теперь — сообщества для обеспечения честных и справедливых выборов и др.) будут более консолидировано сопротивляться противоправным действиям власти.

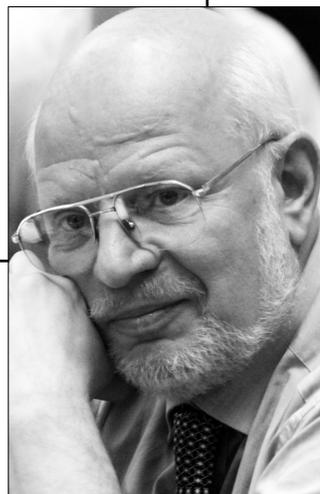
3) Результаты состоявшихся «выборов» невозможно назвать справедливыми. Не говоря уже о «коварных замыслах вашингтонского обкома», которые властная верхушка вполне может адресовать себе: осуществленная фальсификация процедур и итогов выборов представляет собой очевидный подрыв самой властью национальной безопасности и стабильности. С этой точки зрения партию, которая организует и осуществляет подобное преступление, следует распустить, проведя при этом комплексное расследование противоправной деятельности.

Только опять же, «а судьи кто»? Система уже настолько разложилась, что в ней по существу не осталось институтов, способных стать консолидирующими общество инструментами.

Общественный контроль — чувствительная зона современного государства

Казалось бы, общественный контроль — вполне традиционная форма современного жизнеустройства, которая ежедневно и ежечасно проявляется в том, что представители публики, ощущая на себе лично несовершенство окружающей действительности, предпринимают те или иные меры либо для исправления отдельных недостатков, либо для адаптации самих себя к этим недостаткам. Однако на самом деле такая форма реагирования принципиально отличается от того, чем, на мой взгляд, является общественный контроль. Главное в нем то, что каждый участник процесса реагирования нацелен на достижение и защиту общественного блага, а не на удовлетворение частного интереса.

Здесь, естественно, открывается поле конкуренции между государством и гражданским обществом, поскольку оба претендуют на роль выразителя и защитника общественных интересов. Причем сами эти интересы порой понимаются по-разному. Именно различие в понимании порождает конфликт, который усиливается в ситуациях, когда государство пытается скрыть те или иные факты или аспекты назревшей проблемы, а гражданское общество, напротив, пытается перебрать все, порой не вполне легальные ключи, чтобы получить доступ к интересующей его информации. Защищая свою привилегию управлять государственными делами и решать за граждан, в чем именно состоят их интересы, власть неминуемо оказывается в положении обороняющейся стороны. Она крайне болезненно реагирует на попытки гражданского общества оспорить ее монополию, особенно если попытки общественного контроля касаются таких вопросов, которые сулят материальные выгоды конкретным представителям власти. Вот почему я берусь утверждать, что общественный контроль представляет особо чувствительную зону современного государства. Порой достаточно легкого прикоснове-

*Михаил Федотов,
председатель Совета при
Президенте РФ
по развитию гражданского
общества
и правам человека,
доктор юридических наук,
профессор*

ния к тщательно скрываемым деталям государственного механизма, чтобы другие его части немедленно пришли в движение и обрушились на незваных инспекторов всей мощью легитимного принуждения.

Даже в условиях развитых демократических традиций и институтов подобный конфликт может перейти в форму силового противостояния. Наглядный пример — история реализации в Германии проекта «Штутгарт-21», предусматривающего кардинальную реконструкцию железнодорожного вокзала Штутгарта, столицы земли Баден-Вюртемберг. Проект был официально представлен еще в 1994 году, однако практически сразу столкнулся с сопротивлением части горожан, обеспокоенных тем, что строительство затронет так называемый Дворцовый парк и приведет к уничтожению 282 многовековых деревьев.

Жалобы горожан были поданы в разные инстанции, в том числе в суды, однако успеха не имели. В 2006–2007 годах Верховный административный суд земли Баден-Вюртемберг отклонил несколько жалоб о признании строительства нового вокзала незаконным. В 2007 году противники строительства вокзала предоставили властям результаты организованного ими сбора подписей, согласно которому 67 тысяч человек высказались за проведение референдума по этому вопросу (по закону достаточно 10 тысяч), однако городской совет Штутгарта отклонил и это предложение.

В августе — сентябре 2010 года противостояние обострилось: в демонстрациях противников «Штуттгарта-21» приняли участие от 20 до 50 тысяч человек. Люди выстраивались живой цепью вокруг вокзала, чтобы помешать сносу здания. Наконец, 30 сентября, накануне дня, когда в Дворцовом парке должны были упасть первые деревья, полиция жестко, с применением слезоточивого газа, водометов и дубинок, разогнала демонстрацию мирных горожан. В итоге ранения получили, по разным данным, до 400 человек.

Разгон мирной демонстрации вызвал настоящий шок во всей Германии. Ответом стали еще более многочисленные акции протеста. По итогам выборов в ландтаг партия «зеленых» сумела провести своего кандидата на пост премьер-министра федеральной земли Баден-Вюртемберг. В конечном итоге власти вынуждены были провести земельный референдум. В ноябре 2011 года он состоялся и дал следующий результат: 58,8% жителей высказались за дальнейшую реализацию проекта «Штутгарт-21», 41,2% — против.

Если вы думаете, что те сорок с небольшим процентов жителей Штутгарта, которые голосовали «против», теперь стали «за», то ошибаетесь. Нет, они по-прежнему против. Но решение принято демократическим путем, с участием всех заинтересованных в нем граждан. И земельные власти сегодня очень гордятся тем, как они смогли умерить страсти и решить крайне болезненную проблему демократическим способом.

По мнению немецких экспертов, с которыми мне удалось побеседовать в Штутгарте в декабре 2011 года, когда уже и следа не осталось от недавних баталий, в случае с проектом «Штутгарт-21» традиционная представительная демократия в буквальном смысле слова столкнулась с непо-

средственной демократией, при которой последнее слово принадлежит гражданскому обществу, а не заседающим в парламенте представителям партий. И хотя немецкая конституция делает именно партии основными посредниками между обществом и властью, однако в условиях «конфликта интересов» гражданское общество делает ставку именно на демократию прямого действия. Более того, немецкие эксперты отмечают интересную тенденцию последнего времени: участие рядовых граждан в традиционных политических процедурах представительной демократии неуклонно снижается, а массовость гражданских инициатив, прежде всего в Интернете, напротив, быстро растет. Не похожи ли события в связи с проектом «Штутгарт 21» на историю защиты Химкинского леса? Похожи по сути конфликта.

Власть крайне болезненно реагирует на попытки гражданского общества оспорить ее монополию, особенно если попытки общественного контроля касаются таких вопросов, которые сулят материальные выгоды конкретным представителям власти

Только в подмосковных Химках не дошло до референдума — ограничились некими общественными слушаниями, вызвавшими множество нареканий и подозрений. Вот почему я берусь утверждать, что общественный контроль представляет чувствительную сферу любого современного государства, в котором имеется хотя бы минимально достаточный уровень демократии.

Почему проявления гражданского участия заставляют современное государство вибрировать? Потому что оно привыкло работать внутри себя, внутри бюрократии. И когда вдруг в сфере управления делами государства начинают заниматься граждане, бюрократия воспринимает их как помеху: в лучшем случае — как назойливых просителей, в худшем — как городских партизан. Но как только бюрократия начинает осознавать, что общественный контроль — это не ущерб, а достоинство, тогда она принимается создавать специальные каналы для обеспечения гражданского участия.

Проект федерального закона, над которым мы сейчас работаем, нацелен именно на это — на создание каналов гражданского участия и его главной формы — общественного контроля. Должен сразу предупредить, что мы исходим из максимально широкого толкования понятия «общественный контроль». Мы включаем сюда и общественные проверки, и общественные слушания, и общественную экспертизу, и общественную инициативу, и другие формы непосредственного участия граждан. Если этот закон будет принят, то он станет не просто большим шагом вперед, но очередным чудом в отечественной истории. А делать чудеса — это, конечно, очень рискованно, но забавно.

Чтобы со знанием дела формировать каналы общественного контроля, необходимо ясно представлять себе структуру гражданского обще-

Давид Смит. Кубы XXVII. 1965

ства в нашей стране. Сегодня 44% некоммерческих организаций составляют общественные и религиозные организации. На втором и третьем месте оказываются кооперативы и ТСЖ. Кроме того, 9% составляют фонды, 8% — некоммерческие партнерства. Но самое главное, субстрат гражданского общества — это граждане. Понятие «граждане» не равнозначно понятию населения страны. Население, жители — это основной источник формирования граждан как основы гражданского общества. И основной механизм трансформации жителей в граждан — гражданское участие.

Гражданин в своем качестве основного субстрата гражданского общества должен обладать соответствующими сознанием и мотивацией.

Если попытаться завлечь человека в сферу общественного контроля какими-то благами, не связанными с самой сущностью данной формы гражданского участия, то неминуемо произойдет смена мотивации. Если гражданин будет участвовать в общественном контроле, чтобы получить некий бонус, то характер его деятельности будет скорее не гражданский, а предпринимательский. Защита общественных интересов ради получения личного бонуса несет в себе очевидную опасность, поскольку лица, посягающие на общественные интересы, могут предложить бонус большего размера. И это нельзя не учитывать.

В свою очередь, гражданское участие может принимать самые разные формы. Во-первых, индивидуальное гражданское участие. И это не только одиночные пикеты. Например, чешский студент Ян Палах в 1968 году устроил самоожжение на Вацлавской площади в Праге в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию.

Во-вторых, групповое гражданское участие. Наиболее известный мне пример — как мы втроем с Юрием Батуриным и Владимиром Энтиным в 1988 году написали инициативный авторский проект закона СССР о печати, а потом на его основе сделали проект российского закона о СМИ, и оба проекта стали законами. Это было в чистом виде гражданское участие: мы не занимали никаких государственных постов, нам никто не заказывал наши проекты. Наоборот, мы сами заплатили за то, чтобы издать наш проект отдельной брошюрой в 1989 году. Тогда это стоило больших денег.

В-третьих, может иметь место коллективное гражданское участие. Здесь выделяются две разновидности: традиционное, вертикально-интегрированное участие, осуществляемое, например, через общероссийскую общественную организацию, и сетевое коллективное гражданское участие, использующее интернет-технологии.

Какие цели преследует законодательство об общественном контроле? Во-первых, мы связываем общественный контроль, и это принципиально важно, с конституционным правом гражданина на участие в управлении делами государства. Таким образом, закон «Об общественном контроле в Российской Федерации» опирается на положения статьи 32 Конституции РФ о правах граждан участвовать в управлении делами государства. Это сразу решает вопрос о том, в чью компетенцию входит принятие данного закона. В той части, в которой он касается регулирования права на участие в управлении делами государства, это относится к исключительному ведению федерации, а в той части, в которой он касается защиты этого права, он будет относиться к совместной компетенции федерации и ее субъектов.

Вторая цель, которую мы преследуем, — повышение эффективности управления на всех уровнях (федеральном, региональном, местном) и во всех сферах (экономики, правоохранительной деятельности, обороны, культуры, социальных отношений и т. д.).

Третья цель — повышение взаимного доверия и формирование на этой основе равноправных партнерских отношений между государством и гражданским обществом. Для этого нужно, чтобы государство

признало гражданское общество независимым от него и равноправным партнером. Сегодня мы этого не видим. Характерно, например, что Общественная палата Российской Федерации формируется таким образом, что треть ее состава назначается непосредственно президентом Российской Федерации. Следовательно, Общественная палата создается не как структура гражданского общества, а как государственно-общественное объединение. Однако нигде в законодательстве это не прописано. В результате смазывается конституционно-правовая база закона об Общественной палате. Закон как бы висит в правовом вакууме. Точно так же подвешен закон об общественном контроле за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания. Представляется, что решение этой проблемы может быть достигнуто с помощью закона об общественном контроле в РФ, который создаст правовую связь между Конституцией и этими федеральными законами.

Наконец, четвертая задача, которую мы ставим перед собой, когда создаем закон об общественном контроле, — это структурное и институциональное развитие гражданского общества, формирование культуры гражданской активности, накопление социального потенциала, то есть уплотнение связей между основными акторами гражданской активности.

Подчеркну, что механизмы гражданского участия уже довольно существенно представлены на уровне субъектов федерации. Институты уполномоченных по правам человека и по правам детей есть в 95% субъектов, общественные палаты — в 73%, молодежные парламенты — в 65%, однако публичные слушания проводятся только в 14% субъектов, а общественные экспертизы — в 12% субъектов. Как видим, наиболее развиты те формы, которые больше связаны с властью, формируются властью, интегрируются во властные структуры. Напротив, общественные слушания и экспертизы не получили широкого распространения именно потому, что у власти здесь мало возможностей для манипулирования.

Мы полагаем, что из того субстрата, который сегодня есть в гражданском обществе России, можно и должно сформировать структуры общественного контроля. При этом мы предлагаем исходить из следующих принципов.

Первый принцип — самостоятельность общественных объединений, участвующих в формировании институтов общественного контроля. Мы знаем, что существуют не только НКО или NGO, то есть *non-governmental* (неправительственные) *organizations*, но и псевдо-НКО или GONGO, то есть *governmentally oriented* или *governmentally organized non-governmental organizations*, то есть околосударственные негосударственные организации. Вы понимаете, что даже в самом названии, по сути дела, искусственность этих организаций достаточно ясно раскрывается. Мы полагаем, что в формировании структур общественного контроля должны принимать участие только реально независимые структуры гражданского общества, а не созданные искусственно.

Второй принцип — это самостоятельность институтов общественного контроля. Институт общественного контроля должен быть независим от посторонних влияний, будь то государственное влияние или влияние коммерческих структур, бизнес-сообщества.

Третий принцип — всеохватность общественного контроля. Он должен распространяться на все сферы общественной жизни, по возможности, максимально.

Четвертый принцип — всеобщность общественного контроля. В нем могут принимать участие все граждане.

Пятый принцип — гласность общественного контроля, его абсолютная открытость. Именно поэто-

му предлагается, чтобы все работы, связанные с осуществлением общественного контроля, были доступны любому пользователю Интернета. Одна из центральных идей нашего законопроекта заключается в том, что создается некий электронный ресурсный центр общественного контроля. Речь идет об информационном портале в сети Интернет, где все события и все акторы в сфере общественного контроля будут отражаться. Все должно быть открыто.

Шестой принцип — обязательность общественного контроля. Ни государственные органы, ни муниципальные, ни, в некоторых сферах и в некоторых случаях, частные компании не могут уклоняться от общественного контроля.

Седьмой принцип — многообразие форм общественного контроля.

Наконец, последний — признание институтов общественного контроля представителями неопределенного круга лиц при выступлении в суде в защиту общественных интересов. Главная идея общественного контроля — это защита общественных интересов, и мы в законопроекте попытались сформулировать это понятие. Тем более что понятия общественных интересов у нас в законодательстве нигде нет, хотя сами эти интересы упоминаются часто.

Кратко охарактеризуем формы общественного контроля. Во-первых, это общественные слушания и общественные обсуждения. Первые проходят всегда в очной форме, когда участники собраны вместе. Кроме того, мы предлагаем такую форму, как общественные слушания с участием жюри, когда из числа участников общественных слушателей формируется своего рода «жюри присяжных», которое и выносит окончательный вердикт.

Другая форма, общественные обсуждения, не предполагает создания некоего жюри, хотя, в принципе, наверное, это тоже возможно. Мы исходим из того, что общественное обсуждение может проходить как в очной форме, так и в заочной, в интерактивном режиме, с использованием Интернета. Общественные слушания тоже могут проводиться с использо-

Защита общественных интересов ради получения личного бонуса несет в себе очевидную опасность, поскольку лица, посягающие на общественные интересы, могут предложить бонус большего размера

Эме-Жюль Далу. Триумф Республики. 1879–1893

ванием Интернета. В любом случае они должны транслироваться в Интернете.

Третья форма — общественная экспертиза, о которой я расскажу дальше подробнее.

Следующие формы — общественный мониторинг, общественное расследование, общественные проверки и, наконец, общественная инициатива. Общественную инициативу мы рассматриваем как результат общественных расследований или экспертиз. Например, прошла общественная экспертиза некоего действующего нормативного акта, и эксперты пришли к выводу, что нужно принимать новый закон, какой-то другой нужно отменять, а иной закон — как-то менять. Тогда возникает общественная инициатива по изменению этого закона, по его отмене или принятию нового закона.

Дальше эта инициатива уже через структуры общественного контроля может прийти в органы законодательной власти и в конечном счете

стать законом. Вот то, что мы больше 20 лет назад сделали со своим проектом закона о печати, — это была как раз в чистом виде общественная инициатива. Но все это происходило не по правилам, не в соответствии с какими-то правовыми механизмами, потому что таких механизмов не было и до сих пор нет, а это происходило в силу совершенно других причин, о которых мы с моим соавтором Юрием Михайловичем Батуриным написали в книге «Феноменология юридического чуда», которая выйдет в 2012 году.

Еще одна форма — осуществление общественного контроля в отдельных сферах, имеющих свою специфику. В каждой сфере могут возникать самостоятельно свои формы общественного контроля. Например, в системе ФСИН существуют уже не первый год общественные наблюдательные комиссии.

Наконец, отдельной формой контроля является взаимоотношения институтов общественного контроля между собой, а также с государственными и муниципальными органами, организациями и гражданами. Что касается конкретно обязательной общественной экспертизы. Как мы ее себе видим в этом проекте? Итак, субъект нормотворчества, предположим краевая дума, получает некий законопроект. Она должна сразу разместить его на своем официальном сайте и передать в общественную палату, если в этом регионе существует общественная палата, или в другой институт общественного контроля, который выполняет функции организатора общественной экспертизы. Если дума не передала законопроект, который касается, например, прав и свобод человека и гражданина, экологии или иным образом затрагивает общественные интересы, а значит, подлежит обязательной общественной экспертизе, то организатор общественной экспертизы обязан самостоятельно приступить к ее проведению.

Организатор обязан, во-первых, на своем официальном сайте, а во-вторых, на специальном информационном ресурсе, который будет сделан для нужд общественного контроля, разместить информацию о том, что начинается экспертиза такого-то проекта, опубликовать правила подбора экспертов и порядок их работы. Дальше она начинает формировать состав экспертов, и эксперты начинают работать с этим проектом. Причем в Интернете должно отражаться, что представляют собой эти эксперты, какие организации стоят за этими экспертами, в каких экспертизах они раньше принимали участие, результативность их работы и др.

Если все эксперты, которые приняли участие в экспертизе, пришли к единому мнению, то составляется заключение экспертной комиссии. Если же заключение экспертной комиссии не получается, потому что, например, среди экспертов есть две точки зрения, то здесь возможны два варианта. Вариант первый — организатор общественной экспертизы передает все конкурирующие экспертные решения в законодательный орган. И в законодательном органе при разработке законопроекта участвуют все эксперты, представляющие конкурирующие точки зрения. Или второй вариант: результаты экспертизы выносятся на обществен-

ные слушания, которые в этом случае представляют собой работу общественного жюри, перед которым выступают общественные эксперты, представляющие разные точки зрения, после чего общественное жюри, состоящее не из экспертов, а из рядовых граждан, как в коллегии присяжных, делает окончательный вывод, отдавая свои голоса тем или иным экспертам. И тогда уже решение, принятое по результатам общественных слушаний, передается субъекту нормотворчества.

Помимо обязательной, возможна и инициативная общественная экспертиза. Она может иметь место по поводу любого законопроекта или по поводу действующего закона, нормативного акта. Если эта экспертиза приходит к выводу, что нужно создавать новый закон или нужно отменять этот закон, то здесь уже возникает формат общественной инициативы. Такая инициатива проходит опять-таки через организатора обязательной общественной экспертизы, после чего попадает к субъекту нормотворчества для процедуры принятия соответствующего нормативного акта.

Теперь что касается электронного ресурсного центра общественного контроля. По сути дела речь идет о портале или сети, в которую включены все участники общественного контроля. Поскольку участников контроля может быть свыше ста миллионов человек, то легко догадаться, какого размера может быть эта сеть. Ее звеньями могут быть общественные эксперты и экспертные организации, потому что может быть как индивидуальное гражданское участие, так и коллективное. Все они совершенно добровольно регистрируются в этом ресурсном центре и размещают ту информацию о себе, которую считают нужным. Например: в каких экспертизах они участвовали, к чему эти экспертизы привели, какие нормативные акты были приняты по результатам их экспертиз или против результатов их экспертиз, какие они имеют научные и прочие заслуги, где они учились, какой у них опыт и т. д. Мы исходим из того, что общественным экспертом может быть не только доктор каких-то наук, но это может быть и дворник, потому что дворник гораздо лучше понимает в вопросах уборки улиц, чем доктор наук. Поэтому в законопроекте мы определяем статус эксперта как человека, имеющего знания или опыт в соответствующей сфере человеческой жизнедеятельности.

Там же регистрируются и организаторы общественных экспертиз. Это могут быть не только общественные палаты. В число организаторов обязательных общественных экспертиз мы включили и уполномоченных по правам человека, и совет при президенте по развитию гражданского общества и по правам человека. В то же время организаторами инициативных общественных экспертиз может быть любая некоммерческая структура, потому что организатор инициативной экспертизы вправе сформировать публичную площадку, которая должна быть зарегистрирована на этом портале. Для чего? Для того чтобы общество знало о существовании этой площадки и что она собой представляет. Вот почему каждая такая площадка обязана размещать о себе информацию — какие общественные слушания были

проведены, каковы результаты, что о них писали разные средства массовой информации и т. д. При этом совершенно понятно, что, поскольку Интернет — конкурентная среда, то здесь, как только появляются какие-то противоестественные или недостоверные конструкции, они очень быстро вычисляются и оказываются отвергнутыми.

Ожидаемые результаты от институционализации общественного контроля включают, прежде

всего, повышение эффективности функционирования государственных и муниципальных общественных органов, ликвидацию излишних государственных структур, в том числе с контрольно-надзорными функциями, рост гражданской актив-

ности, рост правовой культуры населения, восстановление общественного доверия к власти, повышение доверия к НКО, как со стороны власти, так и со стороны гражданского общества и граждан, структурирование гражданского общества, формирование институтов электронной демократии, включая так называемую облачную демократию — систему консенсусного принятия решений большими группами людей. И самое главное — это расширение гарантий и форм реализации прав граждан на участие в управлении делами государства на всех уровнях — федеральном, региональном и муниципальном.

Естественно, принятие закона об общественном контроле должно повлечь принятие федеральных законов об общественном контроле в отдельных сферах. Пока есть только один такой закон — об общественном контроле в системе исполнения наказаний. Советом подготовлен и направлен президентом Дмитрием Медведевым в Думу проект закона об общественном контроле в детских домах. Но должны появиться такие же законы и по другим сферам. В частности, руководители главкомата внутренних войск МВД России, с которыми мы говорили, согласны с идеей формирования во внутренних войсках системы общественных наблюдательных комиссий.

Пока же законодательство исходит из того, что основные структуры общественного контроля — это общественные советы при министерствах и ведомствах. Кто формирует эти общественные советы? Руководители министерств и ведомств, то есть те, кого следует контролировать, сами формируют тех, кто их контролирует. Именно поэтому один из наших принципов — независимость структур общественного контроля. Вот почему предпочтительна та модель, которая реализована в общественных наблюдательных комиссиях, в отношении формирования которых у Федеральной службы исполнения наказаний нет никакого влияния.

Пока в регионах формируются нормативные акты без единой федеральной правовой базы общественного контроля, существует опасность, что региональное законотворчество может принять крайне уродливые формы

Дальше нужно принимать отдельные законы о различных формах общественного контроля, поскольку в этом базовом законе мы вряд ли сможем прописать все детали конструкции и методологии общественных экспертиз, слушаний, мониторингов и т. д. Например, когда мы обсуждали даже не главу, а один параграф этого закона, посвященный общественной экспертизе, один из членов нашей рабочей группы воскликнул: «У нас параграф получился размером в 9 страниц! Это ж сколько страниц в законе будет?! Сто?!»

Вопрос, безусловно, важный, так как большие по объему законы плохо работают. Дело в том, что в законодательстве есть своя гармония. Очень важно поэтому законопроекты проверять гармонией. Увы, это очень редко делается, но это необходимо.

Наконец, необходимо внесение изменений в ряд федеральных законов. Принятие закона об общественном контроле потребует изменений в очень большом числе федеральных законов, начиная от закона о некоммерческих организациях, включая закон о прокуратуре, о полиции, о средствах массовой информации, об общих принципах организации местного самоуправления, об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов власти субъектов федерации и т. д. Огромное количество законов придется менять. Я не говорю о принципиальном изменении, но поправки придется внести. Кроме того, должны быть приняты смежные законы — о лоббизме, об общественном телевидении и радио. Последний закон особенно важен, поскольку общественное вещание является одним из обязательных элементов гражданского общества и системы общественного контроля. Потребуется и закон о государственной поддержке средств массовой информации, который позволит и общественным средствам массовой информации, и другим СМИ функционировать именно как институт гражданского общества, а не как инструмент пропаганды или реализации исключительно коммерческих интересов.

А следом пойдут региональные законы. Кстати, в конце 2011 года пермская краевая дума приняла первый в нашей стране закон об общественном контроле — закон «Об общественном контроле в Пермском крае». Он уже вступил в действие и стал образцом для разработки аналогичного закона Ульяновской области. В этом одна из причин того, почему нужно срочно делать федеральный закон об общественном контроле. Пока в регионах формируются нормативные акты без единой федеральной правовой базы общественного контроля, существует опасность, что региональное законодательство может принять, с одной стороны, крайне разнообразные, а с другой — крайне уродливые формы.

Вот вкратце о том, как мы работаем над проектом закона об общественном контроле. Повторяю, если нам удастся его создать, то это будет настоящим юридическим чудом. Хотя и не первым в нашей профессиональной биографии. Следовательно, прослеживаем закономерность: в нашей стране иногда возможно появление рукотворных чудес. Этим надо пользоваться.

Противодействие коррупции: пределы возможного

*Елена Панфилова,
директор Центра
антикоррупционных
исследований и инициатив
«Транспаренси
Интернешнл — Россия»*

Коррупция, которая появляется, а потом набирает разгон в каком бы то ни было обществе — это диагноз того, что в стране что-то не так. Однако попытки осмыслить происходящему коррупционные явления в мире относятся лишь к началу 90-х годов прошлого столетия. До этого о коррупции практически не говорили. Некоторые ее виды были даже нормой. До 2002–2003 годов в таких успешных странах, как Швейцария и Германия, существовало налоговое освобождение взяток, заплаченных за рубежом за продвижение бизнеса, особенно в развивающихся странах. Такая практика нормально воспринималась на государственном и общественном уровнях. Это же рыночная экономика: как можешь, так и продвигаешь бизнес, а государство поможет.

В какой-то момент, однако, наступило осознание, что огромное количество средств, вкладываемых в какие-то проекты, в первую очередь западными государствами, но и не только ими, бесконтрольно пропадает, экономика терпит убытки, общество несет нравственные потери.

В своей блестящей книге «Коррупция и государство» Сьюзан Роуз-Аккерман детально исследует экономические и институциональные факторы коррупции, объясняет мотивы коррупционного поведения людей, приводит массу примеров из практики борьбы с мздоимством в разных странах. Сегодня феномен коррупции хорошо описан, однако противодействие ей не становится делом простым, особенно в России. Ее крайне трудно выявлять. Согласно исследованиям Института прокуратуры в середине — конце 90-х годов уровень выявления коррупции составил 11%. Почему так мало? Да хотя бы потому, что если обе участвующие в сделке стороны достигли цели, то никто ничего не узнает. В эти 11% попадают только те, кто остался неудовлетворен результатом

или стал свидетелем факта взятки. Особенно если не работают такие институты внутреннего и внешнего надзора, как расследовательская журналистика, много административных барьеров, общественный контроль чрезвычайно слаб, особенно в силовых структурах и чиновничьей среде. Задача общества — добиваться от власти принятия законов, создания институтов и инструментов, которые ограничивали бы действия, с одной стороны, тех, кто коррупционные возможности предоставляет, а с другой — тех, кто о них просит.

Что это за институты и инструменты? За последнее время мы ратифицировали ряд международных антикоррупционных актов — конвенцию ООН о коррупции, конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, кое-что из конвенции Организации экономического сотрудничества и развития, — аккуратно внедрили их положения в ткань нашего законодательства. Казалось бы, сейчас все начнет меняться, начнет само с собой бороться. Но этого не произошло. Почему?

Не буду останавливаться на том очевидном факте, что сам по себе закон в любой сфере, а тем более в коррупционной, ничего не делает и ни с чем не борется, если к нему не приложены чистые руки и настойчивость. К нашему антикоррупционному законодательству не приложено ни то, ни другое. Но если бы даже что-то заработало, то вряд ли привело к какому-то серьезному результату. Почему? Потому что из процесса исключены важнейшие инструменты — гражданское общество, СМИ, политическая конкуренция.

В обществах с развитыми институтами демократии все это общем-то работает. Вот только быстро одолеть коррупцию

никогда нигде не получается. Например, очень любят ссылаться на американский опыт. Есть такой американский Закон о коррупции за рубежом (Foreign Corrupt Practices Act), который наказывает американские компании за коррупцию в других странах. Он был принят в 1977 году, а первый приговор по нему состоялся в 2001. Не очень быстро. В силу того хотя бы, что очень многим сильным мира сего и в США, и в любой другой стране это очень удобно. Уровень противодействия любым антикоррупционным реформам в любом обществе крайне высокий. Потому что заявить о борьбе с коррупцией в плане предвыборного обещания можно, а реализовать что-то существенное на практике бывает не всегда так просто. Но проблема даже не в скорости и даже не в том, что с этими мерами что-то не так, а в политической воле. Действительно, проблемы, которые обозначены в сегодняшнем антикоррупционном законодательстве России, все правильные. Но ведь двадцатую статью Конвенции ООН против коррупции Россия до сих пор не подписывает. Статья эта — «Незаконное обогащение» — предписывает странам — участницам Конвенции в рамках их правовых систем ввести уголовное наказание за незаконное обогащение, если должностное лицо владеет имуществом и средствами, превышающими его официально декларированный доход, но не может надлежащим образом обосновать их происхождение. Все, что не подтверждено, — незаконное обогащение. Упорство, с которым у нас не хотят принимать санкции за незаконное обогащение, показывает высочайшую степень сопротивления чиновничьего сообщества, властных структур созданию в стране действенной системы противодействия коррупции. Почему?

А дело в том, что классическая добровольная коррупция, по которой мы приняли множество законов, разработали множество этических кодексов и образовательных программ, не имеет ничего общего с тем, что происходит сейчас в России. Смее утверждать, что за последние 10 лет российская коррупция мутировала и приобрела форму **коррупционного вымогательства**. В ней нет двух сторон добровольной сделки по обмену услуг на материальные средства. Это не тот случай, когда бизнесмен, например, хочет преимуществ и идет к чиновнику,

чтобы их получить. Тут, наоборот, чиновник вынуждает того же бизнесмена вступить в коррупционную сделку под угрозой применения каких-либо санкций, используя незаконные методы. То есть субъектами коррупционного вымогательства часто выступают те самые контролирующие и правоохранительные органы, которые должны выявлять коррупцию, которые должны с ней бороться.

Проблема коррупционного вымогательства в масштабах и формах, в которых она сложилась в нашей стране, состоит в том, что на стороне вымогателей легитимное право на применение насилия, которое используется незаконно для незаконного же обогащения. Потому что если бы это был вымогатель с большой дороги, то от него еще можно было бы как-то отбиться. А если у него погоны и удостоверение? И он от тебя ничего не хочет, кроме незаконного обогащения (здравствуй, статья двадцатая!).

Проявления алчности и различные способы ее удовлетворения, в том числе посредством коррупции, наблю-

даются в странах с разной культурой, разным уровнем развития и степенью жесткости антикоррупционных законов. Однако и методы противодействия такой коррупции в этом случае известны и широко применяются.

Это внутренний (аппаратный) и внеш-

Весь ужас в том, что институциональная коррупция стала в нашей стране смыслом деятельности практически всех институтов управления и власти, устойчивым, хорошо организованным источником незаконных доходов огромной массы чиновников

ний, независимый от исполнительной власти контроль, различные регламенты для чиновников, антикоррупционная экспертиза законов и, конечно, независимая система правосудия, СМИ, общественность, политические партии. Институты внешнего контроля наиболее эффективны в либеральных демократиях. А если коррупция институализирована и сплошь и рядом в коррупционную «бригаду» вовлечены целые части системы государственной власти? Тут и регистратор, и контрольные и надзорные органы, и правоохранители, и судебные структуры, то есть все то, что называется институциональной коррупцией. И эта «продвинутая» система присвоения ренты сама себя воспроизводит и легитимизирует, изменяет и подчиняет себе экономические и социально-политические институты. Она даже не ограничивается использованием несовершенства институтов и законов, а генерирует такое законодательство, такие регламенты и процедуры, которые упрощают воровство и затрудняют выявление коррупции и борьбу с ней. То есть,

по сути, это вертикально и горизонтально интегрированная сеть взимания и перераспределения коррупционной ренты с мощным механизмом прикрытия (круговой порукой), которая особенно эффективно работает на низовом и среднем уровнях власти. И что нам со всем этим делать?

Существует очень много международных и хорошо работающих инструментов отслеживания незаконного обогащения. Например, система корпоративного аудита «Ариадна», которая используется в Росфинмониторинге. Поисковая система контроля движения средств политически значимых лиц (Politically Exposed Persons), которую использует Межправительственная организация по борьбе с отмыванием денег (Financial Action Task Force). Если кто-то думает, что все можно спрятать так, что никто не найдет, то это заблуждение. Даже если какой-то рукастый блогер-одиночка может что-то раскопать, то, уж поверьте, спецслужбы, задача которых выявлять незаконные доходы высших должностных лиц, тем более в курсе движения любых активов любых высших должностных лиц любой страны. Хочу предельно обострить проблему нашей доморощенной коррупции. Дело ведь не только в ее чудовищных экономических и нравственных последствиях для нашего общества. Они могут затрагивать суверенитет и безопасность страны. Если мы сами не способны или не желаем бороться с этой национальной бедой, то иностранные и международные службы вполне располагают ресурсами внешнего контроля, чтобы знать, кто из наших «статусных» граждан чем и где владеет за пределами России. Разве нельзя допустить, что однажды

какой-то «внешний контролер» не предложит какому-то «статусному» гражданину сделку: ты нам оказываешь услугу, а мы молчим про твои счета, виллы и прочие мелочи, а главное — про то, каким непосильным трудом тебе все это досталось? Я считаю, хорошо бы нам знать об этом раньше, чем другим, пока защита незаконно нажитого не стала предметом сделки, опасной для страны. Полностью исключить такую возможность нельзя...

Но это так, к слову.

Весь ужас в том, что институциональная коррупция стала в нашей стране смыслом деятельности практически всех институтов управления и власти, устойчивым, хорошо организованным источником незаконных доходов огромной массы чиновников, независимым от общественно полезной эффективности и целесообразности их работы. Просто выраженная в деньгах коррупционная рента достигает у нас почти трети ВВП, а совокупный объем взяток в сфере деловой коррупции превышает размер доходной части бюджета. В конце концов, масштабы воровства реально угрожают безопасности страны: существенно деформируют общественные связи, углубляют социальное неравенство, дестабилизируют и дискредитируют власть. Тут можно забыть об инновациях и модернизации как проекте развития для России. А что же власть? Признавая публично очевидную опасность коррупции, она продолжает лишь имитировать борьбу с ней, поскольку реальное применение антикоррупционных мер — это покушение на источник доходов и благополучие значительной части лояльной российской элиты.

Право и власть или право на власть?

Светлана Неретина,
доктор философских наук,
профессор

Проблемы права, не совпадающего с обязанностями, сейчас столь же насущны, как проблемы собственности, поскольку собственности в России не было, да и ныне появившаяся зависима от начальственной власти, которая отнимает ее, используя камуфляжные правовые институты, то есть слова-заместители, слова-тропы (метафоры), которые подменяют собственно право. Право (*jus*), то, что правильно, невозможно ввести приказным порядком, правообладание — длительнейший процесс, в свою очередь зависимый а) от естественного обладания собственностью; б) от волеизъявления массы людей (не говорю — народа, поскольку последний превратился в население); в) от волеизъявления власти. Поскольку по природе существующей собственности, моей и только моей, в России нет (собственность всегда была «искусственно» полученной, прежде всего от государя или путем захвата), постольку говорить о праве нужно, понимая, что им еще нужно прорасти. Сейчас иногда говорят, что принимаемые современной российской властью законы, установления и пр. не достигают целей, увязая в сети проволочек и не достигая масс. Я полагаю, напротив, что они прямо достигают своих целей. Главное желание власти — загасить твою собственную свободу. Загашенная свобода и свидетельствует о том, что действительно есть власть, обладающая всеми властными полномочиями, но не правосознанием. Нужно же находить способы вселять правосознание в голову каждого человека. Я хотела бы обратить внимание на то, что любое новое право, преображаясь в новые формы и соответственно отображая новый статус общества, в целом государства и внешне отрекаясь от старого правового закона, на деле его не уничтожает и не может уничтожить, потому что человек *прорастает* правом. Напомню одну коллизию, связанную с, казалось бы, давно ушедшим Средневековьем.

Римское право, основанное на коллективном, безличном, административном начале, на представлении о том, что человек от роду наделен всеми правами, в IV–VI вв. заместилось обычным правом населившихся бывшую империю народов, объединенным в единства (герцогства, королевства) на духовном, личностном начале. Древние германцы полагали, что право неотъемлемо от качеств выдающейся личности. Не личность определяется правами, гарантированными государством, наоборот, она правомочна, поскольку является именно личностью — живым, неповторимым человеком. Или, иначе говоря, зависит исключительно от себя, от своих внутренних качеств. Затем, в Новое время, это право, в свою очередь, было замещено правом, которое считается отчужденным от личности, законам которого подчиняется любой гражданин. Но отношение к правомочной личности фактически действует до сих пор. Власть, особенно главный ее представитель, полагает, что он может контролировать и даже верховенствовать, руководить правовым процессом даже в условиях формального признания права. Такое двуправие действует в современности повсеместно, после утверждения универсальности права, которому подчинены все индивиды. Дело лишь в процентном отношении к авторитарно-личной правомочности. В европейских странах и Америке такого права меньше, в России, при отсутствии демократического опыта и испытания правом, больше. И пока никто не отменял определения человека как наделенного правом творческой правомоч(ш)ной личности, это представление будет действовать *практически*.

Поскольку в России сегодня слияние большей части населения и власти с миром захватчиков-уголовников огромно, нельзя тем не менее считать попытки малой доли населения жить по праву ненужными. Диссидентское движение, всегда казавшееся (диссидентам в том числе) не рассчитанным на удачу, все же оказалось «каплей, точащей камень», и внесло свою лепту в изменение и самой власти, и даже в ликвидацию самой империи.

Говоря о реформировании отдельно взятой страны, мы сейчас вынуждены постоянно оглядываться на мир. В современном мире с отдельно взятой страной ничего нельзя сделать, даже если некий диктатор снова решится построить идеальное общество под названием «Институт хорошего дела». Этот институт вряд ли сможет длительно просуществовать отдельно от мира: мы уже связаны с мировым сообществом, в немалой степени посредством Интернета. И эту связь нельзя понимать лишь в том смысле, что глобальная коммуникация представляет собой деградирующий процесс. Это прежде всего вопрос скорости, технологий, быстрой связи, позволяющей объединяться индивидам, находящимся в разных точках земного шара, и разным корпоративным сообществам мгновенно принимать или отменять решения, регулировать свою деятельность.

В замысле нового образования должно быть воспитание мужества, гражданской добродетели, любви к политической, если можно так сказать, правильности и политическому умению реагировать на общественные

изменения. В таком случае именно важны экспертные оценки. Если при этом государства не будут ориентироваться исключительно на нации, сами собой исключаются разного рода ксенофобские идеи.

Более того, экспертиза предполагает миноритарную власть, власть образованного меньшинства. В практике государственного строительства это практиковалось, причем в глубокой древности. Я могу привести пример из «Салического закона» — свода обычного права салических франков начала VI

века, согласно которому никто не имел права переселиться (вселиться) куда-либо, если хотя бы один был против. Этого одного никто не выбирал, он был просто против. Чтобы убедить его или убедиться, что прав он, а

не большинство, начинались беседы, или то, что сейчас называется приведением к согласию. Разумеется, речь в случае «Салического закона» шла о деревне, но и сейчас существует досудебное разбирательство.

Гражданские общества в Европе были созданы с помощью профессиональных судей и предпринимателей, которые служили не государю, а общему благу государства, которому служил и государь

О принципах гражданского общества

Иногда, как мы знаем, чтобы на шаг продвинуться вперед, надо сделать два шага назад. Такими назад сделанными шагами являются шаги по выстраиванию гражданского общества, ибо, даже если говорить о государстве как о наборе властных институтов, остальные субъекты политической и управленческой деятельности еще не есть гражданское общество.

Вопрос о гражданском обществе может рассматриваться как общение людей не в сфере трудовых отношений, а в отделенной от экономики сфере гражданских прав и свобод, в сфере правоотношений разветвленных общественных связей и интересов, при осознании социально-политических интересов каждой социальной группы, класса, партии, программы, но и отдельного индивида, который включен в политические структуры. Такими суверенными субъектами могут быть лишь различные субъекты *собственности*. В конце 80-х годов XX века, когда началось обсуждение перспектив создания гражданского общества в России, подчеркивалась важная роль интеллигенции в этом процессе. Но во время этого обсуждения подверглось анализу и критике и понятие интеллигенции, которую отличает от любой другой общности опора на либерализм и нравственные устои и способность решать поставленные ею же задачи.

Гражданское общество, повторим, появилось там, где уважались собственность, право и законы, применение и исполнение которых было неукоснительно. Право же, как оно сложилось в России, несмотря на обилие законов и судебных актов, издаваемых после XIV века, не обладало

Александр Либерман. Завет. 1975

такой неукоснительностью, а без этого любой разговор о гражданском обществе — маниловщина. Можно вести речь о структурных, социальных, политических и прочих характеристиках социума, но не об обществе самостоятельных и независимых правовых субъектов.

При этом мы, не имеющие такого общества, нередко называем цивилизацией, то есть гражданским образованием (от лат. *civis* — гражданин), любое ранее существовавшее государство. Между тем, хотя термин «гражданское, или цивилизованное, общество» как союз свободных полисных людей употреблялся еще Аристотелем, в полной мере его можно применить лишь к европейскому Новому времени, когда возник принцип свободы и равенства для всех.

Время существования советской власти — это время торжества марксизма, который в теории предполагал отмирание права вместе с отмиранием государства. Процесс оказался явно несинхронным. Правовой

приказ (лат. слово *jus* — право производно от лат. *iubeo* — *приказываю, повелеваю*) успел только **показать** свою силу, поскольку советское государство развивалось от науки к утопии, у которой нет опоры в общепринятом праве. Такое государство мгновенно разворачивает два права: право силы и маргинальное право отдельных людей. Носители того и другого права оказались друг относительно друга право-преступными. Двоеправие стало ведущей силой советского общества: в одном случае право облекалось в форму марксистской идеологии, а в другом — международных прав человека, противостоящих этой идеологии. Но это двоеправие сыграло революционизирующую роль: оно привело к тому, что даже марксистская философия, призванная на службу идеологии, освобождалась от тождества с нею, поскольку в лоне идеологии она обязана была заниматься критикой своей эпохи, соответственно — не только критикой буржуазного общества, но и своего. Доведение этой критики до кульминации имело следствием ликвидацию себя как идеологии, чем объясняется возникший огромный интерес к выросшей из анализа марксистской теории «постмодернистской» философии. А это, в свою очередь, привело к отрицанию некоего одного права на истину и к уравниванию всех типов дискурса. История, таким образом, отрывалась от опоры на закономерности, утверждая могущество «среды» и открывая равные возможности для 1) смены парадигмы социального кодирования (как в Японии, где произошло крушение важнейшей опоры японского менталитета — военной традиции) и 2) возникновения авторитарного, в нашем случае — несоветского государства, претендующего на созидание экономики знаний без понимания предпосылок, благодаря которым появляется знание. Процесс смены парадигмы предполагает довольно длительный «замороженный» период, когда старое сломано, а нового еще нет. Единственной общей платформой для общаемости людей становятся в это время деньги. Такую властную систему можно назвать монетократией. Во время такой перестройки мышление для своего постоянного обновления не нуждается ни в памяти, ни в личности, ни в вере, обеспечивая себя теми возможностями, которые связаны с монетарностью. Выход через такой катаклизм опасен тем, что он открывает все пути, в том числе старые, на которых делаются попытки обновить и память, и веру, и патриотизм: это и есть авторитарные пути. При утрате опоры в социальности на этих путях обнаруживаются желание и возможность (через финансовый капитал, военную силу) навязать обществу решения, от которых оно уже, было, отказалось, но в силу «усталости» готово их принять, тем более что «советизм» до конца не повержен, а только прикрыт. Сейчас некоторые национальные республики в России «получили столько автономии, сколько хотели». Каким же образом гражданское общество, основанное на общеевропейских принципах светских свобод, может допустить внутри себя религиозную правовую систему, скажем, шариат? Учитывая, что наш европеец особого рода: он живет не только в многонациональном, но и в многоконфессиональном государстве. То есть при провозглашенных принципах свободы и равенства обязан при-

завать религиозные права конфессий, где нет деления на светское и духовное, где человек сакрализует все мирское и в любом случае действует от имени своего Бога или богов. Может ли в таком случае появиться гражданское, нерелигиозное общество, признающее равные права мужчин и женщин и отстаивающее для них правовое единство?

Европейская система права отвергает право религии вмешиваться в светскую жизнь людей. Примером такого рода является запрет на ношение хиджаба во Франции. Священный закон может быть сильнее светского, но не он определяет права человека. Недавние бунты арабской молодежи во Франции показали предел, до которого были доведены права человека, в том числе права на передвижение, иммиграцию и пр. Безграничная либерализация привела к необходимости защиты гражданских прав населения, которое признало главной для себя правовую систему, основанную на либерализме. В этом случае явно колеблется роль вышеупомянутой интеллигенции в становлении гражданского общества. Тем более что гражданские общества в Европе были созданы не с ее помощью (она там отсутствовала), а с помощью *профессиональных судей и предпринимателей*, которые служили не государю, а общему благу государства, которому служил и государь. Российский же византизм, то есть зависимость всех только от личности государя в отличие от изначальной иерархической организованности европейского общества (когда вассал моего вассала — не мой вассал, даже если я государь), это общее служение исключал. Этот подспудный византизм, давление истории на менталитет человека, двусмысленная природа закона, внешне выполняющего служебную или утилитарную роль, но внутренне подпертого тем, что со времен Платона называется врожденными идеями, обеспечивает возможность возврата к авторитарному правлению. Здесь как раз и требуется сохранение мудрого баланса между старым и новым.

Двусмысленность закона предполагает единство писаного и неписаного права, которые в зависимости от требований момента проявляют то одну, то другую сторону. При революционной смене государственного строя заметно снижается роль фиксированного свода права, а мы пережили с конца 80-х годов по крайней мере два революционных кризиса — в 1989 и 1991 году. Призывы к установлению гражданского общества, которое стояло бы над идеологией, над партиями и осуществляло контроль над действиями правительства, правоохранительных органов, судопроизводства, шли в то время от интеллигенции. «Младшие научные сотрудники» в купе с академиками А.Д. Сахаровым, Вяч. Вс. Ивановым и С.С. Аверинцевым и многими правоведами взялись за дело, засучив рукава, но сути дела не знал никто. «Опыт словаря нового мышления», изданного в 1989 году, показал способы его формирования. Одни его авторы полагали, что перекапывать надо «все до основания», другие оглядывались на преступную правящую КПСС, третьи надеялись на идейную помощь Запада (в «Словаре» были представлены два взгляда на зарождающуюся российскую демократию — российских и западных политологов). Публикацию такого словаря можно было бы назвать началом формирования гражданского

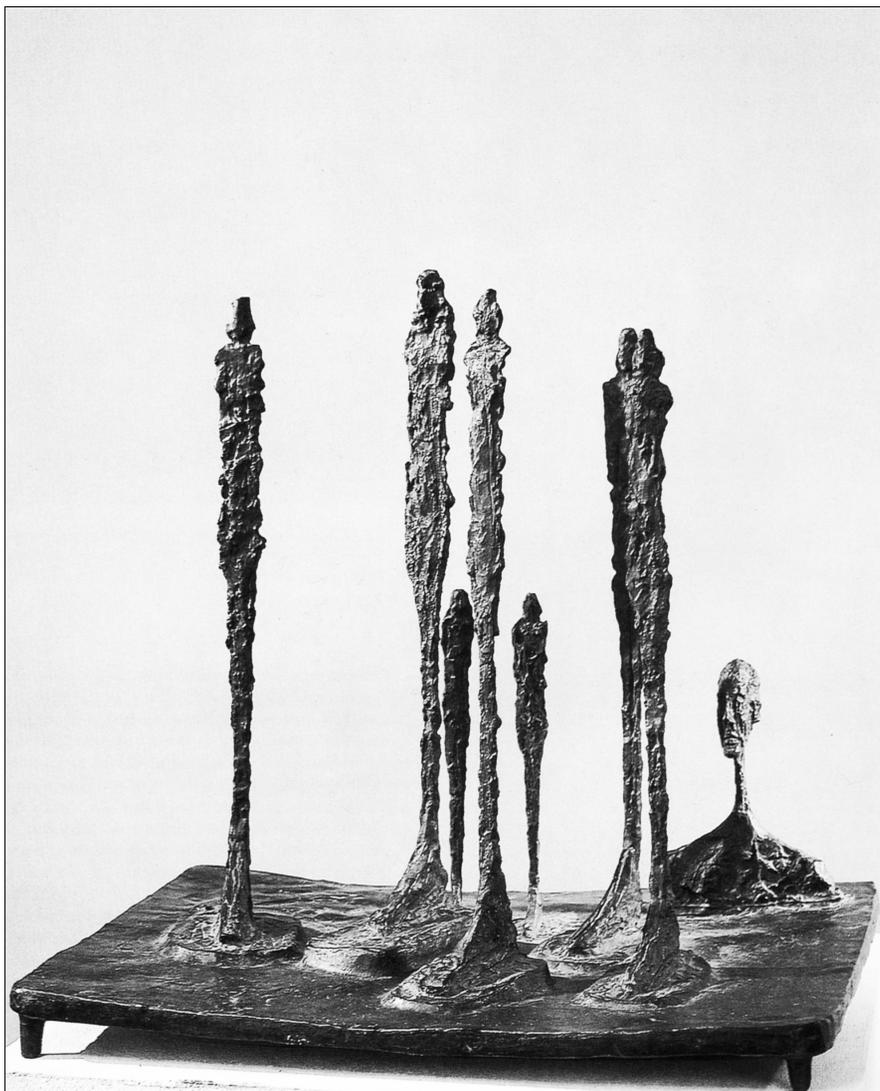
общества, если бы слова сопровождалась конкретными и не запоздалыми делами. Новая мысль требовала определения собственности, установления отношения к ней и ее правообеспеченности. Но именно понятие собственности не было продумано ни философски, ни юридически, ни экономически или политически, поскольку прежние, коммунистические принципы предполагали полную отмену собственности, и в ее терминах мы вообще не расценивали свою жизнь. Поэтому правом не были обеспечены ни личная собственность (выражение «собственник» имело негативный смысл), ни общенародная, прежде всего земельная. У власти в конце 80-х оказались «хорошие люди» (термин тех лет), но они были совершенно растеряны перед этой проблемой.

Не было и того, что в средневековые времена называлось достоинством земли, предполагавшим, что земля становилась графством, маркизатом или крестьянским мансом не оттого, что ею владел граф, маркиз или крестьянин. Наоборот — достоинства/недостатки земли позволяли владельца называть графом, маркизом, дворянином, которому не возбраняется держать и крестьянскую землю, платя налог, соответствующий качеству этой земли.

В России же земля всегда была «бесправна», и это стало выгодно современным «захватчикам-практикам»: они осуществили быстрый захват разбросанных, никому не принадлежащих и не оцененных земель и недр. Захват был обнаружен, но не осознан, отчего произошел разлад между активностью делателей и пассивностью думающих. В.В. Бибихин, который, может быть, одним из первых всерьез обдумывал этот разлад, писал, что этот захват, приватизация — прямое продолжение девятнадцатого (или еще дальше) обобщественной собственности в России. Он сумел разглядеть в нем «стихию человеческого существа», включающую в себя юридический беспредел, упреждая ситуацию, при которой захват как удивление, если не осмыслить его именно как удивление, то есть не осмыслить философски, может превратиться в грабеж*. Другой философ, М.К. Петров, еще раньше В.В. Бибихина показал связь такой философии с хитроумным Одиссеем, умевшим обойти рифы разбоя и привязывавшим себя к мачте корабля, слыша пение сирен, но не бросаясь, очертя голову, на их призыв. Оба философа обратили внимание на то, что в определение мудрости входит безупречная техническая точность, обнаруженная еще Аристотелем в деятельности камнерезов и скульпторов (Никомахова этика, VI 7 1141a 9). Беспредел, а теперь и прямая насмешка над обществом возникает там, где «видение» не превращается в сознательное «ведение». Поскольку беспредел «концептуально неуловим», то «юридическому сознанию кажется», что собственник *готов* к обладанию собственностью, а на деле готов только к ее *сохранению* любыми средствами.

Следовательно, вопрос именно в том, у *какого меня* есть собственность, ибо на роль «я» может претендовать и частное лицо, делающее много-

* См.: В.В. Бибихин. *Свое, собственное* // Бибихин В.В. *Другое начало*. — М., 2003. — С. 364–365.

Альберто Джакометти. Лес. 1950

кратные попытки юридически ее оформить, и государство, пользующееся тем, что юридическая практика *не готова* к такому оформлению: скачок от бесхозяйного состояния к собственному остался за пределами кодифицированного права. Владение частной собственностью в России у всех под вопросом и может быть, как видно из многих нынешних так называемых экономических дел, только временным. Более того, не схвачена двусмысленность понятия собственности как 1) записи имущества на юридическое лицо и как 2) этимологического обозначения «своего», связанного с поиском *себя*. «Мы ничему не принадлежим так, как своему, — пишет Бибихин. — Мы заняты своим делом, живем своим умом и знаем свое время. *Свое* определяет владение в другом смысле, чем нотариально заверенное имущество... Русская *свобода* происходит от *своего* не в смысле собственности *моей*, а в смысле собственности *меня*»,

и это «собственно свое непознаваемо... попытки вычислить, сформулировать уведят от него»*. Однако сама эта непознаваемость обеспечивает свободу собственности. «Вещь принадлежит тому, кто ей возвращает ее саму, обращается с ней по ее истине»**, а не на основании того, что она может мне дать или что я могу от нее получить. Такой узкий подход к делу в России, не создавшей своей теории собственности и прежде оглядывавшейся на Маркса, может сделать неудачными любые юридические попытки ее отстоять, если прежде не будет допытана сама истина вещи, которая включает и ее свободу от меня.

Гражданское общество потому так необходимо, что, не следуя политическим и владельческим указкам, ставит интерес отдельного человека на первое и главное место. Но проблема в том, кто и что может дать стимул рождению такого общества, если учесть: то, что на Западе обсуждалось бы как научная гипотеза, в России часто вполне может быть принято за истину в последней инстанции. Так было с конца XIX века, когда союз ума, воли и дела заместился субъективными устремлениями отдельных исторических личностей. Правда, земство и такая политическая сила, как либеральная интеллигенция, прежде всего партии октябристов и кадетов, пытались всерьез провести либерализацию страны: установить парламентаризм, ввести регистрацию обществ и собраний, подчинить бюрократию общественному контролю. Но это многими рассматривалось тогда не как самоценная необходимость, а скорее как «вина» перед поправленными правами народа, не позволившая нецивилизованной России решить цивилизационные проблемы. Однако как поражение революции 1905 года, так и победа ее в 1991-м привели к тому, что интеллигенция как нечто ответственное за итоги своей деятельности практически исчезла. И в 1905 и тем более в 1991 году она скорее обозначила конец своей миссии, а не канун, хотя лишь «накануне» у интеллигента происходит концентрация всех сфер духовной деятельности, при которой одновременно взвинчиваются и нравственные усилия. Потом начинается вырождение. Тогда был крен в сторону «интеллигентного пролетариата» (С.С. Ольденбург), а сейчас — в сторону любого профессионально действующего специалиста, поскольку отпадает необходимость в постоянном участии в той политической деятельности, которую можно было бы считать не следствием пиара, а нравственной работой. Интеллигенция представляла силу только в моменты рассогласованности реального дела и реального слова.

Тем не менее дело граждан не должно стоять на месте. Для начала хорошо бы воссоздать не гражданское общество, а общества с разнообразными интересами, исключаящие из своих программ какие бы то ни было интимные, даже чувственные отношения народа к правителю (будь то М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин или В.В. Путин), учащиеся жить собственными силами, обладающие навыками полисной жизни. Такие общества (клубы), которые, к счастью, сейчас есть и

* Там же, с. 370–371.

** Там же, с. 378.

некоторые из них («Красная площадь») активно функционируют, должны исключать нарушение основных принципов существования индивида, обеспечивать возможности интеграции в мировые сообщества и обособления от государства, если оно не дает гарантий хотя бы простой безопасности. Люди вполне осознают необходимость, при которой государство воспринимается как форма взаимоотношений между индивидами, как своеобразный телефон между членами общества. При этом вовсе не исключается, что оно должно обладать военной мощью, способностью защищать граждан, собирать налоги и пр., потому что это мы, индивиды, делегируем ему такие функции и мы, индивиды, будем требовать отчета об их исполнении.

Шаг вперед — шаг назад

Я не готова говорить за граждан, как они будут воспринимать государство, не потому что не могу этого предположить, а потому что исхожу из принципа свободного развития, которое нам может преподнести много сюрпризов, если такому развитию дать время и место. Это и есть текущая, каждодневная работа — давать такое время и место. Все государства Европы проходили трагические ступени формирования (особенно после французской революции). И поэтому хотела бы напомнить слова Канта: *«Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, — достижение правового гражданского общества... Свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением... Вступать в это состояние принуждения заставляет людей, вообще-то расположенных к полной свободе», их неуживчивость, вырастающая из свободы**. Мы сейчас также находимся в стадии Просвещения, которое предполагает выход из несовершеннолетия как неспособности пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Суть Просвещения не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества. Канту решительно не по вкусу употребляемые, как он пишет, «даже и очень умными людьми», выражения: известный-де народ не созрел для свободы. Если исходить из подобных предположений, свобода никогда не наступит, ибо для нее нельзя *созреть*, если предварительно не ввести людей в условия свободы (надо быть свободным, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе). А для пользования своим разумом созревают не иначе, как в результате *собственных* усилий (но чтобы предпринять их, нужно быть свободным). Более того, любая свобода, если она все-таки допускает закон, сопряжена и с принуждением как основанием республик, то есть «общего дела»**. Именно поэтому гражданское общество предполагает систему сдержек и противовесов,

* Иммануил Кант. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* // *Собр. соч. в 6 т. Том 6. М.: «Мысль».* — С. 12–13.

** Иммануил Кант. *Антропология с прагматической точки зрения* // *Там же, с. 585.*

но основанных на системе не властного управления, а добровольно принятых обязательств, подлежащих системе регулирования.

В гражданском обществе исходное право — это право суверенного индивида. Можно сказать: я сам себе суверенное государство, как сказал о себе А.А. Зиновьев, при признании прав других столь же суверенных индивидов и противопоставить себя угнетающему властному государству. Впрочем, если мы говорим о моделях, то моделью при высокоразвитом технологическом, основанном на экономии знаний обществе, и может стать *я-государство* или человек-государство, существующий в общественном договоре с другими.

Гражданское общество предполагает систему сдержек и противовесов, но основанных на системе не властного управления, а добровольно принятых обязательств, подлежащих системе регулирования

Здесь вполне уместно вспомнить Маркса, который утверждал, что в гражданском обществе человек рассматривает другого человека как «предел своей свободы». «Идея свободного одинокого индивида, свободно вступающего в общественный договор с другими столь же свободными гражданами, чтобы заключить некое подобие общественного договора, — это идея человека как буржуа... это есть одно из всеобщих определений человека и общества»*. Это определение В.С. Библера остается весомым и для наших дней. Поэтому и его предложения по организации не камуфляжных общественных палат, а контролируемого обществом «гражданского парламента», «гражданского форума» или «гражданского диалога», разного рода союзов, клубов, творческих объединений, «разрабатывающих свои социально-политические и культурные программы и инициативы», «могли бы стать основой формирования “демократии меньшинств”, инициативных ядер, которые были бы средоточиями будущей гражданской структуры, основой избирательных программ и т. д. <...> Многие современные народные фронты, партии, ассоциации, неформальные движения могли бы войти в такой Парламент, стать участниками такого Диалога»**. Сама идея клубов, потребность в семинарских обсуждениях — симптом времени.

Я думаю, что это — самое важное заключение, которое можно сделать: создать систему открытости и не закрывать те возможности, которые показывают не столько то положение, с которым желают, как правило, иметь дело те, кто считает себя действующим политиком («что дано, с тем и надо работать»), сколько то положение, которого еще нет, но которое предвидится, предугадывается как возможное будущее.

* В.С. Библер. *О гражданском обществе и общественном договоре* // Библер В.С. *На границах логики культуры*. — М., 1997. — С. 364, 365.

** Там же, с. 368–369.

*Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического и
политологического
образования Института
социологии РАН*

Гражданское образование в истории западной философии

Самое важное из всех указанных нами способствующих сохранению государственного строя средств, которым ныне все пренебрегают, — это воспитание в духе соответствующего государственного строя (буквально: «воспитания для государства» — τὸ παιδείεσθαι πρὸς τὰς πολιτείας).

Аристотель. Политика. 1310a

Гражданское образование представляет собой постоянно трансформирующиеся в исторической перспективе идеи и практики педагогического конструирования Гражданина. Меняются при этом не только и даже не столько дидактические представления об образовательном предмете, сколько сам концепт, а именно — искомая фигура Гражданина. Каким быть свободному гражданину? Чем гражданин отличается от «подданного»? Каковы его фундаментальные свойства и черты? Кто и как формирует гражданский характер? Нужно ли вообще государству гражданское образование? Кто несет за него ответственность? При этом, чем ближе мы к нашему времени, тем заметнее становится скорость интеллектуальных перемен в символической и содержательной концептуализации «образцового», «стандартного» и «аномального» гражданина.

Итак: в основании этих исторических перемен лежит культурно-политическая динамика понятия гражданства и его философского осмысления. Написав «осмысление», я вовсе не имею в виду (на псевдомарксистский лад), что философская рефлексия при этом всегда следует за мутациями в истории граж-

данства. Напротив, именно философская мысль двигала общественно-политическую практику и оказывала влияние на жизненные биографии миллионов людей.

То есть, иными словами, гражданское образование в своей эволюции не просто подпитывалось метафизическими идеями, а опиралось на философию как главный источник вдохновения и базовый интеллектуальный ресурс. Хотя практики гражданского образования не обязательно следовали при этом буквально своим духовным наставникам. И уже одного этого достаточно, чтобы вполне обоснованно предположить: *гражданское образование в истории западного мира в рамках постоянно меняющегося философского дискурса было многократно «открыто»*. И эти «открытия» всегда были своего рода культурными революциями, расширяющими или сужающими публичное пространство, по-разному символически и метафизически обрамлявшими концепцию Гражданина.

Таким образом, сложный процесс неоднократного философского «озарения» в истории гражданского образования можно определить как его концептуальный *мультигенез* (многократное «рождение»).

Разумеется, в рамках небольшого очерка невозможно охватить всю тему зависимости гражданского образования от философской мысли, так же как и назвать всех достойных упоминания мыслителей прошлого. Поэтому коснусь лишь некоторых из знаковых фигур, самым непосредственным образом повлиявших на эволюцию предмета. Их язык, логика и философское воображение способствовали «открытиям» и закреплению в коллективной памяти европейцев разных культурных образцов гражданской педагогики.

Мультигенез гражданского образования со всей очевидностью демонстрирует не линейный и отнюдь не прогрессирующий характер всемирной истории гражданства и гражданского образования. Это не было ни развитием от простого к сложному, ни тем более движением от архаического к современному, а скорее — движением от единичного и случайного к целостному и универсальному.

* * *

Логично начать с классической Греции. А точнее, с демократических Афин. До Сократа афинская интеллектуальная мысль не была особенно озабочена наличием образовательной системы подготовки молодежи к гражданской жизни. Нельзя сказать, что афиняне это вообще не интересовало. Но накануне и в первый век после установления демократии в конце VI в. до н.э. среди философовавших греков господствовало убеждение, согласно которому лучшими гражданскими «наставниками» считались афинские демократические институты — суд присяжных (дикастерий, гелиэя), народное собрание (эκκλῆσια), совет представителей территориальных общин (буле, или «совет пятисот») и др. Эффективная демократия понималась прежде всего как система публичного народовластия. В ней ценились ум и публичная речь, свободно выраженное мнение и владение языком публичной коммуникации. Не случайно поэтому софисты (так называли группу странствующих учителей в Афинах во второй половине V века до н.э.), глубоко задумавшиеся над содержанием и миссией гражданского образования, первыми очертили его предметную сферу почти исключительно риторикой. Демократия и

демократическое гражданство* для них суть открытое пространство обмена смыслами. А обмен предполагал аутентичный способ коммуникации — понятия, слова и способы выражения, то есть все то, что было включено в сферу публичной риторики. Так философская увязка демократии и публичной риторики стала **первым** для истории гражданского образования открытием феномена, который традиционно именуется «**риторическим образованием**».

Главный объект риторического гражданского познания — логос (λόγος) — очень сложная и многозначная философская категория, которая в данном контексте скорее означала «словопонятие», придающее смыслы явлениям общественного порядка. Логос *инструментален*, он отстраивает мысль и направляет действия людей. Логос *системен*, с его помощью выявляются проблемы общественного свойства, публично обсуждаются и принимаются согласованные решения. Логос *дидактичен*, с его освоением происходит обретение свободным человеком искомого статуса свободно мыслящего гражданина. А сам он становится носителем убедительного слова (убеждающей речи)**. Один из самых известных

софистов Протагор (ок. 490—420 г. до н.э.) видел в демократии такую форму правления, при котором отчетливо слышны разные голоса граждан.

Софисты были абсолютно уверены в том, что каждый гражданин своей публичной риторикой вносит посильный и весомый вклад в жизнеспособность и устойчивость полиса, в его развитие и гармонию: (а) обсуждая и формируя его нормы и ценности, (б) создавая и подчиняясь его законам, (в) критикуя и служа его институтам. Иными словами, гражданское образование, понятое как освоение публичной риторики (основанной на логосе), трактовалось и как культурная предпосылка гражданства, и в то же время как его фундаментальная сущность***.

Впрочем, и сегодня «подражание древним» в западных демократиях предполагает особый акцент, который делает гражданская педагогика на формирование интереса и навыка к риторическому участию в публичной жизни. Другое дело, насколько этим исчерпывается предмет гражданского образования. Софисты считали, что, скорее, исчерпывается, хотя надо отдать им должное: именно они придали публичной риторике статус фундаментального «гражданского права» и одновре-

* Демократия, к слову сказать, не была «популярным» политическим режимом в древнегреческих полисах. Скорее, преобладали олигархия и, как сформулируют античные философы позднее, — «смешанные конституции». Ранний полис, изначально сформировавшийся как религиозно-политическая община, вообще не видел необходимости в гражданском образовании, его культурный идеал был аристократическим, точнее, таким, каким он описан в древнегреческом эпосе. Судя по поэмам Гомера, он был весьма отличным от любых демократических образцов. В этом смысле местные гражданские культуры предполагали существенное различие между олигархическим и демократическим «гражданством». И, как мне кажется, это различие сохраняет свои резоны по настоящее время. «Демократическое гражданство» всегда и везде задумывается о гражданском образовании, тогда как для олигархий оно — по-видимому, также всегда и везде — остается закрытым, непонятым и даже враждебным предметом.

** *Parrhesia* — «бесстрашная свободная речь» в открытом публичном пространстве — ценилась среди греков классического периода очень высоко.

*** Многие современные теоретики гражданского образования именно так и толкуют его актуальную миссию. Научить подростка думать и адекватным языком выразить свое мнение относительно явлений общественного порядка они считают достаточным содержанием гражданского образования в условиях демократии. Все остальное — факультативно.

менно сделали ее базовой обязанностью гражданина перед социумом. Именно они первыми в теории и на практике показали, как важно гражданское образование (со всеми достижениями и провалами, подлинной эвристикой и выхолащенными смыслами*).

Сократ (469–399 гг. до н.э.) недолюбливал софистов и часто открыто их критиковал. Думаю, однако, что не только личное отношение к софистам подвигло Сократа к ревизии риторической версии гражданского образования, хотя он разделял их взгляды на публичную риторику. На то у него были куда более весомые причины. Насколько можно верить Платону (428–348 гг. до н.э.), Сократ старался развенчать иллюзию, что гражданское образование лишь удел, выражаясь современным языком, государственных институтов. Множество людей**, по Сократу, не могут стать гражданскими наставниками. Видимо, эта внутренняя философская уверенность подтолкнула его к радикальной постановке вопроса о сущности и характере гражданского образования и роли гражданского воспитателя в демократическом полисе.

Сократ, на мой взгляд, первым понял, что для того, чтобы по-настоящему войти в роль воспитателя, необходимо стать космополитом, то есть выйти за рамки полиса и увидеть себя и свой гражданский социум как бы со стороны. Ибо только так гражданское образование становится тем, что можно назвать, используя латинский термин, философским *объектом* (objectum —

предмет). И, судя по диалогам Платона, ему удалось это сделать с удивительной легкостью и чувством иронии, скрывая свои сомнения относительно адекватности афинской демократии «институтам свободы».

Истина и справедливость — неизменные спутники демократического гражданина, не позволяющие, согласно Сократу, совершать зло и становиться скептиком. Поэтому цель гражданского познания — истина, а справедливость — его главная путеводная звезда (стержневая ценность демократического социума). Преодолевая чрезмерную сосредоточенность софистов на дидактической форме, он совершает, таким образом, принципиальный разворот всей логики гражданского образования в сторону **гражданских ценностей и смыслов социального взаимодействия** в условиях расцвета афинской демократии. Таким образом, *вторым* открытием в истории гражданского образования стало наделение **его предметным содержанием**.

Все в исторической мифе о Сократе выдает в нем великого «предметника», интеллектуального предтечу современной цивилизации. Его, очевидно, не устраивало общинное происхождение афинской демократии, ее культурный консерватизм и сутяжничество граждан. И, учитывая сложность самого предмета, неудивительно, что он любил сравнивать свой метод философствования с маевтикой — повивальным искусством, помогая рождению истины в других людях, с которыми он общался на площадях и

* Любые рассуждения против софистов в конце V и на всем протяжении IV в. до н.э. сопровождалась их критикой за «педагогические злоупотребления», в том числе и за перевод гражданского образования в русло коммерческой деятельности по обучению красноречию и за частные уроки по искусственной риторике за деньги. За это, в частности, критиковал их Сократ.

** А именно так была выстроена демократия в Афинах: она предполагала участие свободных граждан — в режиме постоянной ротации — в политическом самоуправлении.

в палестрах (гимнастических залах для юношей), что создавало у поздних интерпретаторов впечатление о двойственности его позиции*.

Между тем, исходя из убеждения, что он не может учить чему-либо, Сократ видел свою задачу в том, чтобы, беседа и ставя все новые и новые вопросы, побуждать других самим находить истину, полагая, что продолжает тем самым в нравственной области дело своей матери, повитухи Фенареты. Его воспитанником мог стать каждый. Он был открыт любому, кто желал с ним разговаривать, как сказано им самим в «Апологии Сократа» Платона, — «молодому и старому, гражданину и визитеру» (Apologia, 29de). Он предлагал не логику утверждений, а логику вопрошания, понимая, что публичный диалог зависит прежде всего от корректности и адекватности именно постановки вопроса, даже если не иметь на него готового ответа**.

Сократ не вещает, а ищет. И в поиске общественной истины для него все статусно равны. Но, открыв сущность гражданского образования, он же обнажил и его перинатальные (относящиеся к времени «рождения») трудности, а именно — каким образом подобную концепцию гражданской педагогики сделать массовой практикой? Или, иначе говоря, ординарным образовательным предметом. А сам предмет освободить от интеллектуального давления со стороны учителя.

Сократ жил с очевидным несоответствием своему историческому времени. Его подлинное время по меркам всемирной истории наступило относительно недавно. Даже обожавший его ренессансный гений Франсуа Рабле своими современниками в XVI веке воспринимался, скорее, как человек с причудливой привязанностью к «языческому» философу. Антитрадиционалист Сократ, за что он и поплатился в конечном итоге жизнью***, станет востребованным лишь тогда, когда западная цивилизация сочтет для себя возможным и необходимым выйти из состояния «заколдованного мира» традиционного общества.

В диалоге «Критон» Платон рассказывает, как к находившемуся уже в афинской тюрьме Сократу приходит один из его учеников и предлагает организовать побег, подкупив стражу. Сократ отказывается, демонстрируя образец «гражданского характера». Он не может поступить против справедливости и законов даже ценой собственной жизни, ибо «творить зло страшнее, чем испытывать его на себе» (49ab). Сократ перенес телесную смерть, сохранив гражданское и нравственное бессмертие. Не требуя того же от своих учеников, он собственным примером продемонстрировал, что такое гражданская добродетель, близкая к нравственному идеалу. И это стало **третьим** открытием в первоначальной истории гражданского образования.

* О «маске» и жизни Сократа см.: Paul Zanker & Alan Shapiro. *The Mask of Socrates: The Image of the Intellectual in Antiquity*. — San Francisco: University of California Press, 1996.

** Только в этом смысловом ракурсе становится понятной гражданская педагогика Сократа, часто толкуемая как «обучение без педагога». Сократа и Протагора объединяет многое, но есть одно отличие, которое делает их культурно непримиримыми: Сократ не считал себя Учителем, хотя на самом деле был гораздо больше, чем просто учитель.

*** См.: Суд над Сократом. Сборник исторических свидетельств. — СПб.: Алетейя, 2000; а также: Wenley R. M. *Socrates and Christ: A Study in the Philosophy of Religion*. — Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2002.

Никола-Себастьян Адам. Прометей. 1738–1762

Итак, первый этап в истории гражданского образования связан с софистами и Сократом — непримиримыми оппонентами, во многом разделявшими общую концепцию афинской демократии, но видевшими Гражда-

нина по-разному. Если первые были сосредоточены на риторике и тем самым совершили прорыв в *демократию обсуждения*, то Сократ больше склонялся к тому, чтобы сделать своим согражданам (независимо от их

возраста, статуса и происхождения) моральную «прививку», так как был абсолютно уверен в силе и жизнестойкости *демократии гражданских ценностей*. Они искренне желали улучшить «гражданское качество» свободного населения Афин накануне и в «золотой век» Перикла. Но при всей своей популярности им не удалось добиться ощутимого прогресса в области гражданского образования.

Пришедшее после софистов и Сократа новое поколение греческих философов, живших и творивших в IV в. до н.э. (в эпоху кризиса полиса), смогли разорвать драматический круг начального этапа гражданской педагогики и поставить ее в большую зависимость от философии. Правда, тем самым придав самим себе совершенно иной статус гражданских «законодателей». Предмет их образовательных концепций был более продуманным, а объект — принципиально сужен. Они были меньше погружены в педагогические искания, а свою целевую аудиторию прагматически ограничили греческой элитой. Парадоксальным образом, все выдающиеся постсократики не верили, как правило, в демократию, так как были весьма скептически настроены относительно педагогических возможностей улучшения «гражданского характера» народа, хотя и предложили фундамен-

тальные в истории гражданской педагогики идеи.

Уже Платон в целях создания аутентичной концепции гражданского образования (а возможно, и потому, чтобы не повторять путь своего учителя Сократа) фокус внимания переводит на образование тех, кому доведется стать правителем. Их образование он считал главной для полиса гражданской миссией. Она касается каждой мелочи в гражданском управлении и никогда исторически не завершается. Предметы ее ведения — государственная безопасность, воспроизводство общества и внутрисполитическая гармония. Платон полагал, что принцип меритократии — отбор людей для управления на основе их качеств — в наибольшей степени отвечает «духу» правильного государства. Их гражданское образование строится на слиянии нравственного воспитания и интеллектуального развития. Искомое (оно же и базовое!) гражданское качество их характеров — умение в своей деятельности руководствоваться знанием философии.

В диалогах Платона мы обнаруживаем глубоко продуманную и детально прописанную концепцию образования для всех слоев общества. Простому человеку достаточно минимального обучения (выжимка пайдей*); стражи, правители и философы должны были получить

* *Пайдейя* (παιδεία) — сложно переводимое и при этом центральное понятие в древнегреческом языке. Оно буквально означает «образование», основанное на «идее культуры». Глаголом *παιδεύω*, соответственно, описывался процесс обучения человека основам общих знаний, а также формирование его гражданского характера и приближение к определенному нравственному идеалу. Иными словами, гражданское образование есть имманентная часть пайдейи, которое в этой логике понималось прежде всего как дидактически «растворенный» предмет. Гражданский характер формируется не напрямую, а через обычные образовательные дисциплины и курсы. Вся греческая философия и педагогическая практика так или иначе вращаются вокруг понятия παιδεία, играя с его смыслами, меняя в нем акценты. В современной науке это слово, как правило, транслитерируется и приводится без соответствующего перевода, что свидетельствует о том, до какой степени и сегодня мы признаем уникальность древнегреческой идеи образования. Самое известное сочинение о пайдейе написано немецким филологом В. Йегером в середине прошлого века и частично переведено на русский язык. См.: Йегер В. *Пайдейя. Воспитание античного грека*. Т. 1–2. — М., 1997.

более сбалансированное образование. Платон исходил из того, что в его модельном государстве («идеальной политике») должен присутствовать такой властно-культурный компонент, который сохраняет в себе «дух» его основателя. Для поддержания справедливости в государстве, а она и есть его высшая ценность, мало одних законов (*номои*), необходим еще и особый культурный настрой (*ethos*).

И поскольку они зачастую противоречат друг другу, Платон разделил две темы — «образование в государстве» от «образования для государства». Если миссия первого — формирование гражданского сознания «порядка и почтения перед законом», то второго — создание особой педагогической «повестки дня» для идеальной политики. Гражданская гармония, считал он, не может быть подвергнута случайным испытаниям, в ней должны быть минимизированы любые риски. Платон, конечно же, не был демократом в современном смысле слова, опасаясь свойственной демократии непредсказуемости. Но, мне кажется, именно это и подтолкнуло его к *четвертому* (в моей периодизации истории гражданского образования) **открытию модельного образца для гражданской педагогики, «идеального» гражданина**. То есть открытию четкого и структурированного образа искомого дидактического продукта. В этом смысле гражданское образование у Платона впервые обретает современные контуры.

Охват воспитуемых Платон ограничивал свободным населением (только взрослыми мужчинами) и полагал что гражданский характер свободного человека — объект систематической образовательной деятельности. «Образцовый» гражданин суть *добродетельный* (1), *справедливый* (2), *рефлектирующий* (3) и *резонирующий* (4). Эти свойства —

одновременно теоретические и практически достигаемые. Каждое из них может быть более или менее успешно сформировано у молодого поколения, и поэтому разные системы гражданского образования могут оцениваться по критерию их эффективности. Эти четыре свойства гражданской образцовости не утратили своей дидактической силы на всем последующем протяжении западной культурной истории.

Первое свойство проявляется в практической способности к установлению в социуме, говоря платоновским языком, политической «дружбы» (*фи́лиа*), а для этого подходящими образовательными предметами являются такие, как музыка, гимнастика, мифология и военные занятия. Второй практический навык эффективно вырабатывается в ходе занятий математикой и гармонией (наукой правильных пропорций). Третье свойство наилучшим образом формируется в ходе изучения астрономии, ибо устройство космоса является наилучшим образцом для того, чтобы понимать, как должен быть устроен полис. И наконец, четвертое свойство оттачивается философскими исследованиями и диалектикой. В этом он недалеко уходит от Сократа, с той лишь разницей, что Сократ в жизни был куда более демократичным, чем его ученик Платон.

Философия формирует в свободном человеке хорошую память, гражданскую страстность, трезвый ум, искусство подчинять свои убеждения разуму. Она научает гражданина, в конце концов, *системному взгляду* на общественную жизнь (ибо он должен научиться видеть дальние последствия своих политических действий), *критическому мышлению* (ибо ему крайне важно понимать самые основы соци-

альной жизни), *диалектическому методу* (ибо ему необходимо сводить воедино разные точки зрения). Поэтому воспитание правителей-философов, по Платону, предполагает воссоздание в них исконного «духа» справедливости и поддержание этого этоса, как святая святых в идеальной политике. В этом главное предназначение философа в справедливом государстве. Платоновская пайдейя как идея исторически универсальна, но как практика чрезвычайно опасна возможными авторитарными превращениями, ибо там, где все зависит только от личности, а не от институтов, она может приводить к непредсказуемым последствиям*.

Поколением позже Аристотель (384–322 гг. до н.э.), опираясь на идеи Платона, в том числе на его разграничение между «образованием в государстве» и «образованием для государства», впервые в истории западной мысли разворачивает гражданское образование в русло его *институционального понимания*. И делает это гораздо последовательнее и глубже не только всех своих предшественников, но и большинства последователей. Впрочем, одновременно он перестает увязывать гражданскую педагогику только с народовластием; на волне кризиса полиса окончательно разуверится в силе личностного начала в

деле формирования гражданского характера; нелицеприятно выскажется против ряда своих предшественников за излишнюю идеализацию их политических воззрений и призовет политических мыслителей быть реалистами (Политика, 1288–1289).

Гражданское воспитание, по мнению Аристотеля, всегда происходит в соответствии с духом того государственного устройства, в котором живут его граждане, и оно не обязательно должно быть демократическим. Главные дидактические инструменты — полисные институты, законы, политические структуры, обычаи. Именно они лучше любых людей формируют гражданскую культуру и политические привычки. Гражданина, вторит Аристотель Платону, добродетельным делает его природа, нрав и ум (Политика, 1331a40). Но если Платон полагал, что в их основании лежит способность гражданина к философии, то Аристотель считал равнозначными в формировании гражданского характера как вклад разума, так и склонность человека к практической добродетельности. Для него «образцовый» гражданин необязательно должен был быть высокоинтеллектуальной личностью**.

Другими словами, Аристотель последовательно развел гражданскую теорию и педагогическую практику.

* Неслучайно, видимо, Карл Поппер считал Платона «прародителем» всех исторических форм «закрытых» обществ и даже тоталитарных государств.

** Вообще «гражданина» (*polites*) Аристотель определяет как свободного человека, участвующего в народном собрании и суде (Политика, 1275a). Остальные черты и свойства могут меняться в зависимости от времени и места. От природы ему дана душа и характер, но не хватает практической мудрости (*phronesis*) и понимания политики (*politike episteme*). А они легко прививаются «правильным» образованием. Первое помогает человеку обрести его личный интерес, а второе — общественный, интерес целого. В 21 год свободному молодому человеку позволительно сидеть за столом с взрослыми людьми (*symposion*), пить вместе с ними вино и обсуждать общие вопросы, слушать музыку и поэзию (Политика, 1336b). К этому времени его гражданское образование должно быть завершено, но все равно продолжается, поскольку благодаря таким встречам люди лучше узнают друг друга, заводят дружбу, устанавливают доверительные отношения, без которых невозможна полисная стабильность. После 21 года гражданин оттачивает свои этические и политические привычки, участвуя в общественной жизни, политических институтах, посещая театр.

Theoria сама по себе недостаточна для достижения счастья, а именно в достижении этого состояния он видел основную миссию идеального государства. Гражданские добродетели людей должны быть жизненно ориентированы, *praxis* делает людей нравственными. Впрочем, для более корректного понимания этого тезиса следует вновь напомнить, что Аристотель не был безусловным сторонником демократии. Ему гораздо ближе так называемый смешанный тип правления, где элементы разных политических режимов переплетены и под строгим оком конституции и законов гармонизируют друг друга. В каком-то смысле Аристотель предвосхитил идею эпохи Просвещения о разделении властей, но сделал это за счет смешения аристократии, монархии и демократии. Что же касается гражданского образования, то оно, по его мнению, должно выстраиваться в логике максимального соответствия «духу» правильного политического строя (*politeia* — общественное управление в интересах большинства), ибо разные политические образования нуждаются в разных образцах гражданственности. А математика, согласно Аристотелю, не самый лучший наставник практическому разуму. Все помнят знаменитое определение Аристотеля человека как «общественного животного». Его существование в полисе предопределено коммунальными условиями. Его процветание и высшее счастье (*eudaimonia*) достигается во взаимодействии между людьми в семье, с друзьями, с согражданами. Только получив гражданское образование, человек становится добродетельным, так как отличие полиса от других форм социума заключается в том, что он помогает человеку понять, что такое ценности и нормы добродетель-

ной гражданственности (Политика, 1280a34-b15).

Логика Аристотеля такова: если судьба даровала полису уникальный шанс для выстраивания особой общественной жизни, то гражданское образование делает этот шанс реальной возможностью, ибо люди в условиях правильной политики совершенствуют свои характеры как граждане и тем самым достигают общего счастья. Именно это сделало Аристотеля автором еще одного открытия в западной истории гражданского образования, пожалуй, самого долговечного и фундаментального для современной цивилизации: он первым обосновал тезис, что **образование есть не просто часть политики, а ее подлинная сущность, ее истинное выражение**. И это становится **пятым** по счету открытием в истории гражданской педагогики.

Гражданские добродетели суть воспитуемые начала в человеке. Без них никакой политический строй (режим) не будет ни продолжительным, ни стабильным. Этика и политика — сущности практического знания, которые делают нас, граждан, адекватными «учениками».

Итак, софисты — Сократ — Платон — Аристотель. Все равновеликие фигуры длинного столетия афинской демократии, сконструировавшие общий абрис концепции гражданского образования в ее аутентичных нюансировках, по-разному рассматривавших демократию и олигархию, по-разному представлявших «своего» гражданина. Но в чем они, очевидно, были едины — это в неприятии восточной деспотии с характерным для нее отсутствием идеи права, локальной политики и пренебрежением к ценности человеческой жизни. Философские «открытия» античных греков в области гражданского образования были сделаны

для полиса и его граждан, неважно при этом, насколько они были демократичными или олигархическими. То есть для небольших по размеру греческих политических и религиозных сообществ, объединенных фундаментальной ценностью западной цивилизации — равенством свободного населения перед законом (*isonomia**). Участие граждан в политике для них и естественное право, и безусловная обязанность**. А посему гражданскому образованию необходимы и ценности, и риторика, и политическое понимание, и, конечно же, нравственно немотивированное включение в дела общественные.

Начальный этап в истории западного гражданского образования, весь без исключения, был ориентирован на практику прямого политического участия граждан. И неслучайно поэтому, с упадком греческой независимости после Александра Македонского, античная философия практически перестает интересоваться проблематикой гражданского воспитания и образования. И даже более того, призывает человека избегать участия в

политике, предлагая разные сценарии сосредоточенности человека на самом себе (квиетизм, стоицизм, киники и впоследствии неоплатоники). Впрочем, ситуация не меняется кардинально и после включения всей греческой ойкумены в состав Римской империи: равенство перед законом сохраняется, местная автономия поддерживается, но само «гражданство» становится более формальным и обесцененным, с точки зрения его пафоса и метафизических смыслов. Дистанция между имперской властью и свободными гражданами воспринимается непреодолимой пропастью. А политическая свобода — хрупкой и ненадежной сущностью. Назрела серьезная потребность в новых решениях и, возможно, в переосмыслении фундаментальных оснований, на которых выстраивается мироздание гражданской педагогики. Источник искомого вдохновения пришел к позднеантичным философам в облике раннего христианства***.

Продолжение следует

* Равенство перед законом (*isonomia*), пожалуй, был более распространенным термином, чем демократия. И, наверное, жизненно — более значимым.

** С одним лишь «но»: гражданин принадлежит полису, а не наоборот. Такова квинтэссенция древнегреческой концепции гражданства. В эллинистическую и тем более римскую эпоху эта конструкция изменится принципиально, но при этом практика гражданского воспитания так и не выйдет за пределы «риторического образования».

*** Не следует забывать и о другой не менее важной составляющей позднеимперского «гражданского» мышления — юриспруденции и правовой философии. В этой сфере прогресс, как раз наоборот, был очевидным. Так, к примеру, Домиций Ульпиан (170-228 гг. н.э.), самый радикальный и наиболее влиятельный римский правовед, в сочинениях которого мы обнаруживаем истоки того, что сегодня именуется «правами человека», отталкивался от философии космополитизма и эгалитаризма, естественного права и практически современного по языку и смыслам ценностного обоснования «имперского гражданства». См. подробнее: Honore T. Ulpian: Pioneer of Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Уличные беспорядки и риторика

*Леон Конрад,
преподаватель риторики
(Лондон)*

Возможно, никогда еще человеческое общество так не нуждалось в искусстве выражать свои мысли, как в наше время, учитывая развитие средств массовой коммуникации.

В августе 2011 года, после того, как полиция Лондона в сомнительных обстоятельствах открыла огонь по чернокожему предводителю бандитской группировки Марку Даггану, люди вышли на улицы, чтобы мирно выразить протест против, как им казалось, превышения полицией своих полномочий. Но вскоре демонстрация из мирного шествия переросла в массовые беспорядки, которые прокатились по всей Великобритании и показали, что в трудный час лучшими ораторами становятся не политические и общественные деятели, а обычные люди — жертвы уличного насилия.

Первой реакцией мэра Лондона, Бориса Джонсона, после возвращения из отпуска, который он проводил за границей, было желание в этой ситуации обратиться к горожанам с речью, но ему пришлось отказаться от этого ввиду заведомо неблагоприятного общественного мнения.

Другим было поведение самих горожан. Две пожилые женщины поразили меня особенно. Первая — Полина Пирс, уроженка Вест-Индии, проживающая в лондонском районе Хакни. Она отважно пристыдила мародеров, требуя прекратить грабеж. Вторая женщина — Луиза Смит, чернокожая владелица маленького парикмахерского салона в Волверхамптоне, городке в графстве Мидлендс, к северу от Бирмингема, с населением не более четверти миллиона жителей. Она вышла на порог своей парикмахерской, чтобы буквально отразить атаку толпы грабителей, которые намеревались поживиться.

Отвага этих женщин в их спонтанном ответе толпе напомнила мне о феномене, описанном американским политическим деятелем, Дениэлем Вебстером

в его обращении в августе 1826 года в память о двух выдающихся отцах-основателях США, Джоне Адамсе и Томасе Джефферсоне, которые скончались в «День независимости» 4 июля 1826 года с разницей в несколько часов. В своей речи в Фенюэл Холле в Бостоне, известном как «Колыбель свободы», Вебстер охарактеризовал ораторские способности Джона Адамса, как превосходящие простую риторику, и назвал их красноречием. «Истинное красноречие не в самой речи. Оно не приходит ниоткуда. Оно дается упорным трудом и познанием. Но труд этот может оказаться тщетным. Все зависит от человека, предмета и ситуации, — говорил Вебстер. — Каждый стремится придать речи страстный накал, высокую экспрессию и вдохновенность, но не всегда достигает результата. Если чудо происходит, оно является подобно бьющему из земли роднику, извержению вулкана. Как стихийная природная сила.

Заученные приемы ораторского искусства, витиеватые фигуры речи возмутят и оттолкнут людей, когда на чашах весов лежат их судьбы. Слова теряют власть, риторика бессильна и всякая искусная речь лишается смысла. В такие моменты кульминации патриотизма и самопожертвования даже самых непоколебимых убеждает демонстрация высших достоинств. Высокая цель, твердая решимость, несокрушимый дух оратора, блеск в глазах убеждают людей устремляться к цели. Это и есть красноречие. И даже больше чем любое красноречие. Это действие возвышенное и божественное»*.

На это легко возразить: если настоящее красноречие возникает, «как родник, бьющий из земли», если риторика тщетна и слова бессильны, зачем тратить силы на постижение этого искусства.

Как мы видим из приведенных примеров, природа подлинного красноречия — исключительные обстоятельства. Но всегда ли обстоятельства способны вызвать красноречие?

В минуту наивысшего напряжения артист или атлет-олимпиец достигают, как известно, вершины своего таланта. Когда «жребий брошен», мы вправе ждать таких же достижений и от людей, облеченных властью. К сожалению, этого не произошло в случае с британскими политиками, выступавшими после лондонских протестов.

Можно ли в таком случае научиться красноречию? Очевидно, нет, если этому не предшествовали подготовка и практика. Какого же рода практика и подготовка здесь нужны? Ведь мы хотим, чтобы поколение наших детей и внуков было готово к вызовам и ответственности активного гражданского общества, что предполагает понимание таких ценностей, как доверие, справедливость и человеческое достоинство. Учитывая, что доверие лежит в основе демократии, справедливость — в основе права, тогда человеческое достоинство — это условие появления гражданского общества.

Обратимся к сочинениям по классической риторике античных авторов. Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35—ок. 96), римский оратор и тео-

* См.: <http://www.dartmouth.edu/~dwebster/speeches/adams-jefferson.html>

Меретт Оппенгейм. меховой завтрак. 1936

ретик ораторского искусства, автор трактата «Об образовании оратора», в частности, писал: «Лучше бы нам родиться немыми и лишенными разума, чем отступить от дара Божьего. Я не только просто говорю, что оратор обязан быть добродетельным человеком, но утверждаю, что человек дурной не может быть оратором».

Другой знаменитый афинский риторики, сам никогда не произносивший речей, Исократ (436–338) в своих «Наставлениях» подчеркивал важность речи, ведомой мудростью.

Роджер Эскам (1515–1568), английский гуманист, близкий друг Эразма Роттердамского, наставник будущей королевы Елизаветы I, в сочинении «Учитель» и трактате «Токсофил», напротив, обращал больше внимания на красоту речи. По его словам, человек, верящий в то, о чем он говорит, способен скорее увлечь своих слушателей, но для этого важно не забывать о разнообразии средств выражения: «Там, где нет различия между выражением приятного и ужасного, доброго и жестокого, нежности и неистовства, там нет места убедительности». «Если говорящий... выдерживает нужную манеру, слушающие его остаются с ним. Если говорящий мечет громы и молнии, слушающие содрогаются. Если он извергает брань, они приходят в смятение. Если сетует, они сопереживают. Когда он говорит о предмете должным голосом, ему внимают».

Следовательно, речь зависит также от голоса, которым ее произносят. Сила голоса говорящего зависит от силы, с которой его тело способно воспроизводить звук. То есть само физическое состояние — немаловажный фактор, определяющий эффект присутствия говорящего.

Мы воспринимаем присутствие так же, как справедливость, — интуитивно. Если работает фактор привлекательности, люди оборачиваются, скажем, на незнакомого человека, который чем-то выделяется, причем не обязательно физической красотой. Это может быть стиль, элегантность, внутренняя сила. Да, скорее это внутренняя сила, но не застывшая, а являемая подобно энергии. Это скорее сила собственного достоинства, сообщающая людям ощущение комфорта.

Как же добиться такого присутствия оратора?

Когда я преподаю риторику и публичную речь, я стараюсь помочь человеку прежде всего достигнуть эффекта своего присутствия через позу, обращая внимание на жесты. «Конечно! Язык тела — это же очевидно», — скажете вы. Действительно, в книгах об искусстве риторики и учебниках об этом писали давно. При этом текст сопровождается обычно иллюстрациями поз, как, например, в учебнике по риторике 1845 года*. И люди начинают часто копировать то, что видят на картинке, подобно тому, как примеряют модный костюм, даже если он не подходит к типу фигуры.

Хочу подчеркнуть, что лишь систематические, комбинированные занятия риторикой, позволяющие человеку развивать красноречие, обеспечивают более естественные способы коммуникации. Поэтому я учу людей использовать физические возможности тела и голоса так, чтобы главная мысль, которую они хотят донести, была услышана. Только такой, повторяю, комбинированный подход к работе с позой, дыханием и голосом позволяет раскрыть и развить их природные качества и возможности.

Мне нравится помогать молодым людям, когда они хотят научиться говорить от своего имени и от имени других — подобных «жертвам уличного насилия», выражая свои взгляды страстно и честно.

Гражданскому обществу нужны сильные лидеры, владеющие искусством и навыками эффективной коммуникации.

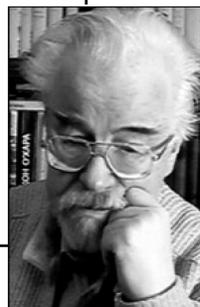
Общество состоит из людей, писал О. Хаксли, и оно эффективно, пока помогает человеку реализовать свои способности, чтобы прожить счастливую, творческую жизнь. На мой взгляд, риторика один из важных инструментов формирования открытого гражданского общества и его институтов в процессе продвижения демократических ценностей — справедливости, свободы и верховенства права.

*Перевод с английского
Иины Березкиной*

* См.: Prof. A.M. Bronson. *Elocution or Mental and Vocal Philosophy*. — Louisville, Kentucky, John P Morton & Co, 1845. — P. xvi.

Мы уже не бандерлоги *Размышления, навеянные чтением* *книги Г.С. Лисичкина**

Александр Волков, доктор исторических наук

Когда рушился Советский Союз, наш народ, мы, граждане этой страны, не вышли на площади, ничего не сделали,

чтобы его защитить, хотя незадолго до того в большинстве своем проголосовали за его сохранение. Теперь многие ностальгируют по нему. Почему так произошло?

Да, у нас была страна, Родина, которую народ защитил от внешнего врага, заплатив за это огромную цену — миллионы жизней. Но когда Союз рушился, мы не чувствовали со всей остротой, что нечто теряем. Почему? Да потому, что у каждого из нас в этой стране не было по сути ничего своего. Не было столь лично ценного, что мы бросились бы защищать.

Экономика никогда не была «народным достоянием»

В одном сериале, показанном в декабре по телевидению, шла речь о причинах распада Советского Союза. Их было названо много, но есть ПРИЧИНА, возможно, главная. Как в случае с той батареей, которая не стреляет.

Командир батареи говорит вестовому, присланному фельдмаршалом Кутузовым, в ответ на его гневный вопрос о молчании орудий: «Тому есть одиннадцать причин. Первая — нет снарядов».

Книга Геннадия Лисичкина издана в серии «теоретическая экономика». Давно сказано, что нет ничего практичнее хорошей теории. Автор книги, собравший в ней свои очерки за многие годы, в первых из них рассказывает о дискуссии шестидесятых годов, когда была реальная возможность реформировать Советский Союз, реализовать рыночную идею и избежать жестоких потрясений 90-х годов. Уже тогда стало ясно, что «хорошей теории» у руководства страны, у «руководящей и направляющей силы» — нет. Старая, мобилизационная модель экономики, работавшая в пору индустриализации страны за счет разорения крестьянства и множества жертв, неплохо служившая во время войны и первых лет восстановления разрушенного ею хозяйства, уже в шестидесятые обнаружила свою несостоятельность, непригодность в изменившихся условиях.

Кому-то в то время казалось, что спор идет схоластический — о регулирую-

* Г.С. Лисичкин. *О наших реформах и реформаторах. Очерки.* — М.: ИЭ РАН, 2011. — 247 с.

шей роли закона стоимости, о том, стал ли труд при социализме непосредственно общественным... Лисичкин, получивший образование в МГИМО и три года проработавший председателем колхоза, вбрасывал в эту дискуссию жизненные факты. Он показывал, что экономика, в которой нет собственника, которая работает без оглядки на рыночный спрос, то есть на реальные потребности людей, не может быть жизнеспособной. «Основным экономическим законом» называли «все более полное удовлетворение постоянно растущих потребностей общества» и «всестороннее развитие его членов», а производили продукты, не пользующиеся спросом населения, не для людей, а для выполнения и перевыполнения плана, спущенного «сверху», для отчета перед чиновниками. Пахали и сеяли не для того, чтобы вырос полноценный урожай и принес работникам доход, а чтобы занять землю тем, что велено, завершить сев к установленному сроку или досрочно, собирали урожай, теряя до половины, а то и двух третей его, лишь бы очистить поля опять же для радости глаза высокого и даже не очень высокого начальства, за то и получали жалкие поощрения.

Помню, я был тогда сотрудником одной из центральных газет, в разных отчетах год за годом почти постоянным был такой показатель: на складах хранится невостребованная обувь на сумму в 4,5 млрд рублей. Плохая она, не нужна она людям. А в то же время они мнут себе ребра в очередях, в давках, чтобы «достать» какие-нибудь итальянские туфли. Бессмыслица, дефицит всего и вся, нищета, в конце концов, — вот результат якобы особого, непосредственно-общественного характера труда при социа-

лизме. Экономика, все материальные богатства числились «народным достоянием». Но у конкретных заводов, у земли и стад животных не было полноправных хозяев, которые были бы заинтересованы в хозяйствовании выгодном, в расширенном воспроизводстве, в том, чтобы все произведенное было нужно людям и продано им. Экономика, основанная на иллюзорных постулатах, на догмах, которые и защищали в своих агрессивных статьях псевдоученые, яростно нападавшие на «рыночника» Лисичкина и других трезво мыслящих экономистов, не могла дать народу то процветание, при котором он дорожил бы и условиями жизни в стране, и общественным строем, и счастьем «работы на себя», любимым делом.

Нам скажут: ну вот, добились рынка, и что?

А мы о том мечтали, за то боролись, что сейчас имеем? За это вот жуткое расслоение в обществе, главные герои которого олигарх и нищий? За то, чтобы в экономике господствовали госкорпорации, а мелкий и средний бизнес жался на ее периферии? Чтобы весь экономический оборот действовал только при коррупционной «смазке»? За то, чтобы наемные работники капитала были бесправны и беззащитны? Если к тому же принять во внимание, что в США, Европе, Японии доля оплаты труда в ВВП составляет 60–70%, а у нас — 25–30%, то очевидно, что в нашем обществе просто не существует эффективных сил и институтов, отстаивающих интересы людей. Нет, весь негатив у нас не от рынка, а от извращений в его организации, от монополизма, от того же беспардонного вмешательства в экономику чиновничьего государства.

Но откуда его бесцеремонность, произвол, своеволие чиновников?

Торжество «нового класса»

«Коммунистическая революция, совершавшаяся во имя уничтожения классов, — писал в свое время югославский политический деятель Милован Джилас, — привела, не в пример прежним революциям, к сверхгосподству исключительно одного нового класса». Этот новый класс — бюрократия, а точнее сказать, политическая бюрократия, которая свое могущество и привилегии черпает из некоей особой формы собственности. Это собственность прежде всего государственная, то есть та, которой этот класс управляет и которую распределяет «от имени» нации, «от имени» общества. Таким образом, власть конвертируется в собственность, обеспечивая властителям их блага.

Лисичкин, несколько лет проработавший в Югославии, разделявший взгляды Джиласа, и в современных наших политических элитах видит черты этого «нового класса», но сумевшего уже легализовать и упрочить свои прежде шаткие привилегии. Ведь если чиновник в советские времена лишался своей должности, он лишался и дачи, и машины, и спецпайков, и специального медобслуживания. Помнится, даже президента СССР Горбачева начали выселять из элитной квартиры еще тогда, когда он не успел закончить свою речь об «отречении от престола». В ходе же приватизации «новый класс» исправил эту «несправедливость». Он ухватил самые жирные куски собственности.

Об этом, собственно, и писал Джилас, что на деле собственность нового класса проявляется в виде исключи-

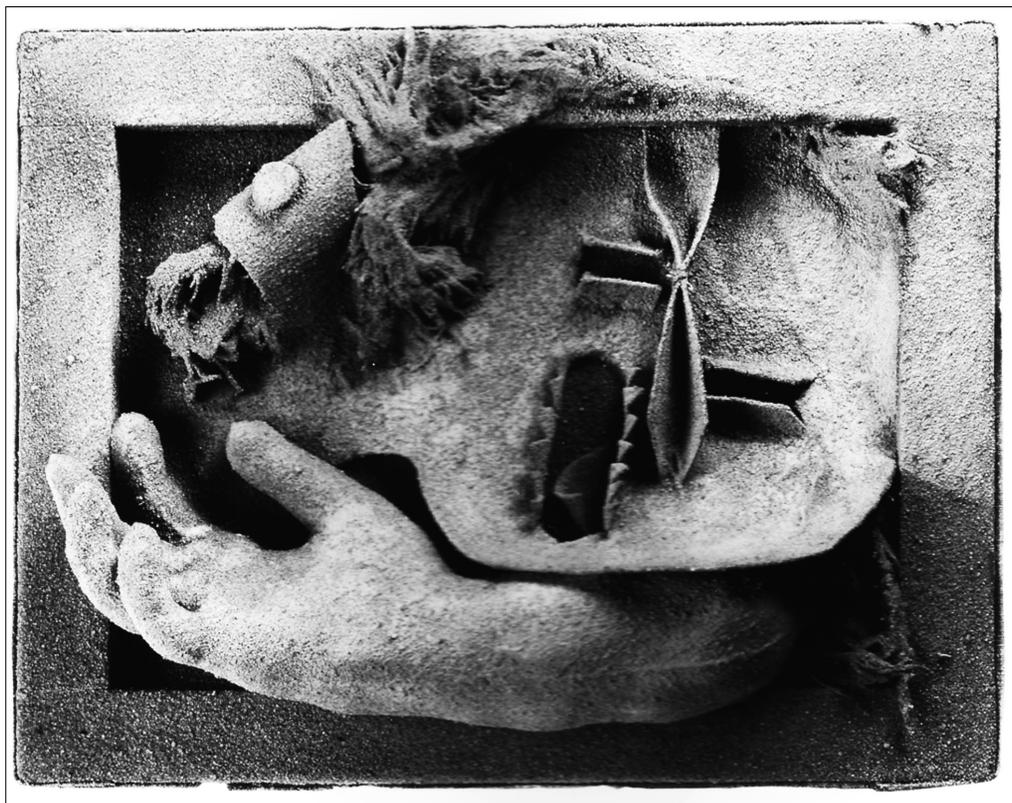
тельного права политической бюрократии на распределение национального дохода, регламентацию уровня доходов, выбор направлений хозяйственного развития, а также на распоряжение национализированным и другим имуществом. Лишились всего

Приходя во властные органы, сегодня даже демократически избранные руководители, не говоря уже о назначенных, вопреки закону либо открыто, либо через родственников занимаются бизнесом, используют для его успеха свое должностное положение

этого наши сегодняшние бюрократы? Отнюдь нет!

«Новый класс», осознав неэффективность прежней экономической системы, сам начал ее реформирование. Более того, он, можно сказать, перестроил и даже диверсифицировал сам себя. Он выделил из своей среды и «демократов», таких как Ельцин (или Кравчук), и крупных капиталистов, банкиров, назначил «олигархов», основательно изменив тем самым условия жизни населения.

Конечно, какие-то предприимчивые люди «со стороны» тоже воспользовались ситуацией и преуспели. Но это все же была революция «сверху». Наверху проходила борьба разделившегося на кланы «нового класса» за власть и собственность. Однако необходимость считаться с разбуженными массами, возмечтавшими о многом и вышедшими на улицы, подвигла трансформировавшийся класс в том числе и к созданию так называемых демократических институтов, рынка, даже формированию гражданского

Пабло Пикассо. Композиция с перчаткой. 1930

общества. Так новый класс самосохранился.

Его гены живы сегодня во всех тех партиях, которые вошли в Думу. Что во властных, что в привластных, что в «оппозиционных». Все они привержены державничеству, государственности, что и влечет за собой во внутренней жизни усиление контроля государства над собственностью, над рынком, следовательно — над гражданским обществом, а вместе с тем — прилив национализма и осложнение отношений с внешним миром. Именно потому, что у власти остается, хотя и модифицированный, но тот же по существу «новый класс», не удастся, сколько об этом ни говорят, разделить власть и собственность, политику и экономику, законодательную и исполнительную власть. По-прежнему, хотя,

быть может, не столь откровенно, как раньше, государство опекает судебную власть, не давая ей полной самостоятельности, свойственной подлинной демократии.

Многое еще найдется общего в советском и сегодняшнем «новом классе», способах его господства, если все проанализировать внимательно. А о торжестве «нового класса» речь идет потому, что тенденции последнего десятилетия неопровержимо свидетельствуют не только о фактическом устранении политической конкуренции, свертывании демократических свобод, но и о передаче власти чуть ли не по наследству внутри сложившегося клана (прежде его называли «семьей»). Приходя во властные органы, сегодня даже демократически избранные руководители, не говоря уже о назначен-

ных, вопреки закону либо открыто, либо через родственников занимаются бизнесом, используют для его успеха свое должностное положение.

Вместе с тем в условиях рынка появилось и нечто новое, то, что в современной политэкономии, так называемой теории общественного выбора, определяют как *Rent-seeking behavior* — поведение, ориентированное на поиск ренты. Речь идет о ренте особого рода — стремлении и умении извлечь выгоду, например, из монопольного положения предприятия, которое искусственно создается кем-то за определенную плату. Существо такой ренты — всем известный «откат». Это понятие стало господствующим в отношениях самого разного рода — и в государственных структурах, и вне их. Вся государственная система строится на принципах извлечения такой ренты, и для чиновничества это основной источник дохода.

Что можно сделать для ограничения господства нового класса, для сдерживания его аппетитов? Говорят, что главное — это минимизировать вмешательство государства в экономические отношения. Если на любом государственном рычаге можно паразитировать, то, если этого рычага нет, паразитировать не на чем. Наверное, это в принципе правильно. Однако прав Геннадий Лисичкин, говоря, что странно было бы ждать хорошего результата, «когда бороться с бюрократией поручают той же бюрократии». И невозможно противостоять «новому классу», пока избирательное законодательство во многом ограничивает права граждан, вплоть до невозможности проголосовать «против всех». И пока мы не сумели преодолеть еще одну нашу опасную болезнь, укоренившуюся в менталитете общества.

Все беды в России от въевшегося в нас холопства

Эти слова из размышлений выдающегося нашего историка В.О. Ключевского. Лисичкин в этой связи вспоминает Карамзина, который писал по поводу жестокости царя и терпения народа: «Если он (царь) не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть государеву властью божественною и всякое сопротивление беззаконием».

Может быть действительно оттуда, из глубины веков, идет не только долготерпение, но и пристрастие большей части наших людей к власти «сильной руки» (в той мере, в какой многие сегодня вспоминают Сталина). Наши «народные массы», ошалевшие от всяческих перемен, от гигантских денег, которые крутятся вокруг, но только вызывают неудовлетворимую жажду красивой жизни, массы, напуганные внутренними войнами, террористическими актами, будничными убийствами и невыплатой заработанных денег, с радостью бросаются на шею каждому, кто предстает перед ними «крутым» и через слово употребляет эпитет «жестко»: вот она, «железная рука», что наведет порядок!

Почему нам не мыслится упорядоченность жизни, достигаемая не репрессивными мерами, а иными, цивилизованными средствами? Почему снится диктатура, а не сильное легитимное государство, основанное на демократическом разделении власти и сотрудничестве ее ветвей, на принципе прозрачности их действий и всенародном контроле — на тех завоеваниях цивилизации, которые уже хорошо известны? То есть государство, сильное народом, а не вождем? Что же за больной ген коренится в нашем люде и побуж-

дает то к тупой покорности, добровольной униженности, готовности водрузить себе на шею очередной «сапог», то к безрассудному бунту? Может быть, это с отчаяния, что революции и реформы «сверху», многочисленные смены властей не меняют нашей жизни, что живем мы плоше других народов, своих европейских, а теперь уже и азиатских соседей, что при всем громаде планов и замыслов «что ни делаем, не идут дела», как в той песенке про остров невезения, которую вспоминает в книге Геннадий Лисичкин: «крокодил не ловится, не растет кокос»? Исконные пороки — воровство и пьянство — не только не изживаются, но даже выходят на какой-то новый уровень, превращаясь в коррупцию и наркоманию... Тоска понятна, но почему избавление от бед видится в средствах, которые уже опробованы нами и не принесли радости? Пока наша демократия неизменно рождает авторитарного вождя, как фабрика из анекдота, которая производит вроде бы детали для швейных машин, но при их сборке получается пулемет.

Написав все это, я задумался: а не грешу ли я против истины, если принять во внимание самые недавние события — ход последних выборов в Думу и реакцию на них, протестные выступления на Болотной, проспекте Сахарова, других местах в Москве и Санкт-Петербурге, в других городах? Как бы ни стремились наши власти привычно свалить все эти явления на происки зарубежных недругов, на мой взгляд, в стране, в обществе,

в народе нашем именно в последнее время произошло нечто очень существенное. С протестом против того, что многое решается без их участия, вопреки их воле, при унижительном игнорировании их мнения выступили не только и прежде активные граждане, но и некие новые слои, ранее пассивные. Я наблюдал это даже у близко знакомых мне людей. Те, кого можно, хотя и с достаточной мерой условности, отнести к среднему классу, только образующемуся в нашей стране, прежде отмахивавшиеся от политики, мол, «грязное это дело», считавшие даже модным эту отрешенность, ценившие только профессионализм, теперь будто очнулись: нет, так нельзя! Молодые, но уже опытные, знающие себе цену, много получающие за свой труд, путешествующие по миру, сочиняющие свои песни, владеющие Интернетом и использующие его для общения и самоорганизации, вышли на улицы с цивилизованным протестом. Нет, они не хотят бунта и революций, они начинают понимать, что они — силу, которую власти не могут не слушать и не услышать. Может, эта их вера в чем-то еще наивна, иллюзорна, но и она — сила.

С этим связаны и мои надежды. Поэтому я и утверждаю: нет, мы уже не бандерлоги, цепенеющие от взгляда удава!

Вот под этим углом зрения я невольно прочитал книгу моего друга Геннадия Лисичкина, хотя она, несомненно, гораздо более многогранна и богата по содержанию.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Рубл, Блэр. Вашингтонская U-стрит. Биография. Пер. с англ. яз. (Blair A. Ruble. Washington's U Street. A Biography. The Johns Hopkins University Press, 2010). М.: Московская школа политических исследований, 2012.

Известный американский исследователь урбанистической мировой культуры Блэр Рубл посвятил эту книгу истории вашингтонской улицы U-стрит (U street). После основания Вашингтона в конце 18-го века как столицы США U-стрит и ее окрестности стали очагом — физическим и символическим — уникальной негритянской культуры, пространством сложного, противоречивого и драматического процесса взаимодействия белого и черного сообществ Америки. Воссозданная автором бурная биография U-стрит это увлекательное, наполненное массой живых эпизодов, ярких картин, фактов и свидетельств масштабное повествование об особом микроскопе, несомненно изменившем облик Соединенных Штатов.

ХРУПКОЕ РАВНОВЕСИЕ НАРУШЕНО

Теплым весенним вечером в четверг 4 апреля 1968 года на перекрестке 14-й улицы и U-стрит было многолюдно. Пассажиры автобусов спешили на пересадку, поскольку неподалеку находился крупный пересадочный узел; покупатели сновали в поисках товаров, как легальных, так и прочих; праздных гуляк постепенно становилось больше, чем тех, кто торопился домой с работы. Кто-то из парней, облюбовавших угол, толпящихся в закусовых или болтавших с водителями автобусов и уличными торговцами, наверняка обсуждал проповедь Мартина Лютера Кинга, произнесенную в минувшее воскресенье в Национальном кафедральном соборе перед четырьмя тысячами прихожан. Кинг тогда провозгласил 22 апреля, день, приходящийся на самый разгар знаменитого городского праздника цветения вишни, датой начала «Кампании за бедняков», которую предполагалось подкрепить демонстрациями в национальном парке Молл и по всему центру города.

Знающие люди понимали, что город находится на грани беспорядков, уже охвативших многие города Америки, а в Вашингтоне все чаще выливавшихся в безобразные стычки между темнокожими и белыми. Осведомленным было также ясно, что нестабильность в негритянском

сообществе усугубляется соперничеством между разными поколениями лидеров движения за гражданские права — такими, как доктор Кинг, и молодыми радикалами вроде Мариона Барри или Стокли Кармайкла. Тем же, кто не был в курсе дела, например деятелям из конгресса, Белого дома и администрации округа, город казался застрахованным от массовых беспорядков, по крайней мере, до лета.

Но все предположения и ожидания рухнули в 19 часов 16 минут, когда городское радио сообщило о том, что в Мемфисе, штат Теннесси, застрелен преподобный Мартин Лютер Кинг. Многие в столице пережили шок, рыдая в уединении своих квартир и офисов. Для других одиночество было нестерпимым, и они кинулись на улицы, чтобы найти таких же возмущенных и испытывающих боль людей. С каждой минутой толпа на 14-й улице и U-стрит росла, становясь все более возбужденной. Белый репортер NBC News Бетти Уолден, прибыв на место, сообщала, что спокойствие здесь было «зловещим, как перед бурей». Она уехала как раз перед тем, как в 20 часов 19 минут пришло сообщение о том, что доктор Кинг умер.

За несколько минут грозное затишье сменилось бурной яростью. Около трех десятков молодых чернокожих, во главе которых был Стокли Кармайкл, ворвались в универсальный магазин «Peoples Drug Store», находящийся неподалеку, и потребовали, чтобы его белый менеджер закрыл заведение в знак скорби по погибшему. За несколько минут до этого Кармайкл сказал друзьям: «Время заканчивать со всем этим ненасильственным бредом собачьим». «Если нам суждено умереть, — продолжил он, — лучше умереть, давая сдачи». Добившись закрытия магазина, толпа Кармайкла последовала к другим торговцам, собирая по пути разъяренных мужчин примерно двадцатилетнего возраста. Торговые точки в округе закрывались одна за другой.

В то же самое время популярный ведущий радиостанции «WOL» Боб Терри, выступая в эфире, говорил: «Сейчас не время ненавидеть, ибо ненависть есть путь в тупик. Позвольте сказать кое-что и вам, белые люди. Завтра, прежде чем сесть в машину и отправиться в свой загородный дом, скажите что-нибудь приятное тому чернокожему, который работает рядом с вами. Ведь вам тоже надо перестать ненавидеть». Но, несмотря на всю популярность Терри, толпой в эти минуты владел Кармайкл. «Теперь, когда доктор Кинг убит, у нас нет другого пути, как пойти за Стокли», — заявлял присоединившийся к ней некий молодой человек.

В новостях «белых» СМИ сообщалось: «Множество молодых людей последовали за группой Кармайкла. На многих были легкие пиджаки поверх цветастых спортивных рубашек или водолазки и широкие брюки. На некоторых были плащи, поскольку то и дело моросил дождь. На ком-то — рабочая одежда или униформа. Хотя было уже темно, многие не снимали темные очки. У некоторых мужчин были прически в африканском стиле и козлиные бородки. В растущей толпе можно было различить бывших и нынешних студентов близлежащего Университета Хауарда. Напряженность росла по мере того, как в толпу вливалось все большее число тинейджеров и взрослых моложе тридцати».

7-я улица и Р-стрит после апрельских беспорядков 1968 года. Фотография из Вашингтонского собрания исторических изображений, Библиотека Мартина Лютера Кинга, Вашингтон.

Примерно в квартале к югу от U-стрит по 14-й улице к предводителю толпы подбежал низенький толстячок и, схватив его за руку, прокричал тенором: «Не стоит так делать, Стокли, не надо никому причинять зла, успокой их». Это был преподобный Уолтер Фонтрой. Кармайкл в ответ крикнул, что толпа всего-то и хочет закрытия магазинов. «Ведь они убили доктора Кинга!» — добавил он.

Фонтрой зашел в близлежащий офис Южной Конференции христианских лидеров, по дороге бросив полицейскому в штатском, сидевшему в машине без опознавательных знаков, что все будет в порядке. Однако в 21:25, когда он добрался до второго этажа, в ночной тишине прозвучал звон вдребезги разбиваемых окон магазина «Peoples Drug Store».

Когда бурлящая толпа подошла к кинотеатру «Republic», плотного сложения парень лет пятнадцати, одетый в хлопчатобумажные рабочие брюки, коричневую фуфайку и с матросской шапочкой на голове, размахнувшись, ударил кулаком в одну из стеклянных дверей. Посыпалось стекло, а парнишка помладше проник в дверной проем внутрь и вышел назад с большим пакетом попкорна. Пятнадцатилетний стоял у двери, потирая кулак, который не был порезан, и широко улыбался. Кто-то крикнул ему: «Так держать, парень!».

Члены SNCC* старались остудить толпу, но молодежь уже ворвалась в театр Линкольна, требуя остановить представление. Хотя владелец ресторана «Занзибар» распорядился закрыть свое заведение, Кармайкл

* Студенческий координационный комитет ненасильственных действий. - Прим ред.

понял, что контроль над ситуацией уже потерян. Вот мужчина средних лет вышибает ногой окно Национального винного магазина, выражая возмущение злодейством белого человека. Кто-то выкрикнул: «Так и надо, детка. Это место вообще надо спалить! Достанем этих долбанных белых! Поубиваем их всех!». Прокричав в отчаянии: «Мы не готовы, мы вернемся, это не способ!», Кармайкл скрылся за пригорком в конце 14-й улицы. Но время было упущено; джинн уже вырвался из бутылки. В последующие три дня гражданский порядок в столице рухнул, и восстановить его удалось только после того, как в город на двенадцать дней были введены 13 тысяч солдат федеральной армии. Двенадцать человек были убиты; сотни ранены; 7600 мужчин, женщин и детей подверглись аресту — 90 процентов из них были афроамериканцы мужского пола, 80 процентов жили в городе не менее пяти лет, 80 процентов имели работу, служили в федеральных учреждениях. За эти дни произошла 1000 поджогов, было разгромлено около 700 крупных и мелких предприятий черных и белых владельцев, а городская экономика безвозвратно потеряла не менее 5000 рабочих мест. Было разрушено около 700 «единиц жилья» — квартир и домов, а их жильцы оказались на улице. На протяжении недель и даже месяцев обеспечение оставшихся в районе жителей предметами первой необходимости зависело от церквей и гражданских организаций, поскольку магазины были разорены.

По некоторым оценкам, общие потери города за эти двенадцать дней превысили 27 миллионов долларов. Некоторые небольшие негритянские заведения, хозяева которых вывесили в витринах таблички «Соул-брат»*, уцелели, но гораздо большее число крупных и мелких «черных» и «белых» предприятий были сожжены дотла. Некогда полнокровные торговые артерии, проходившие по 14-й улице, U-стрит и 7-й улице на северо-западе и H-стрит на северо-востоке, теперь лежали в руинах. Были сломаны бесчисленные человеческие судьбы, хотя число погибших для столь яростного всплеска насилия оказалось удивительно небольшим.

Менее значительные вспышки межобщинного насилия последовали той же весной, когда в ходе «Кампании за бедных» в Национальном парке Молл была разбита палаточная деревня, названная, по предложению доктора Кинга, «Городом воскрешения». Многие местные белые и черные открыли демонстрантам двери своих домов, надеясь смягчить напряженность, охватившую город. К несчастью, то, что началось как выражение гнева и скорби по поводу убийства Мартина Лютера Кинга, стало закваской восстания, бунта и мародерства. После тех событий U-стрит уже никогда не станет такой, как прежде.

* От слова «soul» — душа. Обращение «соул-брат», «соул-сестра» адресовали друг другу чернокожие со времен рабства, чтобы подчеркнуть таким образом право на человеческое достоинство. — Прим. ред.

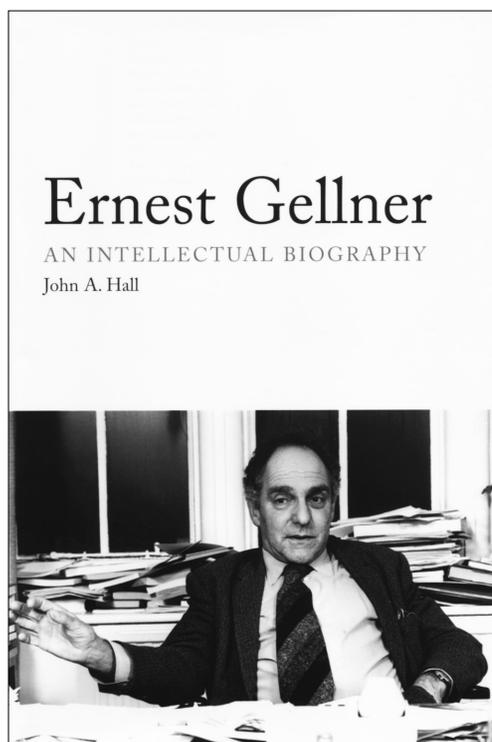
Биография эксперта Школы

John A. Holl. Ernest Gellner. An Intellectual Biography. — London — New York: Verso, 2010. — XII, 400 p.

Когда в ноябре 1995 года умер Эрнест Геллнер, были приспущены флаги Кембриджского университета, где он преподавал с 1984 по 1992 год, а ранее, в 1961-м получил степень доктора философии.

Выдающийся социальный антрополог, философ, политолог, Эрнест Геллнер оставил заметный след в интеллектуальной истории не только Великобритании. Автор более тридцати книг, бесчисленного множества журнальных статей по широкому спектру проблем, самообытный «полевой» исследователь, непревзойденный лектор и, как его иногда называли коллеги, «овод», пробуждающий европейское самопознание. Широта его интересов, включенность в общественные дискуссии выходят за рамки какой-либо определенной академической дисциплины. Все свою сознательную жизнь он был преданным служителем истины и сторонником здравого смысла в науке, жизни и политике. Непростой в повседневном общении, прямой и временами агрессивный в научной критике, принципиальный и жесткий в публичной полемике, он остался в памяти современников и выпускников Школы честным, неординарным человеком.

Канадский социолог из Монреаля Джон Холл, который работал вместе с Геллнером в Центрально-Европейском университете в Праге в последние годы его жизни, написал его «интеллекту-

альную биографию», основанную не только на письменных источниках и воспоминаниях, но и на личных впечатлениях и серьезном знании его жизненного пути.

Этот многостраничный труд, безусловно, удался, причем не только как яркое жизнеописание и тщательный разбор наследия Геллнера, но и как оригинальная зарисовка истории западных идейных дискуссий в послевоенный период. Книга выстроена в хронологическом порядке. Вначале Холл ведет читателя по закоулкам британских университетских городков и погружает Геллнера то в контекст английской лингвистической философии, то в жаркие споры вокруг идейного насле-

дия Карла Поппера, то в гущу дискуссий о постколониальном развитии стран третьего мира. В результате становится ясно, как от научной логики и философии знания Эрнест Геллнер последовательно переключается на актуальные проблемы теории национализма и формирования гражданского общества в посттоталитарных странах, на научное объяснение жизнеспособности ислама.

Геллнер родился в 1925 году в Париже в еврейской семье выходцев из Чехии, но до 1939 года жил и учился в Праге в англоязычной школе. Семья эмигрирует в Великобританию буквально накануне нацистской оккупации Чехии. Позднее Геллнер поступает в Оксфорд, но уже после первого курса в 1944 добровольцем записывается в Первую чехословацкую отдельную механизированную бригаду. После войны — возвращение в Оксфорд, затем некоторое время он пребывает в стенах Лондонской школы экономики. В 1946-м переживает судьбоносное событие — посещает лекции Карла Поппера об «открытом обществе», которые тот читает накануне Пасхи в Оксфорде. И, как замечает Холл, вряд ли кто еще в европейской интеллектуальной истории того времени настолько глубоко пропустил через себя идеи Поппера и на всю жизнь остался под его сильным влиянием. Впрочем, это «восхищение» формировалось во вполне геллнеровском стиле, а именно — при серьезном оппонировании идеям философа. Студент Геллнер вступает в переписку с маститым ученым, и уже тогда, на исходе 1946 года демонстрирует свою

зрелость и научную самостоятельность.

В 1962 году Геллнер получает звание профессора Кембриджского университета, а несколькими годами раньше публикует свой уже далеко не первый труд «Слова и вещи» (1959), в котором он бросил вызов английскому философскому истеблишменту, критикуя популярную в то время британскую лингвистическую философию*. Имя Геллнера с того времени уже не сходит со страниц авторитетных изданий, а сам автор активно погружается в прикладные антропологические исследования на севере Африки и мусульманском Востоке. Самую большую известность приобретает его социологическое сочинение «Нации и национализм» (Оксфорд, 1983)**.

В начале 1980-х Геллнер часто посещает Советский Союз и восточноевропейские страны, поражая аудиторию, перед которой он выступал, своим взглядом на современность, современное общество и современный язык европейского общественнознания. Я не случайно трижды повторил слово «современный» (modern), чтобы подчеркнуть, насколько нетривиальным для социальных наук был подход Геллнера к пониманию основ современной цивилизации.

Современность, считал он, благодаря просвещению и промышленной революции открывает беспрецедентный в истории «допуск» человека к культуре, в результате которого социально мобильная личность все больше нуждается в культурных стандартах, и идеология национализма не случайно стано-

* Эта независимая позиция настолько произвела впечатление в мировой науке, что книга малоизвестного тогда молодого английского философа была переведена в том числе и на русский язык. См.: Эрнест Геллнер. Слова и вещи. — М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

** См.: Геллнер Э. Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991. В 2008 г. журнал «Таймс» включил эту книгу в сотню самых значимых книг, написанных после Второй мировой войны.

вится фундаментом социальных связей. Все современные страны, так или иначе, проходят через опыт политического национализма, хотя и с разными последствиями. И именно этот опыт составляет, по его словам, сущность европейской истории последних двух столетий.

Однажды, пишет Холл, вручая одному из своих читателей книгу о национализме, Геллнер заметил, что это сочинение целиком основано на его личном опыте и переживаниях. И в этом не было лукавства. Личный опыт еврея восточноевропейского происхождения, столкнувшегося с фашизмом и прожившего всю сознательную жизнь в Западной Европе, играл важнейшую роль во всех научных исследованиях ученого. Говоря о спаде националистической риторики в Европе, он в то же время считал национализм явлением универсальным. По предложению Джорджа Сороса он основывает в Праге в 1993 году Центр по изучению национализма, возглавлять который ему пришлось, к сожалению, совсем недолго.

На рубеже 1980–1990 годов Эрнест Геллнер включился в процесс десоветизации Центральной Европы и Советского Союза и полгода провел в Москве. Но часто приезжал в нашу страну и позже, принимая активное участие в первых семинарах Московской школы политических исследований. И сегодня можно сказать, что он был одним из духовных вдохновителей ее создания и, что, пожалуй, самое незабываемое, ее главным концептуальным спикером. Вполне закономерно,

но, что свою последнюю книгу «Условия свободы»*, изданную при жизни, он посвятил «Лене и Юре Сенокосовым». В этой небольшой книге Геллнер раскрывает фундаментальную значимость гражданского общества для развития современного общества, граждане которого не обнаруживают весомого морального аргумента ни в концепции «чистого либерализма», ни в постоянно меняющейся теории демократии. Гражданское общество — «воздух» современности, но и в наши дни у него немало политических противников и конкурентов.

Завершая свое биографическое исследование, Джон Холл рассказывает о рукописях, которые остались неизданными при жизни автора. В них поздний Геллнер возвращается к своим эпистемологическим истокам и вновь сосредоточивается на проблеме языка и, как обычно, полемизирует со своими именитыми предшественниками и современниками, прежде всего с Людвигом Витгенштейном**. Он был искренне убежден в том, что устойчивым и развивающимся любое сообщество делает выраженное в конкретности языка социальное знание. Трудно не согласиться с главным выводом Холла: Эрнест Геллнер в послевоенной Европе был наиболее последовательным рационалистом, сохранившим верность идеям и ценностям Просвещения и научную честность (кантианскую этику знания). Может быть, именно поэтому он уже при жизни воспринимался как «живой классик».

Александр Согомонов

* Эрнест Геллнер. *Условия свободы. Гражданское общество и его исторически соперники*. — М.: Московская школа политических исследований, 1995 (второе издание — 2004).

** Одна из них названа весьма примечательно «Язык и одиночество». Gellner E. *Language and Solitude*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Региональное книжное обозрение

Регионы России: инновационное развитие и модернизация системы социального управления / под ред. Л.А. Бургановой, А.Р. Тузикова. — Казань: КГТУ, 2011. — 308 с.

Эта монография представлена коллективом авторов, участников научно-практической конференции, посвященной проблемам модернизации социального управления в России, которая проходит на базе Казанского государственного технологического университета. Особое внимание в монографии уделено социокультурным и идеологическим аспектам модернизации. Современный российский модернизационный дискурс, притом что инновационность и модернизация приобретают черты доминирующего императива, видится авторами как попытка разработать и ввести в общественное сознание новую идеологию в условиях вакуума перспективного видения элитой и обществом целей общественного развития

Слабая коллективная идентичность в полиэтнической нации и крайне низкая мотивация служения нации, кризис легитимности власти, отсутствие ясного образа будущего — все это заставляет элиту и экспертное сообщество задумываться и говорить об идеях и идеологии.

Индоктринация идей модернизации и инновации в российском многосоставном обществе в отсутствие ценностного консенсуса представляет собой своего рода находку, поскольку формирующаяся идеология инновационного развития — это некая конвергенция российских коммунистического, консервативного и либеральных мифов. Идеология развития дает хоть и туманный, но все же привлекательный образ будущего. Инновации, как инвестиции в новшество, качественно отличающиеся от прошлого, могут обеспечить новый импульс социально-экономического и социокультурного развития.

Внедрение и восприятие идеологии должны поддерживаться не только созданными мифами и нарративами, но и реализованными проектами в области инновационного развития государства. Однако проект модернизации в смысле реализации и видимых позитивных результатов в экономической и социокультурной сферах пока не вполне успешен. Правительство уже принимало стратегию инновационного прорыва, стратегию развития науки и техники до 2015 г. В итоге — достигло меньше трети от запланированных показателей. Авторы на

базе значительного эмпирического материала (прежде всего регионального) убедительно показывают, что ни в сфере бизнеса, ни в сельском хозяйстве, ни в образовании, ни в области культуры, государственного муниципального управления нет значительных результатов. Исследователи приводят целый ряд показателей «неуспешности» реализации модернизационно-инновационного проекта: Россия занимает сейчас малозаметное место на рынке новых технологий; для государственных регулирующих структур характерно враждебное отношение к бизнесу; и сам частный бизнес не отличается инновационностью; наблюдается перекося в сторону закупки оборудования за рубежом в ущерб внедрению собственных новых разработок.

Важный вопрос, который, на наш взгляд, не менее фундаментален, чем развитие экономики, системы управления, решение экологических проблем и т. д., — это формирование «инновационного человека», которого характеризует способность к адаптивности и готовность к постоянным изменениям. В России должна быть создана такая система взаимодействия людей, где они как ценностно-рациональные субъекты в результате коммуникативных практик обмениваются идеями, формируют совместное знание.

Социологи фиксируют положительную динамику — увеличение доли модернистов по типу сознания над традиционалистами (23% и 15% соответственно). В крупных городах это соотношение еще больше. Одновременно наблюдается падение значимости либеральной идеи и возрастающий интерес к традиционным ценностям. Так, вхождение России в европейский мир выбирают в качестве идеи не более 10% молодых респондентов.

К позитивным тенденциям относится фактор сохранения социальной консолидации (такой вывод был сделан социологами в результате исследования 7 федеральных округов). При этом основное объединяющее звено — это патриотические индикаторы респондентов, которые, впрочем, опираются на традиционалистские архетипы, а никак не модернизационные ценности.

В настоящее время появился новый объединяющий ресурс — Интернет как своеобразная сетевая идеология, с которой тесно связаны идеи свободы, E-демократии, «умных сетей». С ним, как показывает современный политический процесс (особенно после выборов в Государственную думу в декабре 2011 г.), коррелирует широкая поддержка массовых выступлений, фиксируемая социологами. Падение уважения к власти и усиление акцента на участие и самовыражение, усиление демократической составляющей, связанной с массовым участием, — это не только российский тренд, характерный для сферы политического. Здесь авторы монографии пока только указывают на социальный факт, тенденцию, выявленную социологами (монография вышла в июне 2011 г.). Сейчас мы с вами можем уже видеть, как зарождающаяся тенденция получила выход в политическое пространство. При этом прожективная и реальная поддержка

массовых выступлений может привести как к консолидации, так и к углублению ценностного разрыва, притом что дальнейшая консолидация российского социума стоит под вопросом. Значительным риском для нее является расхождение идентичностей людей по возрастному показателю, существенные различия в ценностных ориентациях разных поколений российского общества. Это происходит на фоне «дефектной» социализации современной молодежи. Жизненный успех конвертируется в деньги, причем деньги «дутые». Большинство молодых людей не имеют планов на отдаленное будущее, а значит, под вопросом остается накопление «квалификационного ресурса». В зоне бедности живет 2/3 молодых людей, что приводит к невозможности решить важные социальные задачи (образование, жилье и т. д.).

Один из самых значимых факторов современности, отмечаемых авторами монографии, заключается в том, что пострадал сам феномен человеческой жизни. Происходит формирование не гражданского, а антигражданского общества, не демократии, а контрдемократии, не культуры, а антикультуры. Выход — в интеллектуальной революции и гуманитарном прорыве обязательно через культуру. Культура, как считал М. Мамардашвили, должна стать основой для развития человеческого начала в самом человеке.

Авторы монографии предлагают целый ряд мер, направленных на достижение этой цели через внедрение инноваций и модернизацию российского социума (ибо только инновации и модернизация в материальной сфере не могут стать целью развития общества).

В области экономики — это переход к креативной экономике, от high-tech к высоким гуманитарным (high-hum) технологиям, новый менеджмент в управлении, управление знаниями (knowledge management), создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок, системы региональной поддержки инновационного предпринимательства. В социальной сфере — это преодоление поляризации общества и восстановление социальной справедливости общественных отношений, формирование личности индустриального типа, достижение диалогического компромисса, внедрение инноваций в образование, а также экологическая модернизация как часть стратегии развития России.

Успешность построения национальной инновационной системы в России в «ситуации постмодерна», перехода от экономоцентризма и техноцентризма к культуроцентризму, достижение социально-культурного единства будут зависеть от того, сможем ли мы (не только элиты и экспертное сообщество, а весь консолидированный российский социум) противостоять варваризации общества и обществу потребления и использовать совокупный творческий потенциал в достижении образа желаемого будущего.

*Юлия Лебедева,
кандидат политических наук, выпускница МШПИ*

Контрапункт

НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО

Андрей Солдатов, Ирина Бороган. Новое дворянство: очерки истории ФСБ. 2-е изд., дополн., пер. с англ. О. Литвиновой. М.: ООО «Юнайтед пресс», 2011. 306 с.

Федеральная служба безопасности — одна из самых закрытых структур российского государства.

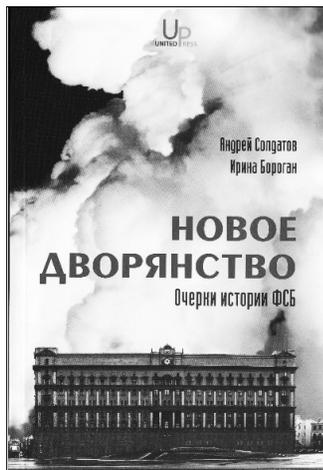
Формально ФСБ не является наследницей сталинско-андроповских ЧК/НКВД/КГБ. Ее деятельность регулируется современным российским законодательством. В соответствии с законом ФСБ обязана соблюдать и даже защищать права и свободы граждан, обеспечивать защиту конституционного строя России. Однако на деле все обстоит иначе.

Одним из первых решений Владимира Путина после прихода к власти было возвращение на здание ФСБ на Лубянке мемориальной доски Юрия Андропова — бывшего многолетнего председателя КГБ СССР и короткое время — генсека ЦК КПСС. В органах ФСБ и МВД возрожден старый советский культ основателя советской «чрезвычайки» Феликса Дзержинского. Все это символически подчеркивает историческую и идеологическую преемственность новых российских спецслужб старым — советским и даже царской «охранке». За постсоветские годы ФСБ сумела значительно расширить свои полномочия и ресурсы, вернув себе почти все функции, которые были у КГБ в Советском Союзе, включая функцию политического сыска и преследования инакомыслящих. Выходцы из КГБ заполнили высшие руководящие посты в государственных структурах и бизнесе. Существование могущественной спецслужбы, обладающей широкими полномочиями и при этом неподконтрольной парламенту, неправительственным организациям и СМИ, стало одной из основных угроз молодой российской демократии.

Книга Андрея Солдатова и Ирины Бороган «Новое дворянство: очерки истории ФСБ» посвящена главной российской спецслужбе. Ее авторы — известные российские журналисты, многие годы занимавшиеся журналистскими расследованиями терактов, операций спецслужб, с которыми, чаще всего на условиях анонимности, делились информацией сотрудники российских спецслужб. Они много знают про ФСБ и не раз подвергались давлению и преследованиям со стороны российских «органов». Книга была написана

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

вначале на английском языке для американских читателей и теперь доступна на русском языке отечественной аудитории.

Авторы подробно рассказывают, как после ликвидации КГБ СССР 3 декабря 1991 года указом Михаила Горбачева российские спецслужбы собирали себя вновь, как капли разлитой по полу ртути. Уже в январе 1992 года российский президент Борис Ельцин создал Министерство безопасности РФ, однако в декабре 1993 года оно было упразднено и создана Федеральная служба контрразведки (предшественница ФСБ), возродились подразделения политического сыска и т. д. А затем — «в 2000-е годы Федеральная служба безопасности России, наследница советской тайной полиции (Комитета государственной безопасности, КГБ), постепенно взяла

на себя роль новой элиты, постоянно расширяя сферу своих полномочий, будучи недостижимой для какого бы то ни было контроля со стороны общественности и парламента». И тем самым задача защиты государственной и общественной безопасности оказалась фактически смешана с совершенно другой задачей — «обеспечивать стабильность действующего политического режима, т. е. власти самого президента». При этом руководство ФСБ не скрывает своего особого статуса в обществе. Экс-глава ФСБ Николай Патрушев (ныне возглавляющий Совет безопасности) назвал в 2000 году чекистов «современными «неодворянами»».

«Неодворяне», в отличие от советских времен, получили доступ к огромным деньгам и материальным ресурсам. Получив власть и рычаги управления в крупных корпорациях, они принялись обогащаться. Авторы рассказывают историю о том, как в 2003–2004 годы большая группа генералов ФСБ получила в частную собственность участки государственной земли на Рублево-Успенском шоссе. В прессе было также немало расследований о причастности спецслужб к отмыыванию и выводу за рубеж миллиардов долларов из российских банков. Надо ли говорить о том, что ни один такой случай не был расследован правоохранительными органами России?

Российская Конституция запрещает преследовать граждан за политические взгляды и инакомыслие. Советские статьи уголовного кодекса об «антисоветской агитации и пропаганде» давно канули в лету. Но российские спецслужбы быстро добились появления «достойной» им замены. В российском УК появились крайне размытые и неконкретные «антиэкстремистские статьи» (в частности, ст. 282 УК РФ), которые стали широко использоваться для преследования оппозиционеров и фабрикации против них уголовных дел. Спецслужбы и МВД создали систему составления списков и контроля граждан, внесенных в списки «экстремистов», в ФСБ и МВД были созданы новые подразделения по борьбе с экстремизмом, нацеленные на борьбу с политической оппозицией.

Для обеспечения правопорядка на массовых мероприятиях и для разгона мирных акций протеста в России были созданы огромные по численности формирования внутренних войск МВД (около 200 тысяч человек!).

Была увеличена численность отрядов особого назначения (ОМОН) — с 98 до 121, кроме того, в структуре МВД имеется еще и 87 отрядов милиции специального назначения (ОМСН). В результате в России сегодня 208 отрядов специального назначения общей численностью более 25 тысяч обученных и вооруженных бойцов — целая армия!

При этом провалы не мешают ФСБ активно заниматься самопиаром. Акцент сделан на телевидение и кино. На ТВ выходят «исторические документальные фильмы» о подвигах советских разведчиков и контрразведчиков. Возрожден андроповский конкурс «на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов госбезопасности». При этом были ограничены возможности журналистов работать в «горячих точках» и местах проведения операций ФСБ.

ЧК была создана в свое время Лениным для организации беспощадного и кровавого «красного террора» против врагов большевистского режима. Сталин превратил органы НКВД в инструмент массовых репрессий против целых народов и социальных групп. Чекисты всегда стояли на страже политического режима, а не общества. Они никогда не подчинялись закону, будучи сознательно поставлены выше него, не несли реальной ответственности за совершаемые ими преступления. Сохранение такого института в современной России является одним из главных препятствий на пути создания демократического правового государства. Не говоря уже о реальной опасности, которая исходит от таких «органов» гражданам России, чья жизнь, свобода, собственность и частная жизнь оказываются беззащитными перед корпоративными интересами спецслужб, сросшихся с политической властью.

А. Солдатов и И. Бороган собрали и систематизировали все, что известно о современном состоянии и деятельности российских спецслужб. Изложенные ими факты и истории — лишь часть картины, но и ее достаточно, чтобы осознать, какую опасность несут институты, наделенные огромными полномочиями и силовыми возможностями и при этом находящиеся вне контроля парламента и гражданского общества.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

Л. Буракова. Почему у Грузии получилось. — М.: ООО «Юнайтед пресс», 2011. — 271 с.

Восстановление структур и функций российской «охранки» и советской «линейки» НКВД/КГБ/ФСК/ФСБ за минувшие 20 лет лишний раз доказывает верность известного высказывания «отца» европейской интеграции Жана Монне о том, что институты и учреждения способны надолго пережить своих создателей. Эксперт Школы Алексей Салмин писал о «рудиментарных институтах», которые, перейдя из советского прошлого в российское настоящее, стали одним из основных препятствий на пути трансформации страны в современное демократическое правовое государство. И то же самое происходило в большинстве других постсоветских государств, возникших на месте бывшего СССР (в Белоруссии, Казахстане, республиках Центральной Азии). В наши дни советские институты и практики бурют реванш и в «посторанжевой» Украине.

Преодоление советской политической культуры требует политической воли и разрыва с прошлым. Постсоветский опыт доказывает — из старых кирпичей новое здание построить невозможно.

До «революции роз» в Грузии в 2003 году в лесном хозяйстве страны работали более 3000 человек, процветали незаконные вырубki и браконьерство. В ходе радикальной лесной реформы штаты лесной отрасли были сокращены на 75%. По итогам тестирования и собеседований были отобраны 760 сотрудников, 95% которых никогда до этого не работали в лесном хозяйстве. Средняя зарплата сотрудников была повышена в 16 раз. Было закуплено современное оборудование и образован новый орган — полиция охраны окружающей среды. Был утвержден прозрачный механизм продажи крестьянам лицензий на заготовку леса и дров. Незаконные порубки и браконьерство в Грузии сегодня ликвидированы.

Об этом рассказывает в своей книге «Почему у Грузии получилось» Лариса Буракова, молодой российский экономист, сотрудник Института экономического анализа, посвятившая несколько последних лет внимательному изучению феномена грузинских экономических и институциональных реформ.

После революции 2003 года новое грузинское руководство отчетливо понимало, что стране нужны системные и радикальные преобразования. А также то, что действовать необходимо быстро — политическое «окно возможностей» обычно быстро захлопывается.

«Сразу после революции мы все понимали, что надо создавать что-то новое, что старое не годится, и еще точно знали, что должны бороться с коррупцией», — говорит главный советник президента Грузии Вато Лежава.

В общей сложности с 2004 года новым грузинским руководством были инициированы и реализованы более 70 различных реформ, изменивших Грузию в лучшую сторону. Все основные показатели страны, как количественные, так и качественные, быстро улучшались. Грузия заняла первое место в мире по скорости избавления от коррупции, 4-е место по легкости налогового бремени, 12-е в списке стран с лучшими условиями для ведения бизнеса. Среднегодовые темпы роста ВВП достигли 9,3%. Золотовалютные резервы увеличились в 11 раз, на обслуживание внешнего долга идет лишь 1% ВВП. После ликвидации ГАИ смертность на дорогах не выросла, а, напротив, сократилась почти в два раза. После реформы полиции выросло доверие к полицейским — им доверяют 70% населения. Новая полиция стала одним из трех институтов, уважаемых в обществе (наряду с церковью и армией). Число тяжких преступлений против личности сократилось за последние пять лет втрое.

Иначе говоря, грузинские реформы последних лет оказались успешными. На всех приезжающих из других постсоветских стран наиболее сильное впечатление производит грузинская деbüroкратизация: «За считанные минуты (в буквально смысле!) можно получить визу при въезде в страну (для жителей более чем шестидесяти стран она не требуется вообще), сделать паспорт, необходимый для поездок за границу, или внутреннее удостоверение личности, оформить сделку о покупке машины, зарегистрироваться в качестве индивидуального

предпринимателя, обзавестись справкой о владении собственностью».

Лидер реформ грузинский президент Михаил Саакашвили отдавал себе отчет, что только быстрые и решительные преобразования дадут результат: «Мы пришли, чтобы поменять все правила игры».

При подборе людей в команду реформаторов, в кардинально реформированные и новые министерства и ведомства приоритет был отдан молодежи, провинциалам, активистам из неправительственных организаций. «Была создана команда энтузиастов, а не карьеристов».

Грузинам помогла чрезвычайная слабость старых советских институтов. «Грузии повезло в том смысле, что все советское очень быстро разрушилось».

В итоге «строительная площадка оказалась расчищенной», — говорит грузинский президент. «Коррупцированных чиновников пересажали, остальные стали нормально работать. Появился ежедневный контроль. То есть просто начали наводить порядок».

Для успеха реформ необходимы сильная команда политиков, решительность и скорость преобразований. Саакашвили рекомендует: «Нельзя откладывать реформы. Окно возможностей всегда очень быстро может закрыться. Не идти на компромиссы... Главное, чтобы была четкая идея и энергичное движение. А когда есть идея, люди приходят сами».

Огромную роль в разработке и практической реализации грузинских реформ сыграл российский предприниматель грузинского происхождения Каха Бендукидзе. Он стал главным идеологом, вдохновителем и мотором большинства реформ. Грузия много приобрела, а Россия — потеряла с его отъездом из Москвы в Тбилиси.

Лариса Буракова выделяет три главных урока «бендуномики», ведущие Грузию к успеху. Это деbüroкратизация, приватизация и либерализация. По всем трем направлениям страна продвинулась намного дальше других постсоветских государств.

Численность грузинских министерств и ведомств была сокращена в полтора раза, а число их сотрудников — вдвое. При этом зарплата госслужащих была повышена в 15 раз. Это помогло уничтожить коррупцию в госаппарате. Самой успешной стала реформа МВД. Эта реформа была радикальной — за один только день были уволены сразу 15 000 сотрудников полиции. Был набран практически новый состав полиции, численность министерства сократили в три раза, а зарплату подняли почти в 10 раз. Коррупция исчезла, а кривая преступности резко пошла вниз.

В стране произошла радикальная смена элит. «Новая политическая элита, — отмечает автор, — ничего общего не имеет с советской номенклатурой. И в мелочах, и в главном. Она и ведет себя иначе, не огораживаясь от народа глухими заборами и автомобилями с “мигалками”. Ни в одном кабинете не увидишь портретов президента, зато везде есть герб страны». «Выходит, чиновник служит не одному человеку, а всей стране».

Реформирование советских институтов, решительный разрыв с тоталитарным прошлым — необходимое условие успешных реформ.

Мера вещей

Человек есть мера всех вещей.

Протагор

В рамках просветительского форума Московской школы политических исследований «Регион в глобальном мире» в 2011 году прошли выставки «Мера вещей. Образ человека в русском искусстве от средних веков до наших дней» в четырех городах России. Идейный вдохновитель проекта — директор издательских программ Юрий Сенокосов. Его, казалось бы, утопичную идею раскрыть понятия свободы и достоинства человека с помощью языка визуальной культуры поддержа-

ли региональные и федеральные эксперты, местные власти и общественные организации. Куратор и автор экспозиций — известный искусствовед, историк и культуролог, руководитель отдела образовательных программ Государственного центра современного искусства Евгений Барабанов.

Все выставки проходили в стенах региональных художественных музеев и демонстрировали как малоизвестные произведения, находящиеся в запасниках, так и творчество современных местных художников. Музей при этом рассматривался как пространство диалога традиции и современности, как дискуссионная среда формирования образов культурной и гражданской идентичности. Выставки не задумывались как иллюстрация к набору отвлеченных идей или агитационных тезисов и программ. Их назначение — стать поводом для размышлений, дискуссий, для пересмотра «готовых точек зрения» и расхожих стереотипов.

Первая выставка в рамках проекта прошла в **Перми**. Вернисаж в Пермской государственной художественной галерее — одном из крупнейших музеев уральского региона — состоялся 7 апреля. Экспозиция была построена в хронологической последовательности, а экспонаты отображали различные образы человека — от иконы и знаменитой пермской скульптуры до офи-

циального и неофициального искусства советских годов. Настоящей сенсацией пермского вернисажа стал найденный в запасниках галереи портрет Иммануила Канта.

Этот портрет считался одной из копий с утерянного оригинала неизвестного художника. Однако Евгению Барабанову удалось доказать, что обнаруженный в Перми портрет Канта написан в 1768 году прусским художником Иоганном Готтлибом Беккером, умершим при жизни Канта и лично знакомым с философом.

Следом за Пермью — **Краснодар**. 18 мая выставка «Мера вещей» распахнула перед посетителями двери художественного музея им. Ф.А. Коваленко.

На выставку были отобраны 15 художников и арт-групп, но экспозиция получилась цельная и крепкая. В музее зрители увидели живопись, концептуальную фотографию, инсталляции и объекты современных художников Краснодарского края разных поколений, разных жанров.

Для Московской школы политических исследований было принципиально важно организовать выставку на основе творчества молодых художников. Это самая «живая» среда, максимально восприимчивая к идее проекта.

Выставка «Мера вещей: образ человека в искусстве Сибири XVII–XXI вв.» открылась 17 июня в **Иркутске**.

Основой экспозиции стали работы из фондов Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева и частных коллекций Иркутска. Цель выставки — продемонстрировать, какими характеристиками наделялись художественные образы человека в сибирском искусстве от Средних веков до наших дней.

Евгений Барабанов, например, с удивлением обнаружил, что иркутским художникам удается еще сохранять са-

мобытность — в отличие от столичных, ушедших от изобразительного искусства к «выразительному» — перформансам, инсталляциям.

Вслед за Пермью, Краснодаром, Иркутском искать образы региональной идентичности в искусстве и гражданском самосознании Московская школа политических исследований отправилась на кировскую землю. 23 сентября — открытие выставки «Мера вещей. Образ человека в искусстве Вятки XVII–XXI веков» в **Вятском** художественном музее имени В.М. и А.М. Васнецовых.

Экспозиция объединила вятские иконы и уникальные фотообразы начала XX века вятского художника-фотографа Сергея Лобовикова, произведения молодых художников стрит-арта и видеоарта, представленные «Галереей Прогресса».

На протяжении тысячелетий лучшие умы на разных этапах развития общества формировали представления о гражданственности, о свободе и достоинстве человека. Формируя состав каждой экспозиции в рамках проекта «Мера вещей», организаторы стремились создать то культурное пространство, которое способствовало бы диалогу о человеке и его мире, о ценностях общества в различные эпохи его развития.

У посетителей выставок во всех регионах была возможность не только оценить экспонаты, но и обсудить увиденное. Прямо «внутри экспозиции», на площадках художественных музеев состоялись круглые столы, посвященные проблемам современной культуры и гражданской жизни. Кроме того, выставкам сопутствовали музейные каталоги с иллюстрациями и пояснительными статьями.

Марина Скорикова

CONTENTS

TO OUR READER	5	LAW AND POLITICS	
SEMINAR		Containing Corruption: The Limits of Possible	
Street Riots and the Duty of a Policeman <i>Sir Chris Fox, Keith Hampson</i>	7	<i>Elena Panfilova</i>	71
Discussion	12	Law and Authority or a Right to Power?	
The Russian Economy: Limits of Optimism		<i>Svetlana Neretina</i>	75
<i>Serguei Aleksashenko</i>	18	CIVIL SOCIETY	
Discussion	23	Civil Education in the History of Western Philosophy	
THEME OF THE ISSUE		<i>Alexander Sogomonov</i>	86
Russia in the Global Economic Space		Street Riots and the Rhetoric	
<i>Torbjorn Becker</i>	29	<i>Leon Conrad</i>	97
CHALLENGES AND THREATS		HORIZONS OF UNDERSTANDING	
Internet and the Society		We Are No Longer Bandar-logs	
<i>Michael Mertes</i>	35	<i>Alexander Volkov</i>	101
MASS MEDIA AND SOCIETY		ANNOUNCEMENT	
A Journalist in Difficult Times		Washington's U Street: A Biography	
<i>Quentin Peel</i>	41	<i>Blair Ruble</i>	107
A VIEWPOINT		BOOKS	
Evolution of the Russian Journalism		A Biography of the School's Expert	
<i>Andrei Kolesnikov</i>	46	<i>Alexander Sogomonov</i>	111
ELECTIONS		Regional Book Review	
Elections—2011		<i>Yulia Lebedeva</i>	114
<i>Nodar Khananashvili</i>	53	Counterpoint	
STATE AND SOCIETY		<i>Vladimir Ryzhkov</i>	117
Civil Control — A Sensitive Zone in a Modern State		NOTA BENE	
<i>Mikhail Fedotov</i>	59	The Measure of Things	
		<i>Marina Skorikova</i>	122

СОДЕРЖАНИЕ журнала «Общая тетрадь» за 2011 г.

Гессель Александр

О европейских ценностях (№ 2)

Юрий Сенокосов

К читателю (№ 1, 3, 4)

Семинар

Волков Вадим

О верховенстве права и формировании правового государства в России (№ 2)

Гогин Сергей

Заметки с семинара (№ 1)

Пайтс Ричард

Собственность и свобода (№ 1)

Скорикова Марина

Заметки с семинара (№ 2)

Темпл Сильке

Почему важны институты в построении демократии? (№ 3)

Фокс Крис, Хэмпсон Кит

Уличные беспорядки и долг полицейского (№ 4)

Тема номера

Алексащенко Сергей

Экономика России: пределы оптимизма (№ 4)

Беккер Торбьерн

Россия в глобальном экономическом пространстве (№ 4)

Магарил Сергей

Российский правящий класс: механизмы вырождения (№ 2)

Согомонов Александр

Современная российская модернизация: гражданский и нравственный вызовы (№ 1)

Согомонов Александр

Гражданское образование (самое общее введение в предмет) (№ 3)

Вызовы и угрозы

Мертес Михаэль

Интернет и общество (№ 4)

Культура и политика

Зубов Андрей

Культурные предпосылки демократической системы (№ 1)

Лай Хайронг

О синтезе традиционных китайских ценностей и ценностей либеральной демократии (№ 1)

Гражданское общество

Волков Денис

Перспективы гражданского общества в России (№ 2)

Круглый стол: язык гражданского общества (Нижний Новгород) (№ 1)

Конрад Леон

Уличные беспорядки и риторика (№ 4)

Согомонов Александр

Гражданское образование в истории западной философии (№ 4)

Трудолобов Максим

Цемент нашего времени (№ 1)

Россия и Запад

Грушко Александр

Европейский вектор политики России (№ 3)

Штудниц Эрнст-Йорг

Россия — стратегический партнер? (№ 3)

Власть и общество

Розанваллон Пьер

Власть против общественной пользы (№ 3)

Закон и право

Радбрух Густав

Пять минут философии права (№ 3)

Угрехелидзе Миндия

Суд и правосудие: независимость и подотчетность (№ 3)

Дискуссия

Круглый стол: Языки и традиции гражданского общества (№ 2)

Точка зрения

Гурие в Сергей

Высшая школа: реформировать, не теряя времени (№ 1)

Захаров Андрей

О «спящей» федерации, церкви и национализме (№ 2)

Колесников Андрей

Эволюция российской журналистики (№ 4)

Минаков Михаил

Россия и Украина в поисках взаимного признания (№ 2)

Соколов Никита

«Россия для русских» (№ 3)

Хоскинг Джефффри

Доверие: деньги, рынок и общество (№ 2)

Шамис Евгения

Кремниевая долина: понимаем ли мы, что это такое? (№ 1)

СМИ и общество

Пил Квентин

Журналист в трудные времена (№ 4)

Выборы

Хананашвили Нодар

Выборы—2011 (№ 4)

Государство и общество

Федотов Михаил

Общественный контроль — чувствительная зона современного государства (№ 4)

Право и политика

Неретина Светлана

Право и власть или право на власть? (№ 4)

Панфилова Елена

Противодействие коррупции: пределы возможного (№ 4)

Регионы России

Никита Белых

Гражданская позиция выгодна обществу (№ 2)

Горизонты понимания

Большаков Сергей

Политический концепт сетевого управления. Очерк методологии (№ 1)

Волков Александр

Мы уже не бандерлоги (№ 4)

Савва Михаил

Гражданская культура и управление в современной России: региональный аспект (№ 2)

Личный опыт

Васильев Сергей

Московско-ленинградская экономическая школа (№ 3)

Харичев Игорь

Август 91-го и оппозиция (№ 3)

Интервью

Балакирева Наталья

Макаркин Алексей

Россия — Польша: осмысление прошлого и диалог (№ 1)

Из отечественных изданий

Семенов Андрей

Гражданское общество и публичная сфера (№ 3)

Фадеева Любовь

«Вестник Пермского университета» (№ 3)

Наш анонс

В.А. Маклаков

Из воспоминаний (№ 3)

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.

Молодежь России (№ 3)

Рубл Блэр

Вашингтонская U-стрит. Биография (№ 4)

Трудолюбов Максим

Я и моя страна: общее дело (№ 2)

Книги

Захаров Андрей

Уходящее племя (№ 1)

Захаров Андрей

От красного к зеленому (№ 2)

Лукьянов Федор

Афганистан как актуальное прошлое (№ 3)

Согомонов Александр

Биография эксперта Школы (№ 4)

Региональное книжное обозрение

Грушевский Дмитрий (№ 1)

Лебедева Юлия (№ 4)

Согомонов Александр, Князев Игорь (№ 3)

Шмелев Александр (№ 2)

Контрапункт

Рыжков Владимир (№ 1—4)

Nota bene

Ильковский Константин, Тимофеев Дмитрий

Российское образование и будущее альтернативной энергетики (№ 3)

Лиходеев Леонид

Записки человека со скверным почерком (№ 2)

Сапко Игорь

Мастерство политического портрета (№ 1)

Скорикова Марина

Мера вещей (№ 4)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА

В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

СЕМИНАР

(Голицыно, 8–10 декабря 2011 г.)

Наши авторы:*Александр Архангельский**Сергей Большаков**Александр Даниэль**Андрей Захаров**Джон Ллойд**Алексей Макаркин**Сэм Пассоу**Владимир Рыжков**Андрей Рябов**Александр Согомонов**Никита Соколов**Максим Трудолобов**Марк Франко**Светлана Шмелева*

Подписано в печать 15.03.2012.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8.0.

Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

127006 Москва,

Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1

e-mail: mmps@mmps.su

<http://www.mmps.su>

ISBN 978-5-91734-027-2